

**АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ
НИКОЛАЙ МАКАРОВ**

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Александр Сегень
Пир победителей

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сегень А. Ю.

Пир победителей / А. Ю. Сегень — «ВЕЧЕ», 2025

ISBN 978-5-4484-5412-7

В книгу «Пир победителей» вошли роман Александра Сегеня «Альпийские снега», посвящённый мало исследованной в литературе теме — организации снабжения наших войск в годы Великой Отечественной войны, и биографический очерк Николая Макарова о своём деде — главном интенданте Красной армии Павле Ивановиче Драчёве. Автор романа на основе изученных документов развеивает пренебрежительное отношение к интендантам. Достаточно того факта, что к 1945 году благодаря их работе всего необходимого в армии имелось в полтора, а то и в два раза больше, чем требовалось по разнарядкам. Показано, с каким трудом это было достигнуто, особенно в тяжелейшие первые военные годы. Помимо ярких образов главных героев читателя ждут интереснейшие сведения о том, что ели, во что одевались наши воины, как разрабатывались награды, в какие непростые отношения приходилось вступать с союзниками по поводу поставок по ленд-лизу и многое другое.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-5412-7

© Сегень А. Ю., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Александр Сегень	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвёртая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	40
Глава седьмая	43
Глава восьмая	46
Глава девятая	57
Глава десятая	69
Глава одиннадцатая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Александр Юрьевич Сегень,
Николай Борисович Макаров**
Пир победителей
Сборник

* * *

© Сегень А.Ю., 2025

© Макаров Н.Б., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2025

* * *

80-летнему юбилею Великой Победы посвящается

Александр Сегень
(1959)

Николай Макаров
(1960)

Александр Сегень

Альпийские снега

Роман

Глава первая

Хлеб наш насущный

Родное слово «еда»... Не провизия, не провиант, а именно еда.

Конечно, и на войне, и в жизни вперёд выходят такие понятия, как служение Родине, доблесть, честь, отвага, наконец, любовь. Но всё это подкрепляется питанием. Подпитывается едой.

Голодный боец злой, и в первые дни несытую злобу срывает на враге. Но на третий день пустого брюха его злоба начинает перерастать во внутреннее опустошение – пропади всё пропадом, скорее бы уж убили, чем такая голодная жизнь. Он дерётся с врагом ещё злее, но уже и жизнь свою не жалеет. На пятый день такого существования им овладевает тоска, а через неделю наступает вялость, безразличие, умру – не умру...

Совсем другое дело, если боец хотя бы раз в сутки вступает в общение с полевой кухней. Он не обжорствует, но ест основательно, ровно столько, чтобы поддерживать себя в нужной форме. Сытость свою уважает и не станет безрассудно подставлять её под вражеские пули и снаряды, а будет беречь и прятать собственное тело не как пустую ёмкость, а как нечто важное, содержащее в себе ценность. И в смертный бой пойдёт с достоинством сытого воина, а не голодного, которому уже на всё наплевать.

Так размышлял старшина Арбузов, повар стрелкового полка 245-й дивизии 34-й армии, до краев наполняя двенадцатилитровый армейский термос фронтowym гуляшом, который бойцы называют макалкой. Он состоит из говядины и свинины, основательно протомлённых с картошкой, морковкой, луком и чесноком до той кондиции, когда из грудинки сами собой выскакивают косточки. Всё это щедро сдобрено подливой, которая потом остаётся в котелках, в неё макают хлеб и доедают, отчего и блюдо получило своё наименование. Но повар Арбузов слово «макалка» не приемлет, его корёжит, когда кто-то называет харчо или шурпу похлёбкой или того хуже – баландой, картофельные оладьи – драчёнами, спагетти по-итальянски – тягучей лапшой, и потому гуляш для него остаётся гуляшом. Даже при отсутствии столь обязательного компонента, как паприка. А также безотносительно к венгерскому происхождению блюда, но потому что само по себе слово удалое – поел и гуляешь.

Аромат разносился на километр, и полковой пёс по кличке Фортель переживал, что не ему всецело предназначено сие великолепие, а лишь незаслуженно малая порция.

– Ну что, брат, – сказал повар Фортелю, потрепав его за ухом. – Ты, конечно, настоящий ценитель моей кухни. Поэтому сегодня для тебя целое богатство. – И он высыпал перед носом пса гору сочных и сладких грудных косточек.

Уважающий себя Фортель не набросился, как какой-нибудь подзаборный, а с достоинством подошёл, понюхал и приступил к обеду. Зазвучал благословенный хруст.

Наглухо завинтив болтами крышку термоса, Арбузов уложил своё сокровище на брезентовые салазки, на спину забросил рюкзак с хлебом, салом, огурцами и зеленым луком и перекрестился:

– Господи, благослови!

Дивизия, в которой служил Арбузов, вошла в состав 29-й армии в середине июля, совершила марш на Бологое, потом дошла до Демянска и здесь была переписана в 34-ю армию. Во время контрудара под Старой Руссой она в середине августа заняла оборону по линии дороги Славитино – Большое Междуречье и, наконец, вошла в боевое соприкосновение с немцами, подверглась мощным ударам авиации, понесла большие потери, но стойко держала оборону.

Вот уже несколько дней полк под командованием подполковника Попова не имел возможности получить питание, воюя на пустой желудок, и приписанный к роте старшего лейтенанта Зубова фронтовой повар Арбузов по-отечески переживал за своих питомцев, отлученных от нормального питания, а сухой паек у них уже иссяк. Во сне он видел их голодные родные лица и страдал. Вот почему сегодня решился под покровом ночи пересечь огромное голое и насквозь простреливаемое пространство, добраться до своих и спасти их от голода.

Конечно, можно дождаться, когда еда малость остынет, и тогда надеть термос на спину с помощью лямок, а рюкзак разместить на груди, но ему мечталось, как он раздаёт горячее чудо по котелкам, и бойцы ликуют: «Ты смотри, ещё дымится!» А потому он спешил.

– Товарищ старшина, разрешите с вами, – в последний раз попытался напроситься младший повар рядовой Никитин. Арбузов, в мирное время работавший в лучших ресторанах, предпочитал только готовить, а потом смотреть, как Никитин разливает еду по котелкам. Лейтенант Репейников однажды заметил, что у бойцов именно Никитин инстинктивно ассоциируется с едой, поскольку его черпак доставляет пищу в котелки. Но с мнением Репейникова нельзя согласиться, бойцы прекрасно понимали, кто им готовит, а кто всего лишь разливающий.

– Отставить разговоры, – возразил Арбузов. – Если меня убьют, ты приготовишь щи да кашу?

– Доведётся, так приготовлю, – почесал за ухом Никитин. – Но лучше не погибай. Немцы шпарят, осторожнее будь, Василий Артамоныч. Термосом закрывайся, его наскрозь не пробьёшь.

– Учи учёного, – проворчал старшина и пустился в путь.

И он полз, таща за собой салазки, что нисколько пока не обременяло. Вот только ночь, как назло, стояла светлая, полнолунная, а потому предательская. Чтобы не думать о возможных неприятностях, Арбузов продолжал рассуждать о великом значении еды.

Ещё Суворов говорил: «Штык да каша – победа наша», приравнивая оружие к еде. Однажды в Италии великий полководец шёл берегом реки Треббии и увидел, как солдаты, заметив его, зачерпывают воду, садятся и принимают есть из котелков ложками. Подойдя, обнаружил, что в котелках одна вода. «Это что вы такое едите, братцы?» – «А изволь видеть, душа фельдмаршал, итальянский суп», – отвечают они с издёвкой. «А ну-ка, дайте попробовать!» – присел к ним Суворов, взял котелок, ложку, стал хлебать да нахваливать: «А хорош суп итальянский! Не жирный, не пересолен, не переперчён». Облизал ложку и говорит: «Ничего, ребята, как только крепость возьмём, будет нам суп настоящий».

Эту историю Арбузов очень любил и часто рассказывал бойцам, всякий раз добавляя: «А при мне, ребята, вы ещё ни разу итальянского супа не пробовали». Опытный вояка и повар, был он и отменным добытчиком ещё со времён той, предыдущей Германской войны, особенно когда служил во Франции, где лягушатники лишь поначалу заботились о пище для русского солдата-союзника, а потом кормили всё хуже и хуже.

Но сейчас мы на своей земле, и должны во что бы то ни стало найти солдату пропитание, особенно когда он держит оборону. Поскольку известно, что в наступление иди натошак, отступай в полжелудка, а обороняйся с полным животом. Оттого и ползёт старшина Арбузов по древней земле русской под музыку пуль.

Его всегда злило, когда вспоминал, как донской казак Вовозков, тогда ещё, в Первую германскую пел: «На редуте мы стояли три часа, пуля сыпалась, жужжала, как оса». Ибо осы не

жужжат, а жужжат пчёлы. А главное, каких только звуков ни издаёт летящая пуля, но только не жужжит она по-пчелиному. Стрижом – да, свистит, бывает. Или ласточкой. Или будто вдоль по натянутой струне проведут лезвием ножа. А вообще, трудно с чем-то сравнить звук пули, не говоря уж о том, что чаще всего она вовсе бесшумно летит, словно летучая мышь. Особенно – твоя. Свою пулю никогда не услышишь, которая тебя ранит или убьёт. Это всякий знает, в том числе и Арбузов, переживший несколько ранений. Лишь в нынешней войне пока, слава богу, не обозначился. Хорошо бы и на сей раз пронесло.

Итак, Суворов... Но, думается, не только он, а и всякий полководец, великий или малый, понимает необходимость правильного и своевременного приёма пищи. Горячее питание на фронте дают в часы предрассветные или послезакатные, остальное время боец пользуется сухим пайком – хлебом, салом, консервами, подножным кормом. Так положено по уставу и так правильно.

Вот и сейчас опытный повар старался до рассвета достичь наших позиций. Он думал о молитве «Отче наш», с которой когда-то в детстве родители приучали его к посещениям церкви. Там человек просит у Бога о прощении прегрешений, об избавлении от искушений лукавого, но прежде всего – «хлеб наш насущный даждь нам днесь», ибо без хлеба насущного трудно не грешить и не впадать в искушения, трудно бороться. То есть он, повар Арбузов, является мостом между Богом и человеком и по этому мосту доставляется хлеб наш насущный.

Поначалу Василий Артамонович, имея копчёную свиную грудинку, намеревался затеять гороховый суп. Его не все одобряют, поскольку у многих суп-горох пробуждает музыкальные способности, но пища эта основательная, достаточно и равномерно снабжённая жирами, белками, углеводами и имеющая хороший калораж. Сытость от неё вязкая и продолжительная, держится в человеке крепко. По мнению Арбузова, ничто так не утешает проголодавшегося воина, как полный котелок наваристого горохового супа, выполненного по всей строгости рецепта. Даже пустой, без мяса и жира, он способен поддержать силы, а уж если в нём много говядины и разваренная до изнеженного состояния грудинка, то это не еда, а настоящая симфония хорошего композитора!

Но суп – жидкость. На передовой нужно что-то потвёрже. Хороша гречневая каша, разумно облагороженная тушёнкой, тоже занимающая долговременную позицию в животе. Великолепен рис, и можно бы сделать настоящий плов по-самаркандски.

И всё же особым почтением пользуется гуляш-макалка, а суп – если пули пробьют термос, то, как ни затыкай, он больше, чем наполовину, вытечет, в то время как макалка лишится лишь трети своей составляющей.

Гороховый суп хорош, если следом за ним идёт второе блюдо, а гуляш – верный друг, он являет собой соединение первого и второго блюд. И сейчас, двигаясь через простреливаемое поле, добрый повар чувствовал, что рядом с ним не термос с бездушной смесью горячих компонентов, а живое существо и хороший собеседник, столь же сильно взволнованный тем, чтобы быть доставленным на позиции целым и невредимым. «Ну что, гуляш, доберёмся мы до ребят?» – «Доберёмся, кашевар!»

Слово «кашевар» Арбузов почему-то считал обидным, как если бы писателя назвать писакой или бумагомаракой, хирурга – мясником, художника – мазилой, поэта – рифмоплётом, пожарного – топорником, а журналиста – щелкопёром. Да, повару приходится почти всегда, кроме супов и вторых блюд, варить разные каши, но ведь не только ими ограничивается его искусство. Почему-то ресторанного повара кашеваром не назовут, а фронтового – трудягу и профессионала – запросто.

А самая худшая несправедливость, что у многих неискушённых советских людей образ повара сложился негативный – эдакий жирдяй, улетающий во всё рыло, и пока собственное брюхо не наполнит, к приготовлению пищи не приступает. И даже приворовывает и куда-то там перепродаёт. Хотя куда он может перепродать, одному чёрту известно.

Взять хотя бы Арбузова, он, конечно, не скелет, но и не толстяк, вполне подтянут, жировая прослойка минимальная и возникла лишь потому, что приходится постоянно снимать пробу и вдыхать калорийные испарения. Ему что, нос затыкать? Он даже пригарок, вполне пригодный для поедания, не делит с Никитиным, а отдаёт желающим бойцам, и те охотно его употребляют, поскольку пригарок у Арбузова не чёрный и горький, а представляет собой хрустящие вкусные коржики, порой даже вполне похожие на блины. Обычно сублинный Никитин предварительно тщательно моет ноги, залезает в котёл, соскребаёт со стенок сей отход производства, и Арбузов угощает любителей, при возможности сдабривая маслом или топлёным салом. А, заметьте, нигде в инструкциях не сказано, что пригарок обладает собственной ценностью и обязан распределяться среди поставленных на довольствие. Ни в конституции, ни в уставе про пригарок вообще нигде не упоминается.

Вот ещё интересное выражение. У них в полку, да и во многих подразделениях Красной армии принято говорить о павших иносказательно и именно с точки зрения питания. Если кто-то погиб, часто о нём с тяжёлым вздохом так и говорят: «снялся с довольствия».

Поскольку словообразование носит ироничный оттенок, его охотнее применяют к немцам. Говорят, прицелившись: «Ну-ка, снимем этого фрица с довольствия». Или: «Волков сегодня молодец, двух гансов с довольствия снял».

Впрочем, друг мой гуляш, гансами их уже не называют, более популярным стало слово «фрицы», и Арбузов недавно вычитал в «Красной звезде», что это слово имеет следующее происхождение: сами немцы так называют тех, кто отправлен на восточный фронт. План нападения на СССР имеет название «Барбаросса». Этого средневекового германского военачальника звали Фридрихом, а уменьшительно – Фриц.

Тут мысленную беседу с гуляшом прервал звук, ужасный для сердца старшины Арбузова. Пробоина! – бросился он к термосу, ожидая увидеть дырку, сквозь которую вытекает вкуснейшая подлива. На сей случай у него был заготовлен патрон «Маузер», чтобы вовремя заткнуть им дырку, соответствующую распространённому немецкому калибру 7,92.

– Слава тебе, госсп! – обрадовался он, увидев лишь глубокую царапину, а не проникающее ранение. Груз оставался невредимым.

Повар полежал немного, отдышался, перевесил рюкзак на грудь, термос с помощью лямок надел на спину, а брезентовые салазки сложил и поместил между спиной и термосом.

– Вот так, – прокряхтел Арбузов, лежа лицом в сторону немцев, заслоняя термос собою.

Стрельба не прекращалась, и фронтовой повар почуял ещё пару пуль, беззвучно пролетевших неподалёку. Следовало поспешить, и он живее пополз, заслоняя собой термос, хотя это очень неразумно – если ранят макалку, всего лишь вытечет подлива и оставит обильную гущу, а если убьют человека, то и человеку какую, и груз сам собой до позиций не добежит. Но сейчас судьба подливы Василию Артамоновичу казалась важнее, и он продолжал ползти на правом боку, заслоняя собой термос.

В защиту столь неразумного поведения Арбузова можно сказать одно: в двадцатые годы жена его вместе с пятилетним сыном Витей ушла к герою Гражданской войны комбригу Уралову, ставшему одним из деятелей индустриализации, тот усыновил Витю, и мальчик гордился бравым отчимом, а родного отца, всего лишь повара, стеснялся и не признавал. Так Василий Артамонович остался на свете один-одинёшенек и другую семью взамен горячо любимой завести не смог. Правда, случилась в его жизни одна история страсти, но о ней повар Арбузов никому не рассказывал. Отец и мать его тоже давно снялись с довольствия, и случись пуле отпраздновать успех, никто на родимой земле не зарыдаёт о доблестном старшине.

Вдруг кто-то сильно дернул Арбузова за рукав. Кто это?! Он оглянулся и никого окрест себя, кроме луны, не увидел. В следующий миг горячее разлилось по предплечью, и первым делом повар вновь взволновался о судьбе подливы, но боль дала о себе знать, и он понял, что ранен в руку.

Василий Артамонович достал ремешок, чтобы перетянуть запястье выше раны и остановить кровотечение. Если вытечет подлива, останется съедобная основа – картошка, мясо, макароны и прочие ингредиенты, но если вытечет кровь, в гущу превратится человек, а он для пищи совершенно не пригоден. Повар горько усмехнулся, представив себе, как его мёртвого осматривают и так, и сяк, и выносят вердикт: «Нет, не пригоден».

Арбузов прополз ещё несколько метров и от отчаяния взвыл:

– Что вы припёрлись опять на землю нашу! Всё равно мы не дадим вам жить на ней. И не завоюете вы нас никогда, сволочи!

С чего он взял, что легко и невредимо пересечёт простреливаемую насквозь местность? Откуда родилась пагубная уверенность?

– Эхма! – воскликнул повар, встал на ноги и побежал.

Раненому, ему тяжелее было тащить на спине горячее живое существо, но злость родила некую лихость – пропади всё пропадом! – и он довольно много пробежал, чувствуя, как бронхи до боли сжались от дыхательного перенапряжения. Кровь не так сильно, но сочилась из раны на руке, боль подзадоривала, и старшина продолжал бег на виду у смерти, куда его снова не дёрнули, на сей раз за штанину, и теперь горячая человеческая подлива потекла под коленкой, забралась под портянку и дальше в ботинок. Он успел пробежать метров двадцать, прежде чем боль в ноге ниже колена не остановила его.

– Да что ж ты делаешь-то! – возмутился Арбузов, обращаясь непонятно к кому – к пуле, к гуляшу, к фрицам, к Фридриху Барбароссе, к Гитлеру или даже к самому Господу Богу. Он припал на здоровое колено и другим припасённым ремешком туго перетянул ногу выше ранения. Попытался встать и идти дальше, но не смог – боль молнией пронзила навывлет от ноги до виска, он упал и потерял сознание. Очнувшись через несколько минут, попытался встать и не смог. Тупо смотрел на лежащую неподалёку раздувшуюся коровью тушу, нельзя ли торчащую заднюю ногу оторвать и использовать в качестве костыля.

– Ну что? – простонал Арбузов, теряя надежду.

Но нет, он сам всегда утверждал: потеря надежды есть последнее, что может позволить себе русский человек, да и то лишь за секунду до смерти. А у Василия Артамоновича имелась заповедь: всегда исполняй то, что проповедуешь. И он, собрав силы, встал и пошёл. Адская боль грызла ногу, но теперь он понимал, что медленно ковлять всё равно получается быстрее, чем ползти.

От боли и усталости начало мутиться сознание. Луна смотрела на него безжалостным белым ликом и стреляла по нему. Руку, ногу, теперь что, голову? Но зачем же? Ведь он хороший, несёт голодным бойцам еду, которую полагается выдать в предрассветный час. А не так, как у фрицев, их горячим кормят только раз в сутки, в полдень. А на завтрак – хлеб с сыром и кофе. Они без кофе, видите ли, и воевать не могут.

Только представить себе, что он сейчас притащит ребятам термос не с гуляшом, а с кофеем. Стыдобища!

И спиртное гансам не положено, а у нас можно. Чтоб душа не зачерствела. И сейчас в рюкзаке у Арбузова спрятано то, о чем ранее не говорилось, оно закупороно под самую крышку в его старой дореволюционной стеклянной фляге, одетой в кожу.

Словно потешаясь, смерть сдёрнула с Арбузова пилотку и унесла её метра на три. Кровь потекла по лбу, по переносице, по усам и подбородку. Неужели конец? Фронтной повар ошупал голову и с облегчением обнаружил там всего лишь большую царапину. Смерть чиркнула лезвием по струне его жизни, но струну эту не перерезала.

И он пошёл дальше, преодолевая нестерпимый ад в ноге, перед которым боль в руке меркла, а царапина на голове и вовсе казалась укусом комара. Он шёл и, скрипя зубами, рычал.

В голове у Арбузова окончательно помутилось, только бы не упасть, только бы дойти! Страх не выполнить приказ, данный самому себе, жёг его страшнее, чем раны. И он шёл, шёл...

Сквозь туман Василий Артамонович увидел чёрный окоп, а главное – подопечных ребят в нём. И, падая в бездну окопа на руки своих родных питомцев, фронтовой повар, прежде чем потерять сознание, выдохнул громко и счастливо:

– Гуляш, ребята!

Глава вторая Повелеваныч

Достанется же такой кабинет человеку! Даже плохо – сядешь работать, а так и манит встать и хоть на минутку подойти к окну полюбоваться. Отвлекает от работы. А скольким не повезло – окна на узкую улицу, обычная картина, ничего примечательного. Зато не манит и не отвлекает...

К тому же и окно не простое, а венецианское, двойное, с полукружиями арок наверху, а посередине – колонна. Посмотришь, и глазам не верится: храм Василия Блаженного прямо перед тобой! Кузьма Минин указывает князю Пожарскому на Исторический музей. А за ними ещё Спасская башня Кремля строго вытянулась со звездой на голове.

Жаль, что ещё с лета по проекту архитектора Иофана замаскировали весь Кремль и Красную площадь. К Василию Блаженному добавили фальшивые стены из парусины, на разноцветные нарядные купола надели чехлы. И Спасскую башню фанерными щитами закрыли, а на Мавзолей, как коронку на зуб, надели фальшивое большое здание, тоже из фанеры и парусины. На брусчатке Красной площади нарисовали крыши домов. В итоге сверху кажется, что пролетаешь не над центром Москвы, а непонятно над чем. Все главные здания столицы, словно на комический карнавал, нарядились в некое бутафорское безобразие. Ходишь, и диву даёшься. Был Большой театр, стал большой урод. И думаешь, лишь бы всё это ненадолго, хоть бы к весне отбросили немца подальше от священного русского града на семи холмах. Чтобы всё это ненастоящее сняли с величественных строений.

Но как бы то ни было, а стоишь у окна напротив древнего собора с его восточной стороны и видишь, что это он, родной, один из главных символов Москвы. Настоящие его стены и под маскировкой виднеются, вот – колокольня, вот – Святая Троица, рядом – церковь Трёх Патриархов, а за нею и церковь Василия Блаженного, давшая название всему этому величественному каменному кусту. Чудо замаскированное!

А Минин и Пожарский и вовсе не спрятаны, можно с ними вполне разговаривать: здравствуйте, Кузьма Минич! Здравия желаю, Дмитрий Михайлович!

Дивный кабинет с таким видом из венецианского окна достался генерал-майору Драчёву недавно, всего неделю назад, когда его назначили заместителем главного интенданта Красной армии Давыдова, тоже генерал-майора. И уже на второй день он переставил стол так, чтобы сидеть спиной к окну, а лицом к двери. Во-первых, вид из окна не отвлекает, а во-вторых, когда кто-то приходит, не надо поворачиваться на сто восемьдесят градусов.

Ох уж это слово «интендант»! Какими только анекдотами оно не заляпано! Придуманно, например, будто Суворов сказал: «Берёшь самого честного офицера, ставишь на интендантскую должность, и уже через год можно его расстрелять. Всегда есть за что». Но где такое произнёс Александр Васильевич, доподлинно не известно, и точных доказательств принадлежности данного афоризма великому полководцу не существует. Зато есть точное доказательство, что так он сказать не мог, поскольку в начале своей карьеры Суворов при фельдмаршале Бутурлине целых три года являлся не кем иным, как интендантом! Представьте себе, будущий великий полководец занимался вопросами снабжения и комплектования армии. И никто его ни за какое воровство не расстрелял. И потом он говаривал, всегда готов выменять десяток отважных героев на одного хорошего снабженца. К тому же и само слово «интендант» появилось не при Суворове, при нём провиантмейстеры занимались питанием армии, а комиссары – её вещевым обеспечением.

Забавно, что Суворов сначала служил обер-провиантмейстером, а потом стал боевым воином, у Драчёва же всё наоборот – сначала доблестно сражался, а потом постепенно и навсегда перешёл на службу снабжения.

Или вот ещё анекдот, с давних пор шастающий повсюду, про то, как Сталин на параде поздравляет войска, поздравил пехоту – ура-а-а! Поздравил артиллеристов – ура-а-а! Поздравил всех остальных – ура-а-а! Дошёл до интендантов: – Ну что, гады, воруете? – Ура-а-а!

Смешно? Как-то не очень. Но надо же на кого-то сваливать поражения, и вот они, козлы отпущения, тут как тут: интенданты всё разворовали. Или с еврейским акцентом – Сталин: «Здравствуйте, товарищи интенданты!» А они ему: «Здгавствуйте, здгавствуйте!» Хотя евреев в интендантской службе всегда насчитывалось столько же, сколько и везде, ни больше ни меньше. Да и слово «интендант» отнюдь не евреями придумано, а французами, и переводится оно как «управляющий», и впервые таковую должность учредил знаменитый французский кардинал Ришельё, которого в своих «Трёх мушкетёрах» Александр Дюма изобразил в виде угрюмого борца против любовных походов королевы.

В России налаженной организацией снабжения армии первым занялся Пётр Великий. Постепенно служба снабжения вооружённых сил заняла своё достойное место среди главных, без которых победа немыслима. В девятнадцатом веке появилось Главное интендантское управление с главным интендантом, коему подчинялись интенданты окружные, им – корпусные, тем, в свою очередь, – дивизионные, и так далее. А в ведомстве находились вещевые склады, обмундировальные и обозные мастерские, продовольственные магазины, хлебопекарни, мукомольни и сенопрессовальни.

После революции 1917 года интендантская служба Красной армии быстро развивалась, и в 1935 году появились воинские звания от высших до низших чинов. А спустя пять лет ввели и генеральские звания.

И вот теперь генерал-майор Павел Драчёв со стороны улицы Разина, бывшей Варварки, входил в Главное интендантское управление РККА, имеющее численность почти в тысячу сотрудников и состоящее из четырёх управлений – продовольственного снабжения, вещевого снабжения, обозно-хозяйственного снабжения и квартирно-эксплуатационного, а также нескольких отделов – мобилизационного планирования, организационного, кадров, перевозок, складов, торговли, эвакуации, восточных складов, приёмки и отправки посылок, инспекций по пожарной охране, котлонадзору, служб интендантского снабжения, и, наконец, двух отделений – секретного и общего.

И всё это разветвлённое и весьма увлекательное сообщество располагалось на Красной площади, дом 5, в бывшем здании Средних торговых рядов, соседнем по отношению к Верхним, которые теперь ГУМ. Построено в 1893 году по проекту архитектора Романа Ивановича Клейна указом императора Александра III. Ансамбль состоял из трёхэтажного кольцевого комплекса, во внутреннем дворе которого ещё четыре двухэтажных корпуса. Словом, много чего можно разместить. Под рядами находились огромные подвалы с заездом со стороны улицы Разина, а вход внутрь всего комплекса через три подъезда, два – из Хрустального переулка, один – из особого подъезда аж на Москворецкой улице. Поскольку строилось уже в технически передовое время, то и оснащение дома оказалось на высоте – отменная вентиляция, система пассажирских и грузовых лифтов, централизованное отопление и даже собственная электростанция.

Называлось всё это великолепие – Второй дом Реввоенсовета, а в последнее время – Второй дом Наркомата обороны. В тридцатые годы его намеревались снести и построить новое, более просторное здание, но планы так и не осуществились. Хорошо это или плохо, бог весть, но Павлу Ивановичу казалось, что хорошо. Вдруг бы начали, снесли, стали строить, а тут война, и не работать ему в кабинете с окнами на Красную площадь!

Время стояло тяжелейшее, середина октября, немцы рвались к Москве, страшась увязнуть в подмосковных снегах зимою. С нашей стороны срочно строилась зона обороны, первый рубеж – Клязьма, Сходня, Нахабино, Перхушково, Красная Пахра и Домодедово; второй – за

спиной у первого в двадцати километрах, а третий проходил уже по самой столице – окружная железная дорога, Садовое и Бульварное кольца, Москва-река.

Вот до чего дошло! А ведь ещё летом надеялись на Смоленское сражение, хорошо оборонялись, контрнаступали... Но немец оказался гораздо сильнее, чем думали. И получили от него по зубам сильно, сдавали один город за другим, отступали в крови и бессильной злобе. Вот уже пали Калуга и Боровск, после чего Государственный Комитет Обороны принял решение об эвакуации из Москвы в Нижний Новгород, он же – Горький, в Самару, она же – Куйбышев, в Пермь, она же – Молотов, и в другие города на Волге и за Волгой.

Так что новое назначение Павел Иванович получил в самое угрюмое время первого года великой войны.

Он родился в конце прошлого, дореволюционного века, в 1897 году, шестнадцатого, а по новому стилю двадцать девятого января в уездном городе с чёрно-жёлтым названием Оса Пермской губернии. Отец держал торговую лавку в селе Николаевском, но стать крупным negociантом и разбогатеть так и не смог. Зато детей производил лихо, и кроме Павлика в семье родилось ещё семь братьев – Саша, Сёма, Вася, Ваня, Миша, Коля, Митя и три сестры – Нина, Лена и Лида. Итого – одиннадцать новых жителей великой империи.

Из всех Павлуша выделялся умом и тягой к знаниям, лучше считал, быстро всё схватывал, после Николаевской церковно-приходской школы страстно хотел учиться дальше, но отец строго запретил и отдал пятнадцатилетнего юношу в чайную контору «Губкин-Кузнецов и К^о». По первости на должность мальчишка на побегушках, но хозяин быстро заметил отменные способности парнишки и определил его на должность конторщика:

– Строго следить за всеми, кто как работает, понял? Всё за оглоедами пересчитывать, и ежели какой недочёт, а того хуже – злоумышление, мне сразу докладывать. Быть над всеми, вести строжайший учёт. И научись повелевать людьми. Это и в конторе, и в дальнейшей жизни пригодится. А за то и денежку я тебе положу хорошую, не обижу.

Так говорил хозяин Губкин. Со всеми перечисленными обязанностями Павлуша мгновенно освоился. Он легко считал в уме, не пользуясь бумажкой и карандашом, цифры как-то сами собой вращались в его голове и стремительно выдавали правильный результат. Зоркий глаз паренька всё вокруг подмечал, всё видел, а главное – даже и предвидел. Служащие конторы и не думали злоумышлять, ибо он сразу предупредил, что поставлен за всем следить, и за то получает приличный оклад.

Но повелевать... Эту науку приходилось осваивать с трудом. И поначалу ничего не получалось, покуда он не прикупил на ярмарке специальное пособие Гроссер-Кошкина «Управляй и властвуй. Десять непревзойдённых способов распоряжаться людьми».

Так-так... Способ первый: «Зри в душу». И Павлик стал вырабатывать особый взор, который, как учило пособие, «заставляет человечество видеть в вас своего властелина и подчиняться вам». Стоя перед зеркалом, он старался смотреть себе в глаза так, чтобы не на поверхность глаза, а глубоко внутрь, как бы насквозь самого себя, в самую душу. Следовало выработать взор пронзительно-решительный, и помаленьку начинало получаться.

Способ второй: «Поза Наполеона». Ножку выставлять вперёд, но не далеко вперёд, руки в боки, но не вычурно. Иногда ладонь подсовывать под ремень или кушак. Поза должна свидетельствовать о том, что ты крепко стоишь на ногах и никто не способен завалить тебя. Голова слегка откинута назад, но не так, будто вот-вот отвалится. Поначалу получалось смешно, но постепенно и с позой он справился. Научился принимать властное положение рук, ног, тела и головы и видел, что все остальные служащие чаще всего имеют позу подчинённую и зависимую, неуверенную, а то и заискивающую.

Способ третий: «Христова заповедь». Тут Гроссер-Кошкин напоминал о том, что Христос учил всегда говорить «да» – если да, и «нет» – если нет. И ни в коем случае не давать клятв. Очень полезный совет! И если раньше Павлик, бывало, отвечал людям вместо «нет» – «Всё

зависит от того, что...» или: «Смотря, как сложатся обстоятельства...» и считал это умным, то теперь на любые решительно заданные вопросы он отвечал однозначно – да или нет. И увидел, что это и впрямь действует. Человек, получивший односложный отказ или столь же односложное согласие, больше не задавал ненужных вопросов. А когда Павлику говорили: «Чем клянёшься?» или «Не может быть, побожись», он отвечал: «Сказал да, значит, да!» или «Говорю нет, стало быть, нет!». Иногда добавляя: «Христос заповедовал: никогда ничем не клянись».

Из третьего способа владеть человечеством вытекали два следующих – никогда не объяснять причину отказа и никогда не приводить доказательства своей правоты. И на вопрос: «А почему нельзя?» Павел старался теперь отвечать: «Потому что нельзя» или ещё проще: «А ты подумай сам». А когда спрашивали, к примеру: «А почему сегодня не получится?», он раньше начинал подробно объяснять или даже оправдываться, а теперь, согласно Гроссер-Кошкину, говорил: «без комментариев» или даже по-французски: «сан комментер».

Французский язык он к своим пятнадцати годам в пределах разумного освоил, сам даже не зная, как он ему вскоре сильно пригодится. Начав хорошо зарабатывать у Губкина, Павел даже взял десяток уроков у осинской француженки мадам Лагранж, которая исправила его самодеятельное произношение и привела доморощенное франсе в пристойный вид.

А заодно в той же Осе юный Драчёв стал брать уроки у немца Шрикфельда, осваивал азы этого языка, более деревянного и занозистого, нежели летучий французский.

Шестой пункт Гроссер-Кошкина учил будущего повелителя тому, что ему пока что не светило, а именно, как вести себя при повышении в должности, какие делать первые распоряжения и так далее. Прыгнуть выше конторщика в чайной конторе означало занять место Губкина или его компаньона Кузнецова, а это, сами понимаете...

Седьмое место в самоучителе занимало умение мириться с неприятными тебе людьми, если ты не можешь избавиться от таковых. Следовало вообразить неприятного типа в смешной и нелепой ситуации, представить себе, как он получает решительный отказ на предложение руки и сердца любимой девушки, и даже увидеть его ребёнком, каким он был годовалым карапузом, в два годика или в три. В конторе ему казались неприятными двое, и, пользуясь поучением Гроссер-Кошкина, Павел без труда приручил обоих.

Оставшиеся три способа властвовать, в сущности, лишь добавляли нюансы всем предшествовавшим. К примеру, если вы не знаете, что ответить на заданный вопрос, сделайте паузу, посмотрите в глаза спрашивающему, как бы готовясь дать ответ, и внезапно переведите разговор на другую тему. Но ни в коем случае не говорите: «Не знаю». Это Павлику не понравилось, и он предпочитал отвечать: «Мне надо уточнить. Отвечу позже».

А вот не кипятиться в горячих ситуациях – дельный совет, и он усвоил его. Что бы ни происходило, какие бы ни выпадали щекотливые случаи, он всегда теперь сохранял хладнокровие и умел показать людям, что у него готово решение, надо только успокоиться. А если сослуживец сильно провинился, его нужно жёстко отчитать, поставить на грань отчаяния, а затем внезапно спросить, хорошо ли он сегодня поел, или как здоровье большой тётушки, или не болеет ли жена.

Последним в книге Гроссер-Кошкина стоял пункт «Магия». Желаящий повелевать людьми должен уметь посылать мысленную телеграмму в небо, а оттуда получать магическую энергию, с помощью которой отдавать мысленные приказы людям, дабы они подчинялись на уровне подсознания. Отбивать телеграммы в небеса – задача не из лёгких, и юноша решил пока освоить все остальные рекомендации, а магию оставить на потом.

Он и без того достаточно пользы получил из поучений автора, испытывал к нему благодарность, поскольку видел, что люди и впрямь готовы следовать повелениям молодого конторщика.

Увы, нигде не нашёл никаких сведений об этом Гроссер-Кошкине, ни в каких словарях таковой не числился, и даже инициалы Д.Д. оставались загадкой – Дмитрий Демидович? Дориан Данилович? Дитрих Диоклетианович?

Зато инициалы самого Павла вскоре сделались его кличкой. Сначала конторские служащие стали уважительно называть его по имени-отчеству – Павлом Ивановичем. А затем балагур Репкин слил имя и отчество в одно слово и получилось – Повелеваныч.

– А он и впрямь Повелеваныч, – согласились конторские.

– Не смотри, что юноша и двадцати нет, а может заводом заправлять.

– На войну попадёт, быстро генералом делается.

– Способный ты парень, – хвалил Губкин, – далеко пойдёшь. Умеешь людьми распоряжаться. Слышал, слышал, как тебя именуют. Повелеваныч! Пожалуй, через годик сделаю тебя общим управляющим. Нарочно заведу такую должность.

Ещё бы не сделать! Ведь благодаря советам и подсказкам Драчёва контора «Губкин-Кузнецов и К^о» выросла, завела филиалы и в Оханске, и в Елове, и в Воткинске, и даже в самой Перми.

Да только не успел Повелеваныч стать управляющим. Второй год на западных окраинах России шла страшная бойня, называемая Великой или Германской войной, а то и – Второй Отечественной. Исполнилось девятнадцать, и забрали его в армию, определили в 123-й запасной полк. Тут наш наполеончик быстро освоился, применил навыки Гроссер-Кошкина, и гляньте, не успев послужить простым солдатом, он уже унтер-офицер! С маршевой ротой отправлен в Екатеринбург, где формировался 5-й пехотный полк специального назначения, и вот тут-то оказалось, что не зря учил французский – полк отправили не на восточный фронт великой войны, а на западный – аж во Францию! Там, где уже всю рычало, ревело и грохотало страшное слово «Верден».

К 1916 году англичане и французы достигли значительного перевеса над Германией и решили, что полная победа уже не за горами, добить гуннов, как они тогда именовали немцев, сущие пустяки. Не спешили с решительным наступлением, и на том прогорели. В феврале гунны нанесли упреждающий удар на правом берегу реки Маас, имея двенадцать дивизий против восьми французских и вдвое больше тяжёлых и лёгких орудий. Так началась верденская мясорубка, потребовавшая неслыханное количество мяса для производства человеческого фарша. К месту кровавого жертвоприношения стягивались десятки дивизий. Остановить немецкое наступление удалось лишь ценой огромного количества потерь. И вот тут французские орлы, всегда с презрением, а то и с ненавистью относящиеся к русским медведям, не постеснялись обратиться за помощью к добродушному императору Николаю, который их так жалел и любил, что самый красивый и дорогой мост в центре Парижа построил имени своего батюшки Александра. И ежегодное рождественское празднование победы над Бонапартом отменил. Сколько вам нужно нашего мужичка? Триста тысяч? Да, Господи, берите четыреста, что нам жалко этих небритых-немытых?

Однако такое количество браво-ребятушек переправить оказалось совсем не просто, и прибывший во Францию Русский экспедиционный корпус насчитывал в битве под Верденом лишь семьсот пятьдесят офицеров и сорок пять тысяч унтер-офицеров и солдат. Вот среди этих сорока пяти тысяч и оказался унтер Драчёв.

Начальником первой особой пехотной бригады числился генерал-майор Николай Лохвицкий, родной брат поэтессы Мирры Лохвицкой и писательницы Надежды Лохвицкой, известной под псевдонимом Тэффи. Он со своими полками долго добирался до Франции через всю Сибирь и дальний Восток, Китай, Вьетнам, Цейлон, Красное море, Суэцкий канал и, наконец, по Средиземному – в Марсель, а уж оттуда – на поля сражений.

В этот поток русских мужичков, подаренных царём Николаем прекрасной Франции, унтер Драчёв не попал, а оказался в следующем. Его 5-й особый полк 3-й бригады осо-

бого назначения под командованием генерал-майора Владимира Марушевского отправился на кораблях летом. И путь к верденской бойне для него оказался легче и короче – из Архангельска, вдоль норвежских фьордов, мимо берегов Туманного Альбиона, через пролив Ла-Манш – в Нормандию.

Думал ли паренёк из глухой русской глубинки о таком повороте судьбы! С берегов Камы – в райскую местность, где производится самое знаменитое шипучее вино! И дислокация – в Реймсе, городе, где французские монархи короновались на протяжении столетий, где стоит красивейший собор, воспетый многими поэтами, включая и наших. И, разместив свой штаб в форте Помпель под Реймсом, генерал Марушевский поставил перед русскими молодцами задачу держать оборону на линии Шампань – Арденны и не пустить германцев, рвущихся к Парижу.

Французы принимали наших радушно, угощали своими паштетами, фасолево-мясной похлёбкой кассуле, колбасками с требухой, свиными ножками в белом вине, петухом в красном вине и, конечно же, настоящим шампанским, которое тут, в Шампани, уж никак не заподозришь в подделке. А и то сказать, ещё бы им не стараться, ведь русские прибыли свою дешёвую кровь проливать вместо драгоценной французской!

И они проливали. Да так, что начальник французского генерального штаба маршал Фердинанд Фош, тот самый, что в своём железнодорожном вагоне подписал Компьенский мир, завершивший Первую мировую войну, в порыве откровения однажды признался: «Если Франция и не была стёрта с карты Европы, то лишь благодаря России».

И это не пустые слова. Именно Русский экспедиционный корпус, умело и мужественно сражавшийся на линии Шампань – Арденны, не дал немцам прорвать оборону и устремиться к столице Французской республики. От Реймса до Парижа всего полторы сотни километров, пешком – полтора суток. И если бы немец проломил оборону русских, остановить его было бы очень трудно, а по некоторым мнениям – невозможно. Французам к тому времени воевать надоело, они охотнее сдавались в плен, высоко поднимая руки, за что от немцев получили обидное прозвище «загорелые подмышки».

Именно тогда солдаты кайзера впервые в истории применили огнемёты, а люфтваффе пополнилось важнейшим изобретением – синхронным пулемётом, стреляющим сквозь действующий пропеллер, не повреждая его.

Немцы обрушили на защитников Франции всю свою огневую мощь. Крупнокалиберные снаряды превращали леса в подобие скошенных пшеничных полей. Вся территория от границ Бельгии и Германии до Реймса и Нанси была перепахана так, что исчезли дороги, поверхность земли издырявлена воронками, и всюду лежали наваленные горами разлагающиеся трупы, окверняя окрестности невыносимым смрадом.

Вот где впервые довелось воевать унтер-офицеру Драчёву. И новый, 1917 год встречать в холодных палатках и окопах на чужбине.

Удивляло беспечное отношение французов к дренажной системе. Если наш солдат оккупывался основательно и случаев траншейной стопы не наблюдалось, французы почему-то не утруждали себя обустройством дренажа, сутками стояли в окопной грязевой жиже, и в итоге едва ли не каждого двадцатого отправляли в госпиталь с гнилыми пятками и пальцами ног. Невольно закрадывалось подозрение, что этот каждый двадцатый с помощью такой уловки оставался без пальцев, а то и без всей ступни, зато живой, и, обретя статус инвалида, отправлялся к себе домой. А наш русский губошлёп воевал вместо него, потому что ему такая постыдная хитрость противна.

Из всех соратников-сослуживцев Драчёву тогда запомнился ровесник – повар Василий Арбузов, человек, как и он, незаурядный, с острым умом, весёлый, ни при какой погоде неунывающий. До войны он работал на знаменитом Ижевском оружейном заводе в столовой, где так виртуозно готовил, что о нём знал весь Ижевск. Когда в Екатеринбурге формировался 5-й

особый пехотный полк, на Арбузова все указали: перед французами, известными кулинарами, Вася не просто не осрамится, но и за пояс их заткнёт. А он и впрямь такие блюда выделял, что местные изумлялись. Девятнадцатилетний парень не только русской кухней владел в совершенстве, но и местную быстро освоил так, что чванливые французские кюзины признавали его победителем.

Помимо кулинарного искусства в Арбузове восхищало умение ловко раздобывать все необходимые ингредиенты, и потом в своей жизни Драчёв не раз вспоминал ижевца: «Эх, мне бы его в моё ведомство!»

Вот потому сейчас, 21 октября 1941 года, слушая донесения начальника Упродснаба – Управления продовольственного снабжения – Белоусова, Павел Иванович вдруг вскинул бровь:

– Как-как вы говорите? Арбузов?

– Так точно, товарищ генерал-майор, Арбузов его фамилия.

А Белоусов, помимо всего прочего, рассказывал о подвиге фронтового повара, который, рискуя жизнью, пройдя через насквозь обстреливаемое поле и получив три ранения и контузию, доставил на позиции термос с горячим гуляшом и рюкзак с хлебом, салом и овощами. Он чуть не умер от загноения раны в ноге, но врачи полевого госпиталя сумели спасти не только самого повара, но и его ногу, а теперь он находится на окончательном излечении в 426-м куйбышевском военном госпитале.

– И представьте, Павел Иванович, наши доблестные органы не могли решить, что с этим Арбузовым делать, – с усмешкой говорил Белоусов.

– То есть?

– А то и есть, что, с одной стороны, он совершил мужественный поступок, а с другой – подверг себя риску, отчего подразделение могло остаться без высокопрофессионального повара.

– И что же решили?

– Всё же решили, что подвиг покрывает собой необоснованность действий Арбузова. Хотели даже представить к награде, но передумали. Мол, эдак мы вообще без поваров останемся. Если на его примере станем воспитывать других.

– А как его имя и отчество, этого Арбузова?

– Довольно запоминающееся, товарищ генерал-майор, Арбузов Василий Артамонович.

Он! – обрадовался Драчёв, но проявил присущую ему сдержанность и мягко произнёс:

– Василий Федотович... Сейчас, конечно, не время, но мне бы в дальнейшем хотелось заполучить себе этого повара. Не смотрите на меня так. Я с ним во Франции воевал в составе Русского экспедиционного корпуса.

– Понимаю, Павел Иванович, – кивнул Белоусов и записал себе.

Этот начальник продовольственного ведомства Главной интендантской службы Красной армии нравился Драчёву такой же уравновешенностью, как у него, выправкой, и особенно почему-то залихватским суворовским крендельком, в который его прическа сама собой завивалась на темени.

Всего на год моложе Павла Ивановича, Василий Федотович происходил из тамбовских крестьян, и тоже с тринадцати лет работал в конторе, только лесной. На войну пошёл добровольцем, служил в кавалерии. В октябре 1917-го его полк сняли с фронта и отправили на подавление Петроградского восстания, но солдаты по пути из эшелона выгрузились и идти на Петроград отказались. Воевал в Гражданскую, получил первый орден Красного Знамени, а после войны окончил военно-хозяйственное отделение Института народного хозяйства и дальше занимался продовольственным снабжением Красной армии, за пару лет до начала войны занял должность начальника Упродснаба.

– Да, Василий Федотович, возьмите, пожалуйста, себе на заметку этого Арбузова, – добавил Павел Иванович. – Так, что у нас там дальше?..

Глава третья

Золотое сердце России

Сейчас, узнав о своём французском сослуживце, что он жив и по-прежнему совершает подвиги, генерал Драчёв не сразу переместился с дальних подступов к Парижу на ближние рубежи обороны Москвы, где обстановка царила гораздо более тяжёлая, чем тогда в Шампани. Одно только спасибо: тогда гунны применяли отравляющие газы, сейчас фрицы пока этим не баловались.

Впрочем, первыми неблагородное оружие применили французы, но используемый ими в газовых атаках слезоточивый этилбромомасляный газ не сильно вредил немчуре, а скоро и вовсе закончился. Зато немцы 22 апреля 1915 года прославились удачным опытом использования хлорного горчичного газа под бельгийским городом Ипр, когда жёлто-зеленое облако одним махом унесло жизни пяти тысяч британских солдат.

Началась эпоха химического оружия, которое применялось на разных фронтах всеми сторонами, включая и нашу – во время Брусиловского прорыва. Примитивные и малоэффективные марлевые повязки сменил противогаз, предложенный русским химиком Зелинским на основе им же изобретённого активированного угля.

Что это за гадость унтер Драчёв узнал 31 января 1917 года, когда газовую атаку немцы применили против 3-й бригады Русского экспедиционного корпуса. Насколько русский человек сосредоточен и целеустремлён в бою, и насколько он же бывает небрежен в отношении собственной жизни вне боя. Противогазы выдавались всем, но не все сообразовали держать их при себе, что и привело к гибели трёх сотен наших солдат в тот ядовитый последний день января.

И Драчёв мог бы оказаться в их числе, если бы не был тем Повелеванычем, коего он сам в себе воспитал, во всём ответственным, чуждым любых проявлений головотяпства. Уж противогаз-то он всегда держал при себе и не слушал разгильдяев, говоривших: «Полгода, как нам эти рыбы глаза выдали, а до сих пор они ни разу не пригодились». И это ещё хорошо, что таких горе-удальцов оказалось всего три сотни, а не каждый второй. В большинстве своём солдаты понимали, что и одного разу хватит, если германцы вздумают применить газовую пакость.

Но до чего же страшно видеть, как рядом корчится в предсмертных муках твой однополчанин, и ты не можешь ему помочь, потому что у тебя рыбы глаза оказались под рукой, а у него они легкомысленно остались в блиндаже! Или очко выбито, а он не удосужился позаботиться вставить новое. Спасти его, а самому погибнуть? Нужна ли такая самоотверженность, если ты о своей безопасности позаботился, а он дурака валял?

И всё же совесть потом покалывала. Но трезво подумать – а что поделаешь? А ля гер, ком а ля гер, как говорят французы. Остаётся только отомстить за отравленных до смерти товарищей, стрелять, колоть, бить немца. Такого же, как ты в недавнем прошлом – рабочего, крестьянина, учителя, служащего конторы...

Воюя, Драчёв ещё и помогал добывать провизию, пользуясь своим знанием французского и деловыми качествами. Заодно и навыки общения с людьми. Разговаривая с местными, он, в отличие от многих наших, не хамил и не заискивал, держался спокойно, уверенно, повелительно. Слухи о деятельном унтере, взявшем на себя ещё и обязанности интенданта, распространились по всей 3-й бригаде. В это же время за доблестную службу его повысили в звании до старшего унтер-офицера.

В апрельском наступлении 1917 года Русский экспедиционный корпус потерял пять тысяч человек. В Энском сражении, получившем название «Нивельская бойня», только наши добивались успеха, а французы, где только можно, пускали их в самое пекло, прячась за спинами русских медведей. Это, естественно, породило недовольство, пошли разговоры о том,

что пора прекращать помогать Франции, и летом обе поредевшие особые пехотные бригады отправили на отдых в военный лагерь коммуны Ля-Куртин в регионе Лимузен, что на полпути от Лиможа до Клермон-Феррана. Здесь их объединили в 1-ю особую пехотную дивизию под командованием генерала Лохвицкого и готовили к новым сражениям. Но вместо боев с немцами...

Страшно вспоминать!..

А началось всё с того, что французы меньше и меньше заботились о снабжении своих спасителей и вскоре почти вовсе перестали подвозить продовольствие. То, что благодаря русским Франция не исчезла с карты Европы, быстро выветрилось из благодарных сердец.

– Сейчас вся Франция голодает! – отвечали местные фуражиры на гневные вопросы со стороны голодных русских. – Не нравится, катитесь в свою Россию.

– Возьмём, да и покатаемся, – всё чаще стали отвечать наши, и нежелание оставаться на французской земле с каждым днём становилось сильнее и сильнее.

Известия из России поступали скудные, но главное становилось известным: весной произошла революция, император Николай отрёкся от престола, власть перешла к Временному правительству, но появились советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, диктовавшие властителям свою волю.

В лагере Ля-Куртин бойцы 1-й бригады, в большинстве состоящие из рабочих Москвы и Самары, выбрали полковые комитеты, куда в основном вошли те, кто выступал за отправку на Родину. Некоторые из них агитировали за партию большевиков, что особенно не нравилось офицерам. На одном из собраний обсуждалось то, что в России вышла декларация прав солдата, а командование Русского экспедиционного корпуса об этом нарочно молчало. Революционные настроения нарастали.

В лагерь прибыла делегация представителей Ставки Верховного главнокомандования и Временного правительства во Франции, возглавляемая генерал-майором Михаилом Занкевичем и военным комиссаром Евгением Раппом, состоявшим в партии эсеров и ненавидящим большевиков. Первым делом они явились к членам полковых комитетов, и Занкевич произнёс речь:

– Товарищи! Братцы! Вы заслуживаете чести быть в рядах великой русской армии. Ваша доблесть, проявленная на полях сражений в союзной нам Франции, позволяет Временному правительству и мне, как его представителю, надеяться, что доверенное вам оружие вы достойно будете носить и впредь!

– Война до победного конца! – Рапп поднял сжатый кулак.

– Подразделения Антанты готовятся к началу осеннего наступления, которое должно окончательно сокрушить Германию, – продолжил Занкевич. – Все вы достаточно отдохнули, набрались сил, и потому должны приступить к подготовке.

– Не желаем! – крикнул солдат Ткаченко.

– Довольно лить кровь за француза! – поддержал его солдат Волков.

Разговор из дружеского постепенно превращался во враждебный. Занкевич стал угрожать, что лишит солдат денежного и других видов довольствия. Драчёв присутствовал при этих переговорах в качестве одного из представителей 3-й бригады и в душе стоял на стороне возмущённых комитетчиков. Действительно, что нам делать в этой неблагодарной стране, где с презрением, а то и с ненавистью относятся к русским? Они только встречали с помпой, а когда мы защитили от немцев дорогу на Париж, быстро утратили интерес. Всё никак нам не могут простить, что сто с лишним лет назад прогнали Наполеона.

В его бригаде многие не разделяли точку зрения солдат первой бригады, которых называли презрительно «сажеедами» за то, что те работали в Москве и Самаре на вредном производстве.

– Всыпать этим сажеедам по первое число! Пусть не баламутят народ.

К тому же в 3-й бригаде служило много меньшевиков и эсеров, у которых имелись свои счёты с большевиками.

– Во время наступления на форт Бримон нас расстреляла французская артиллерия, – аргументировал доводы за возвращение в Россию комитетчик Волков. – Что это – ошибка или предательство, сейчас судить трудно. Все солдаты бригады знают, что полковник Иванов и подполковник Готуа были в то время на командном пункте артиллерии, но не приняли никаких мер, чтобы изменить прицел. Когда мы сменились с фронта, нас долгое время перегоняли из одних деревень в другие, не давали бань, не выдавали белья. По неизвестным нам причинам нас неоднократно пытались разоружить. Теперь, прибыв сюда, мы не успели еще разместиться, как нас уже называют ворами, грабителями, обвиняют в том, что мы обижаем французских граждан соседних общин...

Выслушав все разумные доводы, Занкевич разъярился и, назвав представителей солдатских комитетов мятежниками, заявил, что отделит тех, кто выступает за возвращение в Россию, от всех остальных.

– Прапорщик, – обратился генерал к своему адъютанту, высокому человеку с насмешливым взглядом и двумя солдатскими Георгиями на груди, – подготовьте приказ.

– Слушаюсь! – щёлкнул каблуками прапорщик, а стоявший рядом с Драчёвым унтер Великанов сообщил:

– Между прочим, это известный поэт Николай Гумилёв.

– Что же он на войне делает? – спросил кто-то.

– Воюет. Он и поэт, и вояка знаменитый.

– Сидел бы дома да стишки кропал.

– Небось за стихи кресты-то и имеет!

– Не знаете человека, а зря только языками блямкаете.

Занкевич и Рапп удалились, не добившись подчинения, и в Ля-Куртине началось брожение. В 1-й бригаде большинство стояло за возвращение на Родину, в 3-й большинство считало, что следует подчиняться начальству, а не бунтовать, иначе и их запишут в мятежники. В итоге, стали перебегать из одной бригады в другую, и в 1-й увеличивалось количество бунтовщиков, а в 3-й стало ещё больше покорных.

Противостояние нарастало, усиливались слухи о том, что мятежников будут силой обезоруживать, и те в ответ требовали разоружить 3-ю бригаду. В начале августа в Ля-Куртин прибыли представители 2-й особой артиллерийской бригады, направлявшейся из России в Грецию, чтобы точно так же сражаться за точно таких же неблагодарных греков.

Артиллеристы принялись увещевать мятежников отказаться от требований и подчиниться Временному правительству, объявившему войну до победного конца. К тому времени в 1-й бригаде вместо комитетов был создан Совет солдатских депутатов из девяти человек во главе с унтер-офицером Глобой. Всех офицеров изгнали, а некоторых и побили за то, что они требовали прекратить восстание. В ответ Занкевич перевёл 3-ю бригаду в другой лагерь Курно, вблизи города Фельтен, расположенного в двадцати километрах к северу от Ля-Куртина. Тем самым отделили требующих возвращения в Россию от сторонников подчинения властям.

Старшего унтер-офицера Драчёва одолевал раздрай. С одной стороны, он понимал, что снова сражаться за неблагодарную Францию бессмысленно и глупо. Наш русский дурак вечно любит всех, кроме самого себя, готов броситься спасать каждого, кто, покуда не пришла беда, обзывал его грязным варваром, а когда беда миновала, вновь вспомнит сей оскорбительный термин. С другой стороны, Павел Иванович оставался до мозга костей служака, считающий, что судьба не зря назначает правителей и им следует подчиняться.

– Солдат – вечный слуга приказа, – говорил он всякий раз, если его уговаривали перебежать в восставшую бригаду.

Но теперь, когда его вместе с такими же, оставшимися верными своей 3-й бригаде, перевели в другой лагерь, становилось ясным, что против мятежников применят оружие. И если над ними произведут расправу руками французов, это ещё куда ни шло, а если пошлют исполнять роль палачей 3-ю бригаду и части 2-й артиллерийской?

– Мы по своим стрелять не будем! – приняв повелительную позу, заявил Драчёв прискакавшему прапорщику Гумилёву, когда тот объявил, что 1-я бригада получила ультиматум, требующий разоружения, но этому ультиматуму не подчиняется.

Гумилёв молчал, не зная, как сказать о самом страшном, и Павел Иванович продолжал:

– Говорят, что вы тот самый поэт Гумилёв. Разве можно представить, что Пушкин стал бы стрелять по декабристам на Сенатской площади? Скажите, стал бы?

– Нет, Пушкин не стал бы, – потупился адъютант Занкевича.

– А прочтите какое-нибудь своё стихотворение, пожалуйста, – попросил присутствовавший при разговоре повар Арбузов.

– Что ж... – поднял глаза поэт и офицер. – Охотно.

И он стал читать:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.
И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают штыки.
Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть!
Словно молоты грозовые
Или волны диких морей,
Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей.
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

– Хорошие стихи, – сказал Арбузов.

– Золотое сердце России... – задумчиво повторил строчку Драчёв. – Хорошо пишете, а служите не тем. Так вот, товарищ поэт, передайте вашему начальству, что мы по своим стрелять не намерены.

Но не все в лагере Курно разделяли решимость таких, как Павел Иванович, многие поддались агитации меньшевиков и эсеров, стоявших за насильственное разоружение куртинцев, и даже готовы были стрелять по своим братьям, крича, что такие позорят звание русского воина, а в России тянут народ за собой в пропасть.

Тучи продолжали сгущаться. Глоба от лица Совета решительно заявил, что оружие они сдавать не будут, готовы драться и лучше внять их требованиям и отправить 1-ю бригаду на Родину. А кто хочет и дальше проливать кровь за французов, могут оставаться.

В ответ Занкевич объявил мятежникам голодный рацион довольствия и окончательно лишил денежного довольствия, дабы они не могли покупать у местных торговцев. Чувствуя надвигающуюся беду, четыре сотни солдат и унтер-офицеров ушли из лагеря Ля-Куртин. Оставшиеся растянули над дверями своего Совета полотнище с лозунгами: «Долой империалистическую войну!» и «Возврат в Россию!». А над дверями комитета в Курно появилась противоположная надпись: «Война до победного конца!», причём почему-то на французском: «Guerre jusqu'au fin victorieuse!»

В середине августа Занкевич прислал мятежникам совершенно немыслимый приказ: «Солдатам лагеря Ля-Куртин. Приказываю сегодня же изъять и арестовать 100 человек ваших вожаков, заставивших вас встать на преступный и гибельный путь. Арестовать, кроме того, еще 1500 человек наиболее беспокойных, а потому нежелательных в ваших рядах элементов, вносящих разложение. Исполнение сего приказания я буду считать первым шагом признания Временного правительства и моих распоряжений». Прочитав его вслух, Глоба увидел, что все вокруг смеются, и сделал с приказом неприличный жест.

– Подтёрся! – пояснил один из куртинцев, присутствовавший при этом событии, перебежавший из Ля-Куртина в Курно со взволнованным рассказом о том, что творится в мятежном лагере.

Понимая, что впереди расправа, из десяти тысяч сажеедов тысяча сложила оружие и переместилась в расположение 3-й бригады. Но когда Занкевич предупредил курновцев о возможном применении ими оружия против куртинцев, те большинством голосов выразили несогласие.

Из Петрограда генерал Корнилов, будучи тогда главнокомандующим Вооружёнными силами России, по согласованию с временным правителем Керенским, прислал во Францию приказ применить оружие и создать военно-полевой суд для дальнейшей расправы над сажеедами.

К этому времени в Ля-Куртине от голода уже забивали лошадей, а Занкевич пустил слух, будто мятежники намереваются совершать грабительские нападения на окрестные селения, и жители бросились вывозить из домов всё ценное или даже и вовсе эвакуироваться.

2-я артиллерийская бригада, задержавшись во Франции, разместилась в лагере Оранж и в начале сентября получила приказ выступить на усмирение сажеедов. А в лагере Курно было объявлено, что все, кто согласится идти и стрелять в мятежников, после усмирительной акции будут в качестве награды отправлены в Россию. Для пяти карательных батальонов Занкевич придумал красивое название: «батальоны чести»!

– Братцы! – увещевал своих сослуживцев старший унтер Драчёв. – Вы не в батальоны чести идёте, а в батальоны бесчестия! Покроете себя на всю жизнь позором.

Кто-то прислушивался к нему, а кто-то нет. Поручик Урвачёв артистично убеждал в необходимости подавления мятежа:

– Ох, дураков у нас немало на Руси. Все это больше мелкота людская, сажееды с фабрик, народ нетвердый ни башкою, ни душой. Так им без всякого труда парижский большевик мозги на сторону свернул. Одна беда, что у начальства нового ни смелости, ни ума не достаёт. Нам приказать бы – озорникам по ряжке вдарить, слегка покровянить *патреты*. Ей-ей бы сразу все пришло в порядок. А то ведь грех какой, позор во Франции, да и на всю Россию!

В итоге из десяти тысяч сажеедов в пять карательных батальонов записалось по восемьсот человек в каждый. Командовал всеми грузин полковник Георгий Готуа. 10 сентября лагерь Ля-Куртин был окружён карательными батальонами 3-й бригады, 2-й артиллерийской бригадой и французскими войсками. На следующий день, когда в лагере проходил самодетельный

концерт, раздались первые выстрелы из ружей и пулемётов, но пока только предупредительные, никого не убило и не ранило. Затем снова прошли безрезультатные переговоры, и 15 сентября лагерь подвергся уже более сердитому обстрелу. А на другой день заговорили пушки...

Эти дни запомнились Павлу Ивановичу как одни из самых страшных в жизни. Слухи приходили то ужасающие, то утешительные. То говорили, будто весь Ля-Куртин снесён с лица земли артиллерийскими орудиями и погибло несколько тысяч мятежников. То поступали сведения противоположные, будто после первых залпов пушек сажееды сложили оружие и сдались, погибло человек десять, не больше, раненых не более двадцати.

Первое будоражило: погибли, но не сдались! Хотели в Россию земную, а отправились в Россию небесную. Второе успокаивало: слава богу, обошлось без больших жертв. Но при этом как-то тоскливо на душе: испугались, не захотели идти до конца...

Ещё в лагере Курно появилось большое количество худых и высоких негров, какие-то сенегальцы на полпути из Марселя на фронт, они сновали повсюду и постоянно смеялись, скаля немисливо белоснежные зубы. И кто-то из наших, нисколько не шутя, предположил, что их прислали доедать убитых сажеедов. Вот, мол, от этого-то они и радуются, предвкушая свежую человечинку. И хотя подобное, конечно же, бред собачий, в затуманенном сознании тревожная мысль билась: а вдруг возможно? Кто мог ещё недавно подумать, что в России не станет царей? Это казалось немислимым, а вот, пожалуйста, случилось. И может быть, вовсе порядок вещей на Земле нарушился, и негры будут впиваться своими крепкими зубищами в русскую плоть! И когда сенегальцы ушли из Курно, думалось: неужто отправились в Ля-Куртин людоедствовать?

В конце сентября так называемые батальоны чести вернулись в лагерь Курно, выглядели они помятыми, но не от сражений, а от великой пьянки, которую им организовали победители. Они наперебой рассказывали, что всё обошлось легко, потерь с обеих сторон мало, а тот самый артистичный оратор поручик Урвачёв, выступая на митинге, со смехом описывал события:

– Я же говорил, что сажееды – мелкота людская. Народ нетвердый ни башкою, ни душой. Красными *знамями* всюду разукрасились и думали, мы *спугаемся*. А как только мы им по ряжке вдарили, сразу же осели на корточки, башки свои ручками обхватили и обоссывались. Пошли сдаваться. Только последние человек сто для форсу ещё отстреливались, но и то скоро лапки кверху подняли. Ихний зачинщик по фамилии Глоба последним сдался. И сам как есть глоба – длинный, что твой шест, придурок. Сажееды!

– А сколько их там погибло-то?

– Да человек пятнадцать. Потому что быстро сдаваться стали, как только им *патреты* покровянили.

– А прапорщик Гумилёв что там делал? – спросил Павел Иванович.

– А ничего, – ответил Урвачёв. – Генерал Занкевич поменял адъютанта, у него теперича поручик Балбашевский, герой-прегерой. Лично вёл против мятежников, сам двоих застрелил.

– А ты-то скольких сам убил? – спросил кто-то.

– Я-то? Я, братцы, шашкой махал. Скольких уложил, не могу сказать точно.

– Так как же тогда получается? – спросил Драчёв. – Если всего человек пятнадцать их погибло, двоих застрелил Балбашевский, а остальных ты шашкой порубил? Ну и гад же ты!

– Сколько всего там погибло, отвечай! – возмутились курновцы.

– Да идите вы к чёрту! – разъярился Урвачёв, но тут его схватили за горло:

– Отвечай, стерва!

– Да наврал я, братцы, ни одного... – захрипел глупый хвостун.

Его отпустили, едва не задушив, так что он ещё долго откашливался.

Хотелось верить, что немного там погибло во время карательной акции. И как-то легче на душе стало, что хороший поэт Гумилёв не участвовал лично в расправе, поскольку больше не служил адъютантом у генерала Занкевича, палача Ля-Куртина.

Уж больно запало в душу Павла Ивановича про золотое сердце России!

Глава четвёртая

Красная армия всех сильнее

Звание генерал-майора интендантской службы Драчёв получил за год до того, как над Родиной закружили крылья чёрные. А в тот самый день, когда враг стал топтать поля её просторные, его назначили руководить интендантской службой Юго-Западного фронта. И отправился он в штаб генерал-полковника Кирпоноса, чтобы вместе с ним отступать на восток под чугунной германской мощью после того, как в танковом сражении под Дубно – Луцком – Бродами наши потеряли в десять раз больше танков и прочей бронетехники, чем оккупанты.

В июле–августе интендантское управление располагалось к востоку от Киева в Броварах. Здесь, работая по восемнадцать – двадцать часов в сутки и постоянно недосыпая, Драчёв обеспечивал снабжение наших войск в сражении под Уманью, чудовищной катастрофе, во время которой немцы нанесли сокрушительное поражение и только в плен взяли полмиллиона солдат и офицеров! Таким же провалом закончилась и оборона Киева, 19 сентября в столицу Древней Руси вошли немцы, интендантское управление срочно переместилось на сто километров к востоку в Прилуки, четыре армии и штаб фронта оказались в окружении. Командующий Юго-Западным фронтом Кирпонос и начальник штаба Тупиков погибли, героически сражаясь. Две недели второй половины сентября управление располагалось в Ахтырке между Полтавой и Харьковом.

Драчёв выходил из окружения вместе с начальником оперативного управления генерал-майором Баграмяном, с которым подружился ещё с начала войны под Дубно. Как и с командующим ВВС Юго-Западного направления генералом авиации Фалалеевым.

В первую неделю октября интендантское управление Юго-Западного фронта оказалось за Харьковом в Чугуеве, и уже оттуда Драчёва выдернули в Москву.

Как сильно билось сердце, жаждущее увидеть своих дорогих – жену Марусю и двух дочек! И вот, наконец, Чистые пруды, ставший уже родным Потаповский переулок, дом 9/11...

До революции он назывался Большим Успенским в честь барочного храма Успения Богородицы, построенного крепостным архитектором Петром Потаповым ещё при Петре I. При советской власти переулок переименовали в Потаповский, а в 1928 году на углу Потаповского переулка и Покровки по проекту архитектора Константина Аполлонова построили комплекс жилых зданий кооператива «Военный строитель». Дом в стиле конструктивизма, снаружи ничем не примечательный, даже можно сказать унылый, но квартиры добротные, удобные, и селились здесь люди заметные, не абы кто. Впрочем, вводили этих заметных людей незаметно, и многих увели навсегда в эпоху всевластия Ягоды и Ежова. И освобождались квартиры, освобождались...

Хорошо, что семья Драчёвых вселилась в одну из освободившихся квартир во времена иные, когда Лаврентий Берия кровавой карусели своих предшественников сильно сбавил обороты. И уже спокойнее спали обитатели дома по ночам.

Драчёв нажал на звонок. Только бы их ещё не эвакуировали! Массовой эвакуации населения столицы ещё не объявляли, но семьи руководящего состава вооружённых сил уже потихоньку уезжали, о чём Мария сообщила ему в последнем телефонном разговоре, когда он звонил из Чугуева.

В квартире тупо сидела тишина. Он ещё раз нажал на звонок и держал долго, секунд пятнадцать. Тишина даже не подумала пошевелиться. Подождав немного, он сердито звякнул в последний раз и стал доставать ключи. Коробка с тортом «Наполеон» вмиг стала тяжёлой. Он купил торт по пути в «Национале», где ещё продавалось эдакое, поскольку там жили зарубежные лидеры антифашистского движения.

Пустота квартиры встретила его холодно и недружелюбно. На рамке парадного зеркала болталась записка красным карандашом: «Если ты вдруг приехал, нас эвакуировали сегодня по личному распоряжению Хрулёва. Ищи нас в Куйбышеве. М. и девочки». И дата. Вчерашняя! Ему всего одного дня не хватило, чтобы увидеться с ними. Опять вмешалась противная ирония судьбы, какой подлец только придумал её!

Проклятый сорок первый! Миллионы людей несчастливы. Те, кто не лежит в земле сырой, оплакивают погибших. Миллионы людей в разлуке с любимыми, ненаглядными, самыми родными во Вселенной.

С июня Павел Иванович не виделся с женой и дочками, четыре месяца, никогда ещё не бывало столь долгой разлуки. И угораздило же их именно вчера эвакуироваться!

Он стал ходить по квартире и чисто по интендантской привычке инспектировать, что осталось из имущества. За годы его работы в сфере снабжения не очень-то много они нажили. Зная, что по пятам за работниками его службы въедливой старухой ходит недобрая слава, он старался жить скромно, не покупать лишних вещей, и бедная жена то и дело, и чаще всего незаслуженно, слышала от него:

– Ты что, барахольщица? Хочешь, чтобы о нас говорили?

Бывало даже от премий отказывался Павел Иванович, лишь бы не заподозрили, будто он нечист на руку. И тогда Мария Павловна не то с восхищением, не то с упрёком говорила ему:

– Ну ты, Паша, индивидуум!

А младшая дочка Гелечка с усмешкой спрашивала:

– Он что из Индии у нас?

– Почему это я из Индии?

– Так мама же сказала, что ты индивидууй.

Старший унтер-офицер Драчёв прибыл из Франции в Петроград осенью 1917 года, вскоре после свершения Великой октябрьской социалистической революции, и в середине ноября оказался в Перми в 123-м запасном пехотном полку, где его как наилучшего грамотея определили старшим писарем.

Власть в Перми принадлежала эсерам и меньшевикам, а Павел Иванович ещё во Франции определился: он – с большевиками. Недоумевал и злился, что местные большевики мирятся с так называемым умеренно-социалистическим порядком.

Всё внезапно перевернулось, когда объединившиеся в банду солдаты взломали пивной склад водочных королей Зауралья Поклевских-Козелл и устроили общегородскую вакханалию. Присоединившиеся к ним во множестве другие солдаты грабили пивные и винные склады и магазины, спиртное лилось рекой, а главное – вооружённые отряды меньшевиков и эсеров братались с пирующими, тоже грабили и пьянствовали. Обпившиеся мародёры шатались по городу, стреляя куда попало, нечаянно ранили и убили несколько ни в чём не повинных горожан. Неведомо, сколько бы ещё продолжалась свистопляска, если бы офицеры и студенты университета не составили конный отряд и не разогнали пьяных шаромыжников. В отряде находился и герой Шампани и Арденн старший унтер Павел Драчёв. Выступая на огромном собрании по итогам разгона мародёров, он сказал:

– Нам не нужна умеренная власть. Нам нужна власть, действующая на насильников не плакатами и призывами, а оружием! Необходимо немедленно организовать отряды самообороны по всем кварталам города.

Созданная квартальная самообороны целый месяц обеспечивала в Перми порядок. В декабре через город проходил большой отряд моряков Балтфлота, направлявшийся на фронт против генерал Дутова. Матросы помогли местным красногвардейцам разоружить эсеров и меньшевиков и установить, наконец, большевистскую власть. При голосовании в Учредительное собрание все запасные пермские полки безоговорочно поддержали большевиков. А среди внесённых в списки числился и старший писарь 123-го полка Драчёв.

Однако в окончательный избирательный бюллетень опять просочилось много эсеров, а Павел Иванович туда не попал. Огорчился, но знакомые большевики, с которыми он дружил всё больше, успокоили его:

– Не вешай нос, писарь, ходят слухи, что Ленин учредилку не допустит. Иначе зря мы революцию делали – опять власть меж собой поделят эсеришки да меньшевики.

Смешное слово мгновенно утешило – не возвышенное Учредительное собрание, а какая-то там мелкая учредилка. К концу года большевики выступили против лозунга «Вся власть Учредительному собранию», под которым скрывалось «Долой Советы!». А в январе они и вовсе разогнали учредилку, применив силу, и окончательно показали, кто сейчас в России хозяин. По всей стране разлетелась фраза матроса Железняка «Караул устал!», которую он произнес, закрывая последнее заседание.

К этому времени в Перми вся власть уже перешла к Советам. Павел Иванович присутствовал в городском театре на губернском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, где и была провозглашена победа советской власти. В отличие от Москвы, Петрограда и многих других городов, в Перми всё прошло без стрельбы и кровопролития.

И наступил мир...

Времяисчисление перешло на новый стиль, и свой двадцать первый день рождения Павел Драчёв впервые отмечал не шестнадцатого, а двадцать девятого января. В Бресте советская делегация подписала договор, означавший выход России из империалистической войны. Где-то на Дону собиралась Добровольческая армия, но это не казалось чем-то устрашающим. Что могут тысячи обиженных офицеров против миллионной массы трудящихся, готовых с оружием в руках защищать свою власть? И демобилизованный старший унтер-офицер подался в родную Осу, где его радостно встречали отец с матерью, братья и сёстры.

В Осе советскую власть установили так же спокойно, как и в Перми. Заработал Совет народного хозяйства, при нём – аптекарский магазин, в который опалённый пламенем войны, повивавший человеческого горя Павел Иванович устроился кассиром. Тихо, мирно...

Отец с матерью сразу стали подбирать невесту, но ни одна девушка доселе не тронула его сердце – нравились, увлекали, но так, чтобы вверить судьбу, – ни одна. Отец упрекал:

– Я в твои годы уже тебя родил!

Но и это не действовало.

– Успеется.

Наступило лето. С одной хохотушкой он даже закрутил, подолгу гуляли вдоль нескончаемого берега Камы, плавали в широкой русской реке, в парке ели пирожные, катались на каруселях... Но что дальше?... И когда в конце первой недели августа его мобилизовали, он испытал облегчение и, прощаясь, намекнул девушке, что может искать себе в женихи другого. Она, легкая по характеру, не особо-то и обиделась.

Ну, здравствуй, Рабоче-крестьянская Красная армия! Прощайте, погоны старшего унтера, голубые с тремя белыми поперечными лычками, нет больше никаких погон, отныне он – красноармеец, единая для всех бойцов категория. На голове – фуражка с красной звездой, в центре звезды – желтые плуг и молот, на груди – красный кумачовый бант. Говорят, что в центральных районах уже всю раздают нагрудные знаки в виде такой же звезды, как на фуражке, но в окружении лавровой и дубовой веток, но до Пермской губернии такая роскошь ещё не дошла.

Мир, объявленный большевиками, просуществовал недолго. В мае в Осу стали приходиться тревожные вести. Сорокатысячный чехословацкий корпус, составленный из пленных австро-венгерской армии, разгромленной во время Брусиловского прорыва, двигался по Транссибирской магистрали в сторону Владивостока, откуда намеревался переправиться на кораблях в Европу для продолжения войны с Германией. Однако под давлением немцев боль-

шевики приняли решение разоружить чехословаков, те подняли мятеж, разгромили красноармейцев в Челябинске и захватили огромную часть Транссиба. Так началась Гражданская война.

В июне в Перми большевики расстреляли великого князя Михаила, последнего номинального царя, а в июле в Екатеринбурге уничтожили всю семью императора Николая. Через несколько дней белогвардейцы овладели Екатеринбургом и угрожали походом на Пермь.

В Омске сформировалось Временное Сибирское правительство, его Народная Армия под командованием полковника Капшеля развернула боевые действия в Поволжье и взяла Казань как раз в тот день, когда Драчёва мобилизовали в Красную армию. И тогда же восстали рабочие оружейных заводов Ижевска и Воткинска, составившие армию в тридцать пять тысяч штыков. Советская власть в России переживала самый тревожный период в своей истории, находясь на грани краха.

Под Пермью образовался фронт, с севера его обороняла Красная армия, с юго-запада наступали ижевцы и воткинцы, с юго-востока – белая армия, обосновавшаяся в Екатеринбурге. Наступила осень, приближались холода, красноармейцы испытывали сильную нехватку тёплых вещей и обуви, а уже в ноябре ударили тридцатиградусные морозы. Писарь 5-й бригады 30-й стрелковой дивизии Драчёв стал членом управления снабжения и здесь впервые отличился в качестве превосходного интенданта, смог организовать экстренные поставки и частично восполнить недостающее обмундирование.

К концу года наступление Прикамской и Екатеринбургской группировок Сибирской армии генерал-майора Иванова-Ринова стало казаться несокрушимым. Белые обладали численностью, вдвое большей чем красные, и в вооружении имели превосходство. Тяжелейшие бои развернулись под Кунгуром, взятие которого открывало белогвардейцам прямую дорогу на Пермь. Драчёв воевал в районе сёл Асово и Тулумбасы, сражался доблестно. Хвастался:

– Я немца на Париж не пустил и белогвардейцев на Пермь не пушу.

Увы, второго чуда в его жизни не случилось. В течение недели вместе с другими бойцами 30-й дивизии он держал круговую оборону Кунгура, но силы сторон оказались слишком неравными. К тому же белогвардейцами руководил талантливый чешский военачальник Радола Гайда, на самом деле полуавстриец-получерногорец Рудольф Гайдль, отбивший у красных Иркутск. И Кунгур пал, а, захватив его, белые стремительным броском взяли Пермь. Красная армия отошла в сторону Глазова, дабы там обеспечить прикрытие Вятки.

Горестно встречал новый 1919 год Павел Иванович. Не стоило ему хвастаться Парижем. В Москве победу белогвардейской Сибирской армии назвали Пермской катастрофой, и Свердлов даже прислал комиссию во главе с Дзержинским и Сталиным для выяснения причин столь сокрушительного поражения. Многим красным командирам досталось. И заслуженно, и незаслуженно. В январе Красная армия предприняла попытку вернуть Пермь и Кунгур, но безуспешно. Впрочем, после того как 5-я армия овладела Уфой, белогвардейцы тоже перешли к обороне.

В это время Драчёв уже занимал должность квартирмейстера – так тогда в РККА назывались интенданты. Новый начальник дивизии Николай Дмитриевич Каширин, сменивший в январе Василия Константиновича Блюхера, быстро распознал в красноармейце Драчёве его таланты и сказал:

– Ты, брат, в должности квартирмейстера ценнее, чем три самых отважных рубаки. Так что, и не лезь в драку. Без тебя найдётся, кому воевать. А вот кому добывать – без тебя не обойдётся.

И эта фраза сильно подействовала на Павла Ивановича, который постоянно рвался в бой. А ведь действительно – на войне кому воевать, а кому добывать. Чётко сказано!

Девятнадцатый – самый тяжёлый и самый решающий год Гражданской войны. На юге все белогвардейские подразделения объединились в Вооружённые силы Юга России под командованием генерала Деникина и целиком захватили Дон, Донбасс и Кавказ. За Уралом Запад-

ная, Сибирская, Уральская и Оренбургская армии объединились в Восточный фронт адмирала Колчака и заняли весь Урал, стали двигаться к Волге. А тут ещё в Самаре и Симбирске, на Дону и на Украине вспыхнули антисоветские восстания. Очень тревожная весна! Неужели большевики будут раздавлены?!

Но наступило лето, и Красная армия опрокинула колчаковцев, освободила Уфу, и пошла на восток, вернула советской власти Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Тюмень, вышла на берег Тобола. Восточный фронт стабилизировался, в отличие от южного, где деникинцы захватили почти всю Украину, Курск, Воронеж, Орёл и решительно шли на Москву, откуда большевики в ужасе готовились эвакуироваться в Вологду.

Именно в этот критический для советской власти момент в небольшом селе на берегу Тобола красноармеец Драчёв вступал в партию большевиков. На собрании, посвящённом приёму новых членов, парторг 30-й стрелковой дивизии, перечислив все заслуги умного и деятельного квартирмейстера, вдруг задал ему вопрос:

– А скажи, пожалуйста, не страшно тебе вступать в нашу партию именно сейчас? Белые на Южном фронте уже в Орле, ещё бросок – и они на окраине Москвы. Что, если победят? Ведь членов партии всех перевешают без суда и следствия. Что скажешь?

Драчёв насупился, стал суровым:

– Считаю это вопрос для себя обидным и даже оскорбительным.

– Поясни.

– Даже если беляки одержат победу, возьмут Москву, двинутся на восток и тут нас возьмут в клещи... Для меня честь принять от них казнь в звании коммуниста-большевика. Погибнуть за дело трудящихся.

– Стало быть, ты допускаешь...

– Дайте договорить, пожалуйста. Нет, я не допускаю. Москву они, может, и возьмут. Так ведь и Наполеон её брал. А что в итоге? Но и Москву им не взять. Чует моё сердце, завтра мы получим радостные новости с Южного фронта. Так что, давайте мне партбилет и не мучайте обидными вопросами.

Тут все весело рассмеялись, а увидев номер своего партбилета, Павел Иванович искренне удивился:

– Ого! Один миллион, семьсот шестьдесят одна тысяча, восемьсот одиннадцатый! Это что же, получается, у нас в России почти два миллиона коммунистов?!

Все опять засмеялись.

– Чудак-человек!

– А сколько погибло-то за все эти годы!

– А скольких исключили.

– Ах, да! – спохватился он. – Я на радостях и не сообразил. А хорошо бы, товарищи, достоверно исчислить, сколько погибло, скольких исключили и сколько осталось на данный момент.

– Во даёт!

– Ему бы всё исчислить!

– Чего смеётесь! Настоящий бухгалтер!

– Бери выше – квартирмейстер, интендант!

Обладая незаурядной памятью, он с первого дня запомнил семизначное число – номер своего партбилета. А уже на другой день с запада пришла предсказанная им хорошая весть – конные дивизии Будённого нанесли фланговый удар к востоку от Орла и, разгромив казачьи корпуса Мамонтова и Шкуро, захватили Воронеж.

– Ты, Драчёв, как в воду глядел, – хлопал Павла по плечу парторг. – Нам без таких глядельщиков каюк. Вводим тебя в бюро партколлектива.

И как по мановению волшебной палочки вся оборона белых посыпалась – один за другим красные брали Харьков, Киев, Ростов-на-Дону, Одессу... А окрылённые их успехами и на Восточном фронте ребята устремились вперёд. 30-й дивизией после перевода Каширина в Оренбург уже командовал Евгений Николаевич Сергеев, до революции – выпускник Николаевской академии Генерального штаба, подполковник, военспец. Его чудом не казнили после Пермской катастрофы, и теперь он мечтал доказать, что не зря его тогда не расстреляли. Под его командованием полк в составе 5-й армии с боями дошёл до столицы Колчака, и в середине ноября Омск пал к ногам красных. Вместе со всеми Драчёв праздновал победу.

Но торжество сильно омрачал свирепствовавший в городе тиф, в день от него умирало больше сотни человек, трупы не успевали хоронить, и они подолгу лежали на морозе, ожидая своего упокоения. Кто красный, кто белый, кто равнодушный и нейтральный – тифу наплевать, и войдя в поверженную колчаковскую столицу, многие сослуживцы Павла Ивановича встретились с неожиданным невидимым врагом. Из-за тифа долго отдыхать в Омске оказалось опасно, и красные двинулись на Ново-Николаевск догонять верховного правителя Сибири. 30-я дивизия в составе 5-й армии двигалась вдоль Транссиба. До чего ж ты, Сибирь-матушка, огромна! От Иртыша до Оби – почти семьсот вёрст, да по морозу, от станции к станции, и всюду надо мучительно добывать провиант и дрова для обогрева бойца изнутри и снаружи. Павла Ивановича уже и в бой не пускали, только знай, действуй на своём фронте, добытчик ты наш!

Белые после взятия Омска оказались в состоянии разброда и шатаний, то тут, то там у них внутри вспыхивали восстания, всё больше и больше белогвардейцев переходило на сторону красных, и красные шли быстро и весело. Уже в середине декабря взяли и Ново-Николаевск. Колчак бежал дальше на восток и остановился даже не в Красноярске, а в Иркутске, сделал его своей новой столицей. От Ново-Николаевска до Красноярска значительно дальше, чем от Омска до Ново-Николаевска, но если Новониколаевская операция заняла месяц, то Красноярская – всего две недели.

Русская армия совершенствовалась и крепла, воюя с немецкой, а Красная – воюя с русской.

20 декабря 30-я стрелковая дивизия заняла Томск и, усвоив гордый статус авангарда, встречать здесь Новый год не осталась, а устремилась дальше и уже 7 января 1920 года, сломав оборону генерала Каппеля, ворвалась в Красноярск, добывая не сдающихся белогвардейцев. Во главе 30-й дивизии к тому времени стоял самый молодой комдив Красной армии – двадцатидвухлетний Альберт Янович Лапин, латыш, настоящая фамилия Лапиньш. На два года моложе Павла Ивановича. Ишь ты, поди ж ты! Но командовал латыш не хуже Сергеева, назначенного начальником штаба 3-й армии.

В Красноярске коммуниста Драчёва приняли в бюро горкома и выбрали заместителем секретаря партбюро. Началась подготовка к броске в тысячу вёрст на Иркутск. Красноярск город большой и богатый, Красная армия уже всеми почиталась как победоносная, работа по восполнению запасов одежды и продовольствия шла гораздо легче, чем раньше. А белая армия доживала в Сибири последние дни, и во второй половине января пришло радостное известие – в Иркутске восставшие свергли белогвардейское правительство и установили советскую власть. Арестованные верховный правитель Сибири адмирал Александр Васильевич Колчак и премьер-министр его правительства Виктор Николаевич Пепеляев в ночь с 6 на 7 февраля были расстреляны без суда и следствия.

Из Красноярска в Иркутск 5-я армия шла без боёв, неторопливо. 30-я стрелковая дивизия двигалась в своём почётном авангарде. Павлу Ивановичу этот марш запомнился как нечто радостное и почти беззаботное, постоянно вспоминались стихи Гумилёва, у которого он после Франции перечитал всё, что смог раздобыть:

И так сладко рядить победу,

Точно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Вот на этой девушке-победе, осыпанной жемчугами, он бы с восторгом женился. И вдруг – увидел её!..

«Мороз и солнце – день чудесный!» – эта простая пушкинская фраза для каждого русского человека имеет какое-то магическое очарование. Встаёшь утром, распахиваешь шторы и при виде солнечного морозного дня невольно её произносишь. И сердце наполняется звоном игривых бубенчиков.

Именно такой день – мороз и солнце! – стоял в Иркутске 7 марта 1920 года, когда среди первых отрядов авангардной 30-й стрелковой дивизии Павел Драчёв входил в город, который не требовал завоевания, а уже лежал перед Красной армией, как пышный, горячий и дышащий пирог на серебряном блюде.

По разводному понтонному Николаевскому мосту перебрались через Ангару и, приветствуемые толпами, двинулись по Мыльниковской улице, а на Дворянской у Первой женской гимназии толпились гимназисточки, весёлые и краснощёкие от мороза. Все махали им, и он махал, и вдруг увидел среди них настоящую сибирскую красавицу – черноокою, скуластенькую, снег серебрился на её меховой опушке подобно жемчугам...

Миг – и чудесное виденье исчезло, шеренги свернули на Ланинскую, а там уже другие девушки и дамы махали закалённым в боях красноармейцам, и много среди них было чудесных лиц, немало и сибирских красавиц, и просто хорошеньких...

Ожидалось дальнейшее продвижение Красной армии на Читу, где остатки каппелевцев, соединившись с казаками атамана Семёнова, образовали Дальневосточную армию, но в созданной буферной Дальневосточной республике вспыхнуло восстание, и уже весной там захватили власть большевики. Героическая 30-я дивизия получила почётное название «Иркутская» и пока оставалась в городе на Ангаре.

Глава пятая

Блузка с воланами и гимнастёрка с разговорами

Образ Победы в сверкающих на опушке пальто жемчужинах-снежинках запал в сердце красноармейца Драчёва, и он стал разрабатывать планы, как теперь ему завоевать сердце красавицы сибирячки. Дежурить около Первой женской гимназии имени Хамина у него не было времени. И как же? Явиться и спросить: «Кто у вас такая самая красивая и в жемчугах?» – смешно.

Пока он раздумывал, его взяли, да и выдернули из Иркутска, перевели обратно в Красноярск, где назначили председателем учётно-воинской повинности Енисейского губвоенкомата. Да и ладно. Она, поди, по-французски в сто раз лучше него умеет, и книг прочитала уйму, станет перед ним задавакой. В Красноярске тоже очень много красавиц, зажавшихся, когда, наконец, мужчины перестанут убивать друг друга и займутся своим самым важным делом – женщинами.

И всё же долго ещё по ночам он представлял себе, как берёт её за руку и они идут по певучему морозному снегу, идут и идут куда-то...

В мае Драчёва назначили одновременно начальником счётного отделения и руководителем административно-хозяйственного отдела окружного хозяйственного управления Восточносибирского округа. С июня он стал военкомом этого управления, а с ноября – военкомом канцелярии снабжения 5-й армии.

В то время как на востоке великой страны Гражданская война лишь догорала угольками, на западе она всё ещё полыхала. Чванливая Польша вознамерилась вернуть себе территории некогда великой Речи Посполитой, «от можа до можа», то бишь, от моря Балтийского до моря Чёрного. Захватить всю Украину, Белоруссию и Литву. Шляхтичи штурмовали Киев, но войска Западного и Юго-Западного фронтов под командованием Тухачевского и Егорова отбросили их назад к своим границам. Учитывая измотанность бойцов, следовало остановиться, но Тухачевский рвался в Наполеоны и уверял, что овладеет Варшавой. Всё кончилось катастрофой, в августе войска Западного фронта оказались наголову разбиты поляками, назвавшими свою победу «Чудом на Висле». В этой схватке погиб один из братьев Павла Драчёва – Александр.

Тем временем самому Павлу Ивановичу пришлось навсегда попрощаться с родной 30-й дивизией. Осенью её с востока России перебросили далеко на юго-запад – на сей раз громить в Крыму генерала Врангеля.

В 1921 году Драчёва перевели в Канск на должность начальника снабжения 1-й Сибирской дивизии. С июля он стал начальником военно-хозяйственного снабжения и военным комиссаром 5-й армии. В следующем году уже в звании командира батальона – помощником начальника снабжения Восточносибирского и Западносибирского военного округа.

В этой должности приходилось ему мотаться по всей неоглядной Сибири, но только приезжая в Иркутск, он чувствовал, как особенно бьётся сердце в ожидании чуда – новой встречи с прекрасной гимназисткой. Однажды набрался смелости и явился в Первую женскую гимназию имени Хамина. Вспомнив поучения Гроссер-Кошкина, напустил на себя важного вида и тоном, не терпящим возражений, объявил:

– Честь имею, помощник начальника снабжения всей Восточной и Западной Сибири Драчёв Павел Иванович. Мне поручено проверить состояние гимназии.

Весь его вид, безукоризненное, что называется, с иголки, обмундирование, скрипучие ремни, красные суконные квадратики в петлицах, а главное – властный взор произвели впечатление. Его повели из класса в класс, рассказывая, в чём ощущается нехватка, где необходим ремонт и так далее, он всё запоминал, но при этом постоянно искал глазами свою прекрасную сибирячку. На случай обнаружения имелся план: сказать ей: «Вот, допустим, вы... Будьте

добры, запишите всё, что я вам продиктую. Давайте отойдём в один из свободных классов». Там он стал бы ей диктовать услышанные пожелания, а заодно и познакомился бы. Но, увы, желаемая персона так и не обнаружилась, и все его ухищрения канули в небытие.

Разочарованный, он покинул гимназию и отправился в военный комиссариат, по памяти перечислил, в чём нуждается женская гимназия и попросил помочь в меру возможностей. Его даже не спросили, какое отношение армия имеет к гимназиям, настолько Повелеваныч успел приобрести авторитета, пообещали помочь. С тем через несколько дней он уехал из Иркутска несолоно хлебавши.

Стояла весна 1923 года, и всё говорило ему о том, что чудо близко, оно непременно произойдёт, потерпи маленько, братишка. Он ездил из Иркутска в Киренск, из Киренска в Канск, из Канска в Красноярск, из Красноярска в Ново-Николаевск... В основном по местам своей боевой славы. И всюду встречались девушки, чьи очи расцветали при виде бравого красного командира с озорным взором светло-голубых живых глаз, и он уже готов был сдаться какой-нибудь из них в плен, если бы не...

Летом его перевели в Омск, где он обосновался на год. В один из июльских дней с приятелями отправился на большой слёт самодеятельности, надел полушерстяную суконную гимнастёрку образца 1919 года с малиновыми разговорами – так назывались нагрудные поперечные клапаны-застёжки, которые вкупе с будёновкой создавали неповторимый образ красноармейца, особенно зимой, когда он становился подобен древнерусскому витязю. Но сейчас в Сибири стояла июльская жара, и Павел Иванович щеголял в гимнастёрке и будёновке летнего варианта. Выглядел он не как витязь в доспехах, но всё равно довольно браво и для девушек заманчиво.

Подходя к зданию городского театра со статуей крылатого гения наверху, купил у торговки цветами небольшой букет из пяти душистых чайных роз, чтобы подарить той, которая произведёт на него самое сильное впечатление. В зале сел в третьем ряду с краю, розы положил на колени и зачем-то прикрыл их будёновкой.

Каких только самодеятельных номеров не показывали юноши и девушки Сибири! И всякие смешные агитационные пирамиды, и отрубание головы мировому империализму, и сцены в аду, где жарятся разные полководцы белой армии, и карикатурные пародии на современные нэпманские нравы и танцы, всякие там чарльстоны, фокстроты и шим-шам-шимми. Какой только выдумкой не встречала зрителей жизнерадостная, хоть и полуголодная молодёжь, каких нарядов она не нашла себе из всего, что попало под руку, чем только себя не разукрасила!

И вдруг будто шрапнелью осыпало его! Она!

Вышла на сцену такая пышущая жизнью, покачивая крутыми бёдрами, в чёрной юбке и белоснежной блузке с волнами вокруг небольшого декольте, а на шее – кулончик с одной-единственной жемчужиной. Встала, подбоченилась, левая рука локтем вперёд, ладонью на бедре, правая – вверх, будто погоняя лошадей, заиграл оркестрик из балалаек, гармони и бубна, и она запела красивым грудным голосом:

Ехали на тройке с бубенцами,
А вдали мелькали огоньки,
Эх, как бы и мне теперь за вами,
Душу бы развеять от тоски.

Замерла, замер и оркестрик, и вдруг вместе грянули залихватски:

Дорогой длинною, да ночью лунною,
Да с песней той, что вдаль летит звеня,
Да с той старинною, да с семиструнною,

Что по ночам так мучила меня!

И пустилась в пляс, выстукивая каблучками чёрных туфелек по дощатому полу сцены, прошла кругом, и вновь застучали каблучки.

– Цыганщина буржуйская, – услышал Драчёв за спиной, и аж обожгло. Как можно о его иркутяночке такое! Ещё слово – и в морду получит, можете не сомневаться. Оглянулся и строго зыркнул на мордастого комвзвода. Тот обиделся: – Что, разве не так?

И тут всё само собой развеялось, когда в следующем куплете она запела:

Но, выходит, шли на бой не даром,
Не напрасно ночь за ночью жгли.
Навсегда покончили со старым,
Вместе в коммунизм теперь пошли!

– Ну а теперь что? – грозно оглянулся на комвзводом Павел Иванович.

– Теперь другое дело, – одобрил мордастый.

– То-то же, паря! – успокоился комбат Драчёв.

И снова залихватский припев, только теперь дорогой длинную певица вела слушателей в идеологически правильном направлении, обозначенном во втором куплете:

Дорогой длинную, да ночкой лунною,
Да с песней той, что вдаль летит звеня.
Да со старинною, да семиструнную,
Что в светлый путь теперь ведёт меня!

И как только песня и танец кончились, он отобрал у цветов будёновку, надел её и стремительным маршем направился к сцене, успел, пока его иркутянка не ушла за кулисы, и вручил душистый букет. Глянул на неё одновременно с восторгом и повелительно. Мол, мой выбор пал на тебя. Она в ответ сверкнула карими глазами и засияла улыбкой. Схватила с головы у него будёновку и – хлоп себе на копну волос! Ха-ха-ха! И – откатилась, как волна от берега, назад в море, растворилась в таких же волнах.

Завершался смотр самодеятельности общим выходом всех участников с танцами под пение «Красная армия всех сильнее!». И она снова сверкала на сцене, но теперь в его будёновке, отыскала взглядом его в третьем ряду справа, схватила с головы будёновку и замахнулась, чтобы кинуть ему, как тарелочку, он вскочил, готовый поймать, но она засмеялась и вернула головной убор красноармейца на свою густую чёрную шевелюру. А он, смеясь, сел на своё место.

– Видал, как они над нашим братом мудруют! – похлопал его по плечу комвзвода. – Держись, брат!

– Это мы ещё посмотрим, – покраснев, кинул за спину Драчёв.

Когда всё закончилось, он ждал её у выхода из театра, вдоль и поперёк изучил все афиши – «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Гроза», «Скупой, или Школа лжи», «Ревизор», «Парижская коммуна», «Мещане», «Мистерия-Буфф», «Смерть Спартака», «Заря новой жизни», «Без вины виноватые»...

– Буранова, ты с нами?

– Сейчас, сейчас...

Она! Выскочила со стайкой друзей и подружек. Конечно, сейчас они её утащут от него. Ну, уж нет уж! Поборемся.

– Вот ваша богатырка, – протянула ему будёновку.

- Можете взять себе, она вам очень идёт, – не стал брат Павел.
- Буранова!
- Да иду я! Айда с нами? – неожиданно предложила.
- Отчего бы и нет? Я до завтра полностью свободен.
- Вот и славно. Меня Марией зовут.
- А я Павел.

И его приняли в компанию, познакомились – он, она, девушки Катя и Лиза, юноши Виктор, Роман и Сергей. Ага, намечалось трое на трое, а теперь он влез в качестве соперника одному из трёх самодельцев.

Вышли на Базарную площадь, носы невольно повели их к запаху горячей выпечки.

– О, пирожки с котятами, – сказал Сергей. – Наскребём?

Юноши принялись считать мелочь.

– Плачу за всех, – кинулся в атаку Драчёв и протянул продавщице деньги.

– Ты гляди, как наша Красная армия забогатела, – рассердился Роман, и чутьё подсказало Павлу, что именно он нацеливался на его иркутянку с великолепной фамилией Буранова. Вот бы ему такую фамилию! Но нет, Драчёв тоже великолепно, мол, всегда готов подраться за правое дело.

Пирожки оказались с рыбой, вкусные, улетели в мгновение ока. Шли куда глаза глядят по улице Ленина, бывшему Любинскому проспекту, в сторону Оми. Мария взяла Павла под руку, мельком оглянувшись на Романа, и тот ещё больше нахмурился.

– Павел, а ты в каком это звании? – спросила игриво, легко перейдя на «ты».

– Так три кубаря же... – фыркнул идущий рядом Роман.

– Это что значит?

– Командир батальона.

– Коротко – комбат, – добавил Драчёв.

– Хорошее слово, – произнесла Мария. – Так что, комбат, пойдёте к нам в самодеятельность?

– Запросто, – пожал он плечами. – А что, мне понравилось. Вот ты, Роман, хорошо Колчака в аду изображал. И Виктор молодец в пирамиде с голым торсом.

– А я? – спросил Сергей.

– А я? А я? – подхватили Катя и Лиза.

– Сергей с Лизой превосходно фокстрот изображали. Карикатурно. А ты, Катя, Маяковского сильно прочитала:

Там, за горами горя
Солнечный край непечатый.
За голод, за мора море
Шаг миллионный печатай.

– Смотрите-ка, всё запомнил! – восхитилась Катя.

– У меня память бережливая, – признался Драчёв. – Из неё ничего не выпадает.

– А как я «Дорогу длинную» на новый лад переиначила, запомнил?

– Конечно. – И он выдал изменённые строчки. – Отменно получилось, а то там некоторые поначалу кривились: «цыганщина».

– Я тоже так считаю, – сказал Роман. – Не надо старья. Петь старые песни, читать старые стихи, ставить заплесневелые пьесы.

– Неправда, – возразил Павел. – В старом не всё заплесневело. Вот я посмотрел репертуар городского театра. Там и Маяковский тебе, и Мольер, и Островский, и Горький. Думаете,

«Ревизор» Гоголя устарел? Да таких Хлестаковых всегда полно будет на нашей земле. Даже советская власть нескоро искоренит.

– А может, и никогда, – добавила Мария.

Как раз в этот момент Павел пригляделся к её кулончику и увидел, что там не жемчужина, а стеклянный шарик, подкрашенный белой краской. И его это так умилило, что захотелось поцеловать самодеятельную драгоценность. Все жемчуга мира можно отдать за подкрашенный шарик!

Он глянул на её профиль и ещё больше влюбился. Чёрные волосы, на солнце шоколадные, карие глаза, сибирские скулы, тонкие губы, волевой подбородок. Вспомнилось некрасовское «Есть женщины в русских селеньях».

– А, кстати, завтра там «Женитьба Фигаро». Айда?

– Ну, нет уж, – сказал Виктор. – Маяковский – наш человек, а какое-то там Фигаро...

– Тут нам не по пути, – добавил Сергей.

– Приглашаю, – тихо произнёс Павел на ухо Марии. Она в ответ сжала ему локоть, мол, сговорились.

– А я знаю, как эти полоски называются, – сказала она, показывая на клапаны-застёжки его гимнастёрки. – Разговоры. Правильно?

– Правильно. А знаете, ребята, как недобитые буржуи будёновку называют?

– Как?

– Умоотвод.

– Вот сволочи!

– А как эти волны на твоей блузке называются? – спросил Павел.

– Воланы, – ответила Мария.

И вот теперь в оставленной квартире Потаповского переулка он стоял и смотрел на эту блузку с воланами, нарочно выставленную женой на спинке стула. Пошарив по шкафам, Павел Иванович, как знал, не нашёл ту свою старую гимнастёрку с малиновыми разговорами. Маруся увезла её с собой в эвакуацию, чтобы время от времени прижимать к лицу и вдыхать запах мужа.

Он снял со спинки стула блузку с воланами и тоже прижал к лицу. Глубоко вдохнул родной едва уловимый запах Марусино тела, смешанный с тонким ароматом её духов.

Глава шестая

Великий комбинатор

В тот же день Павел Иванович отправился в бывшее здание Александровского юнкерского училища, где теперь располагался Генштаб и некоторые другие важные учреждения. Здесь он предстал пред ясными очами и начальника Главного управления тыла Красной армии, заместителя наркома обороны – генерал-полковника Хрулёва.

– Рад видеть вас в добром здравии, – крепко пожал ему руку Андрей Васильевич. – Хорошо, что вы всё-таки выбрались из страшного котла. А я как раз вчера ваших милых отправил в город на Волге.

– Я так понимаю, чтобы не отвлекали меня?

– Чётко мыслите. Присаживайтесь, есть большой разговор. О вас только самые лестные отзывы. На фоне наших досаднейших поражений только ваша интендантская служба на юго-западном направлении выглядела достойно.

– Достойно... – вздохнул в ответ Павел Иванович. – Какие потери, товарищ генерал-полковник, какие потери! Как можно было расположить склады вблизи границы! Я знаю, вы выступали против, и не стану называть имена тех, кто вас не послушал. В Тарнополе восемьсот одиннадцатый, в Ровно триста девяносто девятый... Ещё бы во Львове и Бресте разместили... И всё из-за примитивно понятой наступательной доктрины! Преступное неверие, что Германия нападёт на нас. Огромное количество тёплых вещей при отступлении невозможно было спасти, пришлось сжигать. А потом ещё и в Житомире та же картина. Хорошо хоть, что из киевско-овручевского сто шестьдесят пятого склада удалось полностью эвакуировать в тыл без потерь.

– Да уж... – поёжился Хрулёв.

– Благо, что удалось организовать через местные органы власти и военпредовский аппарат получение всей необходимой продукции от местных предприятий. Худо-бедно стали поступать от них обмундирование, обувь, предметы снаряжения, кожаные и метражные материалы и прочее. Многие украинские товарищи не очень-то старались. Западенцы вообще едва ли не в открытую ждали немцев, на лицах – усмешечки. Лишь харьковчане молодцы: вещевого имущества на одиннадцать миллионов рублей, обозно-хозяйственно почти на полтора миллиона, разного имущества на миллион. Удалось удовлетворить хоть минимальные потребности войск.

– Это всё вы организовали, я знаю, честь и хвала.

– Да дело не в чести и хвале, – спокойно, но с тоской продолжал Драчёв. – Вот здесь болит, – он ткнул себя в грудь. – Башка лопается. Простите за просторечное слово. Сейчас два основных склада оборудованы в Белгороде и Валуйках, но ведь и оттуда придётся отступать.

– Кто дал такие сведения?

– И без сведений понятно. Недооценили немца, вот что я вам скажу. Шапками закидали, так теперь на зиму нет шапок, – позволил себе грустный каламбур генерал-майор.

– О том и речь. А где и как восполнять? У вас есть соображения?

– Есть, товарищ генерал-полковник. У меня остались прочные связи с Монголией. Готов в сжатые сроки договориться с монгольскими товарищами о поставках мяса и тёплой одежды. Лично свяжусь с товарищем Чойбалсаном. Хорошо знаком с ним по тридцатым годам. Он во всём помогал мне тогда.

– Неожиданно! – с удивлением усмехнулся Хрулёв. – А ведь вы дело говорите. Вижу, что я не случайно на вас нацелился. Редко у кого есть такая жилка. Слыхали, как вас называют?

– Как?

– Повелеваныч.

– Да это меня ещё с молодости так именуют, – вскинул брови Драчёв. – Ещё до Германской, когда я в чайной конторе «Губкин и Кузнецов» служил конторщиком.

– И это правильно, – улыбался Хрулёв. – Завтра я записан к Верховному. Буду подавать на вас рапорт о назначении заместителем у Давыдова. Там место свободно в связи с обстоятельствами несоответствия. Не возражаете?

– Генерал-майор не имеет права возражать генерал-полковнику, – с достоинством ответил Драчёв. – Но я рад. С Петром Даниловичем давно знаком, он ведь был у меня начальником в харьковской Академии. Кстати, я слышал, вас товарищ Сталин тоже наградил говорящим прозвищем?

– Наградил, – смешно надулся Андрей Васильевич. – С Остапом Бендером меня сравнил. – И засмеялся.

После своего назначения, состоявшегося в августе, Хрулёв в тяжелейших обстоятельствах отступления на всех фронтах проявил столько изобретательности и смекалки, что Сталин стал называть его великим комбинатором.

– Хорошие книги написали Ильф и Петров, коли сам Иосиф Виссарионович из них выщипывает, – улыбнулся Повелеванч.

– Я и сам не раз перечитывал «Двенадцать стульев» и «Золотого телёнка». Жаль, что Ильф рано помер. А Петров молодец какой! С первых дней войны служит фронтовым корреспондентом. В самые опасные точки не боится летать.

– Знаю, виделся с ним в августе под Киевом.

– А главное, не зря его в своё время в Америку посылали, он там такие контакты наладил, что все его фронтовые заметки выходят у нас, а чуть ли не на следующий день там, у американцев.

– Замечательный человек, – кивнул Драчёв.

– М-да... – задумчиво произнёс Великий комбинатор. – Скажите, как вы оцениваете нынешнее состояние интендантской службы?

– Полагаю, в точности так же, как вы, – ответил Повелеванч.

– То есть плачевно.

– Именно это слово больше всего подходит. За три месяца небывалого отступления мы не только потеряли колоссальные человеческие ресурсы, но и оставили врагу огромное количество неприкосновенного запаса, а главное – тёплой одежды, которую бросали за ненадобностью. Я сколько мог, столько успел эвакуировать. Но я не бог.

– Я знаю цифры эвакуированного вами. Потому доверяю вам, как богу. Или, по меньшей мере, как самому себе. А я могу, положа руку на сердце, сказать, что если у нас на фронтах и срывались боевые операции, то ни разу по причине необеспеченности войск вещевым и пищевым довольствием. Но, увы... – Хрулёв тяжело вздохнул, прошёлся по своему кабинету и продолжил: – К началу войны Красная армия была обеспечена шинелями на сто пятьдесят три процента. Сейчас – едва ли на шестьдесят. Гимнастёрками – на сто восемьдесят процентов, сейчас – на восемьдесят. Шароварами – на сто сорок девять, сейчас – на семьдесят пять. Примерно такие же цифры в сопоставлении по обуви, нательным рубашкам, кальсонам, вещмешкам, котелкам... И только по поясным ремням почему-то показатели положительные. Я ещё так и не уяснил почему.

– Потому что удалось полностью вывезти их запасы с Западной Украины, – сказал Драчёв.

– Вот видите, вы больше моего знаете.

– Простите, товарищ генерал-полковник.

– За что, чудак-человек? – махнул рукой Хрулёв и продолжил: – Перед Управлением вещевого снабжения стоит задача как можно быстрее и больше восполнить нехватку вещей, а перед Управлением обозно-вещевого снабжения – вовремя доставить их войскам.

– Сейчас Упрвещснабом руководит Кутузов...

– В том-то и дело, что руководит... Нет, Никифор Иванович превосходный специалист. И человек прекрасный. Но как-то немного...

– Не дотягивает?

– Немного. Но как бы нам этот Кутузов снова Москву не сдал. Шучу конечно. За него заступается лично Ворошилов, в Гражданскую Никифор Иванович великолепно воевал. Но для Главного управления не вполне, знаете ли... Рано или поздно я уговорю Сталина сменить его. Есть у вас кто на примете?

– Есть, – сразу же ответил Павел Иванович. – Он сейчас зам начальника Финансового управления Наркомата обороны. Но я бы взял его к нам. Я с ним давно знаком.

– Кто такой? Напомните.

– Карпинский Николай Николаевич.

– А, знаю его. Кажется, толковый мужик. Сейчас от нас требуется тщательно перепроверить всё обмундирование в его применении к новым условиям войны. Одно дело то, как мы проверяли его до немца, другое – после того, как с немцем этим столкнулись. Что лучше у них, что у нас. Только тебе могу всё это доверить. И вопрос с касками надо решить.

– А что с касками?

– Это к замначальнику вещевого управления Тармосину. Филипп Григорьевич. Толковый сотрудник.

Глава седьмая

Каски-касочки

И первым делом Павел Иванович отправился знакомиться с полковником Тармосиным. – Здравствуйте, товарищ генерал-майор, – вытянулся перед ним в струнку Тармосин. – Андрей Васильевич предупредил меня о вас и о вашем будущем назначении.

– Возможном будущем назначении, – поправил Драчёв.

– Слово «возможное» можете опустить, – улыбнулся полковник. – Для Хрулёва невозможного нет. Слыхали, как его Сталин называет?

– Слыхал.

Решив несколько других вопросов, Драчёв спросил про каски.

– Да уж, каски-касочки... – нахмурился Филипп Григорьевич.

Вообще-то, каски-касочки появились в армиях мира, как известно, очень давно, и назывались они у греков «кранос», у римлян – «галея», у немцев – «хельм», у русских – «шлем», а вот французы называли шлем каской, от испанского «casco», что значит «череп», и так это слово перекочевало к нам, потому что с полей Империалистической войны на поля Гражданской перелетели французские каски Адриана. Наши солдаты называли их адрианками. Стальной шлем толщиной меньше миллиметра, весом меньше килограмма, кожаный подшлемник, подбородочный ремень из лошадиной кожи. Спереди – сильно выступающий козырёк, заточенный по краям, и в рукопашном бою, потеряв всё оружие, боец мог схватить каску за подшлемник и бить врага этим стальным козырьком. На макушке – вентиляционное отверстие, накрытое стальным гребнем, заодно усиливающим прочность всей конструкции.

Каски Адриана, названные так в честь их разработчика генерала Огюста Луи Адриана, появились весной 1915 года, а к сентябрю уже вся французская армия была ими обеспечена. Прибыв во Францию, Драчёв тоже получил такую, с фронтальной эмблемой в виде пылающей шаровидной бомбы, на которой начертано RF, и не расставался с нею, хотя многие к адрианке относились наплевательски – от падающих сверху кусков земли или камней защищает, а от пуль нет.

В адрианке он и в Россию возвратился как раз вскоре после Великой Октябрьской революции. И в Гражданскую старался не бросать боевую подругу. Царь Николай адрианок заказал у Франции миллион, но успел закупить всего триста тысяч, поэтому и у белых, и у красных они вскоре считались дефицитом. Изначальный синий цвет французские каски потеряли, будучи окрашиваемы в болотный или в цвет хаки, как его стали называть на английский манер, от индийского слова, означающего «пыльный». Да и буквы RF улетели в прошлое, вместо них белогвардейцы лепили жестяного двуглавого орла, а красноармейцы – жестяную пятиконечную звезду. Взятая же в матерчатый чехол, тоже цвета хаки, каска Адриана напоминала элегантную будёновку. Год от года адрианок становилось всё меньше и меньше, а в конце тридцатых они и вовсе исчезли из красноармейского обихода, ушли пылиться на антресоли, в шкафы, в чуланы... Да, и конечно же достались пожарным.

К тому времени в Красной армии появились новые каски. Сначала – заимствованный у белых так называемый русский шлем на основе адрианки, но с добавлением никеля, на полмиллиметра толще и на полкилограмма тяжелее, с усовершенствованным подшлемником, который отныне стали называть подтулейным устройством, или, проще, – подтулейкой. Каска М-17, или «Сольберг», названная так по финскому заводу, где она производилась, защищала от камней и осколков, но оставалась уязвима для пули.

В 1929 году адрианка получила дальнейшее развитие, появился «колокольчик» – экспериментальный шлем М-19. Но он оказался сложным в производстве и дальше войсковых учений под Бобруйском никуда не шагнул. И лишь через семь лет в нашу доблестную Крас-

ную армию поступил надёжный шлем СШ–36. Его лично проверил на прочность легендарный Будённый. Он хвастался, что его шашка рассечёт пополам любую каску, но, когда начал рубить, шашка только отскакивала, а шлем оставался невредим.

– Етить-колотить! – удивился Михаил Семёнович и, глянув на Драчёва, узнал его: – Батюшки святы! Умственный деятель? Это ты, что ли?

– Так точно.

Двенадцать лет назад они познакомились в Новосибирске, куда Будённый приезжал инспектировать кавалерию.

– Перебрался из Сибири-то?

– Есть такое дело. Понадобился тут.

– Вот смотри, умственный деятель, вот тут советую расширить покатые боковые края, дабы при ударе шашка отскакивала в сторону.

Совет легендарного командарма учли.

Вес – чуть больше килограмма, толщина стали – чуть больше миллиметра. Каска получилась чем-то средним между адрианкой, колокольчиком и немецким штальхельмом. Производство наладили на Лысьвенском металлургическом заводе, и новорожденная, естественно, получила прозвище «лысьвенка».

Впервые она пошла в бой не у нас, а в Испании, её посылали отрядам республиканцев. А потом – в сражениях на озере Хасан и на реке Халкин-Гол, которые называли второй русско-японской войной.

Драчёв с 1936 года – в Монголии, где через три года после его появления там развернулись широкомасштабные боевые действия, а он сам оказался в должности помощника командира 57-го особого корпуса по материальному снабжению. Части этого корпуса были развёрнуты в Монголии ещё с 1938 года, сначала командовал Конев, потом – Фекленко, а с лета 1939 года – Жуков. Но в помощники к Жукову Драчёв не попал, поскольку они разругались, и Павла Ивановича перевели в Харьков преподавать в академии.

В результате трехмесячных боёв вторая русско-японская оказалась успешнее, чем первая, Квантунская армия потерпела поражение и была изгнана за пределы Монголии.

– Теперь я понял, как монголы пошли на Русь, – однажды пошутил Павел Иванович. – Их отсюда ветром сдуло и на нас понесло.

Если спросить, когда в Монголии не бывает ветров, ответ получите однозначный: никогда. Летом их много, осенью – больше, зимой – ещё больше, а весной вся жизнь превращается в борьбу с ветром. Весна 1939 года затянулась, и в мае оставалось так же ветрено, как в марте и апреле. Ветры табунами носились взад-вперёд, и Драчёв не раз припомнил совет легендарного полководца расширить поля у лысьвенки. Смейтесь – не смейтесь, но эти широкие поля создавали эффект паруса, мешая солдатам передвигаться. Незастёгнутые на ремешок каски ветер срывал с головы, а застёгнутые тянул то в одну, то в другую сторону. К тому же и козырёк, выдвинутый вперёд, мешал обзору. Да и защитные характеристики стоило улучшить.

Обо всём этом Павел Иванович, уволенный Жуковым, по возвращении из Монголии, писал в пространной докладной о достоинствах и недостатках снабжения и экипировки Красной армии после битвы на Халкин-Голе. По итогам его доклада и донесений других специалистов осенью разработали новый шлем. Его предполагалось пустить в производство в новом году, в связи с чем и назвали СШ–40, то бишь стальной шлем образца 1940 года. Но началась Вторая мировая война, в которую СССР вступил 30 ноября на финских рубежах, и сроки выпуска нового шлема ускорили.

Новый шлем, как и предыдущий, разрабатывался в ЦИМе – Центральном институте металлов под руководством начальника лаборатории тонкой брони Михаила Ивановича Корюкова, который убрал широкие поля, уменьшил козырёк и использовал новую сталь 36СГН, прочнее предыдущей. Драчёв в это время работал старшим преподавателем кафедры снабже-

ния и войскового хозяйства военно-хозяйственной академии РККА. Но будучи заинтересован в том, как выполняются его советы, лично присутствовал при испытаниях новой каски на Щуровском подмосковном полигоне. Главным снова выступал Будённый, уже в должности заместителя наркома обороны.

Увидев новый шлем, Семён Михайлович обиделся:

– Убрали поля?

– Так точно, – ответил Корюков. – Вот, по рекомендации дивинтенданта Драчёва.

– На сильных ветрах широкие поля выступают в роли паруса, – отрапортовал Павел Иванович обернувшись в его сторону легендарному маршалу. – Лично наблюдал в степях Монголии.

Он произнёс это настолько убедительно, что обида тотчас слетела с лица Семёна Михайловича, и Будённый приступил к испытаниям. Он стрелял в каску из нагана. Сначала – с двадцати пяти метров, хоть бы что. Затем подошёл на десять метров – пули рикошетили, шлем подскакивал, но оставался невредим.

– Семён Михайлович! – взмолился Михаил Иванович. – По вам отрекошетит!

– А вы нам нужны! – строго добавил Драчёв. Будённый снова посмотрел на него и послушался, прекратил стрельбу.

– Молодцы, ребята, – сказал он, пряча наган в кобуру. – Хорошо сработали. Теперь я за башку нашего солдата спокоен.

И вот теперь, придя к замначальнику вещевого управления Тармосину, Драчёв принялся изучать все донесения, касающиеся необходимости нового усовершенствования каски СШ–40.

– Пока доказано, что наша каска лучше, чем немецкая М–40, – говорил Тармосин. – Однако, откуда ни возьмись, встала новая проблема. Наша СШ–40 производится из стали 36–СГН, имеющей обозначение И–1.

– Углеродистая кремний-марганцево-никелевая сталь, – блеснул познаниями Драчёв. – Лучше её не придумать, насколько мне известно.

– Так-то так, – вздохнул полковник. – Но И–1 нуждается в дорогих и дефицитных легирующих добавках, а их, зараза, у нас всё меньше и меньше, скоро вообще не останется. Нужно искать замену.

– Да уж, попали мы в этот проклятый сорок первый год, – чуть не простонал генерал-майор. – Куда ни сунься, сплошные проблемы. Что ж, будем их решать.

Глава восьмая

По садам и по бульварам растекается Москва

На другой день 7 октября Хрулёв и впрямь встретился в Кремле со Сталиным, беседа продолжалась целых полтора часа, во время неё главный по тылу горячо рекомендовал Драчёва, и Верховный главнокомандующий дал положительный ответ. Добавил:

– Драчёв? Известна мне эта фамилия. Я с ним как-то беседовал в Новосибирске в январе двадцать восьмого. Помню, он хорошо мне тогда ответил. Он тогда был начальником СибВО по снабжению. А если все ваши восторги по поводу этого Драчёва окажутся не пустым звуком, я бы посоветовал со временем заменить им и Давыдова, который, на мой взгляд, справляется со своими обязанностями не на сто процентов.

Павел Иванович в эти дни уже всю приступил к своим обязанностям. Главный интендант Давыдов принял его у себя в кабинете как родного, и Драчёв понял, что он сильно на него рассчитывает. Пётр Данилович, не дожидаясь указа о назначении, сразу же освободил для него кабинет предшественника. До квартиры в Потаповском от Красной площади недалеко, но Драчёв попросил выдать ему постельное бельё, дабы иметь возможность ночевать здесь же, в кабинете, на большом кожаном диване.

Фактическое назначение его произошло накануне самого тяжёлого дня в истории обороны Москвы. 12 октября пала Калуга, через два дня, как раз в день его официального утверждения в должности, немцы вошли в Боровск, от которого до стен Кремля сто километров. Даже во Франции наш экспедиционный корпус не пустил гуннов к Парижу дальше, чем на сто пятьдесят.

Слухи о том, что Москву до конца октября сдадут, становились всё назойливее, да и без них очевидно: предприятия одно за другим закрывались, рабочих увольняли, выдавая зарплату на месяц вперёд, распущены суды, из тюрем увозили заключённых.

– Слышала, всех, кто на Лубянке томился, ликвидировали, – сердито намывая пол, бурчала баба Дора, уборщица шестидесяти пяти лет, строгого нрава которой побаивались многие, включая даже Повелеваныча. Бывало, он сам зайдёт к кому-нибудь в кабинет, увидит беспорядок на столе и само собой скажется:

– Баба Дора увидит, не помилует.

Гроза всего Управления, баба Дора чистоту наводила утром, днём и вечером. Звали её важно – Дорочья Леонидовна Бабочкина, происходила она из потомственных представителей дореволюционной прислуги, служивших чуть ли не у членов августейшей семьи, а потому на всех нынешних глядела свысока и нисколько не боялась высказываний.

– Наше-то ведомство когда засверкает пятками? Голубчик Павел Иваныч, когда мы-то собираемся драпать, спрашиваю.

– Не знаю, матушка, ох не знаю, – отвечал Драчёв, сразу придумавший для неё эдакое обращение, и оно бабе Доре пришлось по душе, она как-то всех считала своими детьми, причём непутёвыми. – Моя фамилия Драчёв, а не Драпачёв.

– Это ж надо так немца до Москвы допустить! – кряхтела Бабочкина, старательно наводя чистоту в его кабинете. – Царь Николай и то... А говорят, слабый, безвольный... Будь моя воля, я бы немца ещё под Киевом...

– И коня бы на скаку остановила, и в горящую избу вошла.

– При чём здесь это?

– А при том, матушка, что немец нынче не тот, как при царе Николае. Гораздо сильнее. И Гитлер не такой дурак, как его в карикатурах изображают.

– Да уж наверное, – соглашалась грозная уборщица. – Но уж больно страхолюдный. Пошла вчера в магазин, а магазины закрываются один за другим. В иных покупателям бес-

платно раздают товары, понятное дело – всё вывезти невозможно. К магазинам длиннющие очереди, в очередях давка, там и сям драки, куда ни сунься, всюду бабы визжат, ровно их режут... До чего народ остервенел, стыдно порой и смотреть. Как думаешь, генерал Павел Иванович, сдадут Москву? Ладно, не отвечай, это, скорей всего, секретная информация.

15 октября Давыдов вызвал к себе Драчёва и зачитал ему копию документа: «Государственный Комитет Обороны... Постановление № 801 „Об эвакуации столицы СССР Москвы“... «Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Обороны постановил: 1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС – т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД – т. Берия организует их охрану). 2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке). 3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата обороны в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба – в Арзамас. 4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД – т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)».

– Перед нами поставлена задача эвакуации Главного интендантского управления в Куйбышев.

Стало быть, сдадут Москву! Горестно выходил из кабинета начальника Павел Иванович. Ещё недавно надеялись, что остановят врага на подступах к Киеву, к Смоленску, к Вязме, к Можайску, однако насколько же он оказался силён. Прёт и прёт, гадина! Захватил юго-западную столицу России – Киев, окружил кольцом блокады северную – Ленинград, и вот уже под угрозой главная столица – Москва. Неужели и впрямь повторится осень 1812 года, пожар Белокаменной, гибель тысяч людей? Неужели настолько немецко-фашистская военная машина оказалась сильнее нашей, советской?!

Ладно, успеем погоревать. В подобные минуты Драчёв умел отставить эмоции на потом, а сейчас сосредоточиться на том, что необходимо сделать. Он отправился в свой кабинет, где лишь мельком глянул на замаскированный собор и Минина с Пожарским, стремительной мыслью обратился к ним с просьбой о заступничестве и начал вызывать одного за другим подчинённых и давать распоряжения по началу эвакуации ведомства. То и дело его самого вызывал к себе Давыдов и тоже распоряжался. И всё это походило на некий бег по коридорам, из кабинета в кабинет, мелькали лица, и у всех в глазах тоска, а на устах немой вопрос: «Что, правда? Это не снится?»

На другой день он отправился на Казанский вокзал лично проверять, как отправляются поезда. Увиденное ужаснуло его, видавшего всякое. Огромные толпы народу хмурым потоком двигались из западных районов столицы на восток, кто с тачками, гружёнными вещами, кто с огромными торбами за спиной. Грузовики с полными кузовами имущества, поверх которого сидят, кутаясь в одеяла, и взрослые, и дети. Собачьи морды, с висящими алыми языками, коты орут, стремясь выскочить из корзин. Даже клетки с попугаями и прочими пернатыми не хотят москвичи оставлять Гитлеру. Того и гляди, у кого-нибудь аквариум увидишь. Лица у всех жалобные, тревожные, перепуганные. А ведь немец ещё не входит в Москву. Да, в шесть утра по уличному радио объявили, что на одном из участков обороны фронт прорван, но это всё равно ещё в ста километрах, не меньше недели надо фрицам, чтобы до Москвы дойти, а то и больше. Вдруг да и остановят его на Можайской линии обороны? И кстати, сейчас на Бородинском поле идёт сражение, только теперь не с французами, а с германцами.

А французишки-то на сей раз вообще малохольными оказались, быстро на спинку повалились перед гуннами, в мае прошлого года Гитлер начал войну против них, а уже через месяц войска вермахта, торжествуя успех, входили в Париж. Эх, не могли теперь попросить Сталина

прислать второй Русский экспедиционный корпус, потому что Сталин, в отличие от императора Николая, показал бы им свой советско-грузинский кукиш.

Когда в прошлом году немцы ещё только пересекли 10 июня границу Франции, обойдя в Бельгии оборонительную линию Мажино, французское правительство в тот же день в полном составе драпануло, сначала – в Тур, а потом ещё дальше – на юг, в Бордо. Следом за правительством бежало и население, все дороги оказались открыты, и уже 14 июня немецкие сапоги – шингдерасса-бумдерассаса! – печатали шаг по парижским улицам, проходя под Триумфальной аркой, на стенах которой все без исключения битвы 1812 года нагло обозначены как победы Наполеона...

Машин на улицах столько, что движение медленное, быстрее пешком. И, доехав до улицы Кирова, бывшей Мясницкой, Павел Иванович вышел из своей служебной «эмки», шёл, опережая её, но и в толпе задерживался, и водитель Рогов догонял, звал вернуться в машину.

А в людском потоке слышалось ужасное, озлобленные москвичи выплёскивали всё, что давно накопилось или всколыхнулось только сейчас.

– Предатели! Всё нас агитировали, а сами первыми...

– Со всеми манатками бежали.

– А ещё говорят: капитан уходит последним.

– Так то капитан, а какие они капитаны!

– Шкурники! А выдавали себя за идейных борцов.

– А Сталин-то?

– Первым и бежал наш Иосик Виссариосик!

– Неправда! Сталин в Кремле.

– А ты откуда знаешь? Тебе ангелы сообщили?

– Не может быть, чтобы он... Я ему верю!

– Верю, верю каждому зверю, а этому ежу погожу.

– Да никого уже из этих гавриков нет в Москве, ещё ночью свалили.

– А ты откуда знаешь? Или ты им бежать помогала?

– Не помогала, а знаю. А то развелось тут доверчивых...

– А у меня сестра работает при Молотове горничной. Говорит, сказал ей: «Оставайтесь тут при немцах, только не особо угождайте им».

– И сам драпанул?

– Конечно, а что ж он, под немцем останется?

– Тихо! Вон, за нами след в след какой-то генерал пешедралом чапает.

Не верилось ушам. Ещё недавно, при Ежове, да и при Ягоде, этих краснобаев пачками бы затоваривали на Лубянку. А ещё считается, что всю крамолу Большой террор выкосил.

– Товарищ генерал, что скажешь?

– Эй, генерал! Что молчишь?

– Не успел со своими удрапать, с народом теперь тикаешь?

– Не поддавайтесь панике, товарищи! – спокойным тоном, но громко и повелительно отвечал Драчёв. – Да, эвакуация. Но это не значит, что Москву обязательно сдадут.

– А Сталин где?

– Твёрдо могу сказать, что Иосиф Виссарионович на своём рабочем месте в Кремле.

Здесь он малость приврал. То, что Сталин в Кремле, он знал вчера, а где сегодня – ему неведомо.

– В Лондоне Сталин, – сказал какой-то дед. – В параличе. Его Молотов с Калининым на носилках в самолёт и – в Лондон.

– А почему именно в Лондон?

– Там врачи.

– А у нас врачей нет?

– Не такие.

– Просто наши врачи бояться станут – вдруг, помрёт, на них всё спишут и – пиндец.

– А почему метро закрыто?

– Ни разу за шесть лет не закрывалось, и на тебе!

– Эй, генерал, почему метро закрыто?

– Там готовят убежища, – вновь вынужден был приврать Драчёв, хотя знал, что вчера вечером по приказу Сталина Каганович распорядился подготовить Московский метрополитен к уничтожению. И сейчас там не убежища готовили, а закладывали взрывчатку. Но как он мог ответить этим отчаявшимся и поблѣкшим от горя людям? Что Сталин драпанул? Что метро взорвут? Тем самым он только усилил бы злобу и панику. И приходилось врать. Но врать уверенным голосом, и Повелеваныч видел, что люди ему верят. Как говорится, ложь во спасение...

– Брехня всё это, – тем не менее сказала какая-то вредная бабка. – Метро закрыли потому, что туда Москву-реку пустили, вот что я вам скажу.

– А Язу? – ехидно спросил кто-то.

– И Язу. Что ржѣте? Ну, ржите, жеребцы.

И понеслось дальше:

– А я знаю, что всю воду в Москве скоро отравят, уже ядов тысяча двести тонн завезено из Владимира.

– А что во Владимире? Производство ядов?

– Так там река такая есть ядовитая.

– Зачем травить воду, если подо всей Москвой уже взрывчатку закладывают. Немец подойдёт, а мы – дрызнь!

– А может, как при Наполеоне лучше? Впустить Гитлера, а Москву и поджечь.

– Может, и так. Тоже выход.

– А я говорю, правы немцы, что в первую очередь жидов бьют. От них вся напасть.

– Так не жиды же к Москве сейчас рвутся.

– Зато где в магазине директор жид, там заранее уже всё вывезено.

– Да бросьте вы чепуху молоть! Там вывезено, где директор жулик.

– Так жид и жулик – всё на «ж» начинается.

– И жопа тоже.

По толпе прокатился злой смех.

– А мы шли через Старую площадь, так там в ЦК партии все двери и окна настежь, и оттуда бумаги летят. В *неомыслимом* количестве! Всё какие-то документы.

– Может, деньги?

– Сам ты деньги!

– Деньги уже впереди своих хозяев отвакуировались.

На углу Мясницкой и Кривоколенного грабили магазин. Там шла настоящая битва, доносились истошные женские визги и хищные мужские крики: «Убью!», «Не хапай!», «Башку проломлю, сука!». Толпа опасливо стороной обходила побоище, бормоча:

– До чего дошло озверение народа!

– Свят, свят, свят!

– Вот тебе и Сталин! А мы в него верили.

– Эй, генерал, где твоѣ войско?

– На передовой, – ответил Драчёв, сердясь. – Ваше бегство прикрывает.

– А ты-то сам куда? Тоже ведь драпаешь?

– Я еду проверять обстановку на Казанском вокзале, да застрял тут с вами.

– А ты бы на воздушном шаре.

– К аэростату прицепился бы и быстренько...

– А слышали, что уже медаль готовят?

– Какую?

– «За бегство из Москвы». На драповой ленточке.

И снова недолгий злой смех.

– А ещё говорят, кто в Москве останется, тех газами потравят. Чтоб немцам не доставались.

– Логично.

– Ой, ужас, ужас!

– Несомненно. Зачем же такую ораву слуг Гитлеру оставлять?

Из одной машины кот всё-таки убежал, и девочка громко рыдала, а мама ругала её, не до котов сейчас, свалил – и чёрт с ним.

– Ловите его! – кричали пешие беженцы.

– Да куда там! Вёрткий, зараза!

– И всё вот ради этого мы страдали! Революция, Гражданская война, голод, тиф, индустриализация...

– Всё псу под хвост.

– А кто пёс-то?

– Известно кто, Гитлер.

– А может, Сталин?

– Да ни тот, ни другой. Жиды! Это они всё затеяли.

– Да пропади ты со своими жидами. Жида ему...

– А ведь только-только жить начали...

– Не дают России вздохнуть, сволочи.

– «Гремя огнём, сверкая блеском стали...» – ехидно пропел кто-то, а другой остроумно подхватил:

– Бежали так, что пяточки сверкали!

– Ежова на вас нет!

У Кировских ворот из магазина мехов вытаскивали последние шубы, в основном мародёрствовали женщины.

– Перед немцем шеголять будут.

– В подстилки готовятся.

– Кому – война, а кому – на-на.

– А я видел, в парикмахерской мадамы завивки делали, причёсоны всякие.

– Всё равно их газами потравят.

– Так им и надо, шлюхам!

На площади Кировских ворот Рогов свернул вправо, и Павел Иванович вернулся в «эмку». На Чистопрудном бульваре стало легче, и довольно быстро вырулили в Большой Харитоньевский переулок. Здесь толпы почти не оказалось, и генерал облегчённо выдохнул Пушкиным:

В сей утомительной прогулке

Проходит час-другой, и вот

У Харитонья в переулке

Возок пред домом у ворот...

– Народ-то как обозлён, – покачал головой Михаил Иванович.

– Ещё бы... – пробормотал в ответ Павел Иванович. – Только я не понимаю, почему такая паника. Немцу до Москвы ещё семь вёрст киселя хлебать. А зарядят дожди, он и вовсе увязнет. Его танки тяжелее наших.

– Отчаялись. То думали, как пришли, так и вытряхнем гадов. Потом, что дальше Минска не пустим. Потом – дальше Киева, Смоленска. А они, мерзавцы, за три с половиной месяца до Можайска добрались.

– А вы, Михаил Иванович, слышали такую поговорку: «Загнать за Можай»?

– Слышал, конечно.

– Это когда Минин и Пожарский поляков выгнали, они их от Москвы до Можайска прогнали и дальше. А сейчас фрицы пока ещё Можайск не взяли. Так что, рано паниковать, братцы.

На Садовом кольце снова возник затор. Здесь два угрюмых потока людей и машин двигались параллельно друг другу, один – в сторону Казанского вокзала, другой – в сторону Курского.

– «По садам и по бульварам растекается Москва», – с тяжким вздохом пропел Рогов строчку из жизнерадостной песни братьев Покрасс на стихи Лебедева-Кумача «Москва майская», но теперь ни жизни, ни радости в голосе водителя не звучало ни капли, и генерал нарочно подхватил и пропел так, как песню исполняли обычно – весело и бодро:

– «Кипучая, могучая, никем непобедимая. Страна моя, Москва моя, ты самая любимая!»

– Да уж... – снова вздохнул водитель.

– Что «да уж»! – укоризненно ответил Драчёв. – Михаил Иванович, вы на себя зря берёте роль Михаила Илларионовича и во второй раз отдаёте приказ отдать Москву неприятелю. Рановато. Подверглись общей панике? Отставить!

– Есть отставить, – ответил водитель и снова вздохнул, медленно продираясь сквозь скопище людей и машин на другую сторону Садового кольца. Целый час прошёл, покуда ему удалось юркнуть в Старо-Басманную, ныне улицу Карла Маркса. – Ну, товарищ генерал, на Кырлу-Мырлу выбрались, скоро должны доехать и до Казанского.

Свернув с Карла Маркса в Басманный тупик, ехали ещё полчаса, стараясь не задавить кого-нибудь в толпе беженцев, и наконец, выбрались к западному фасаду красивейшего московского вокзала, который архитектор Щусев строил много лет, и последний этап строительства закончился только год назад. Теперь здесь царило столпотворение, и прежде, чем лезть в это человеческое месиво, Павел Иванович незаметненько перекрестил себя в том месте, где у православного человека должен висеть нательный крестик.

Через пять часов, окончив все дела и проверив ход эвакуации ГИУ из Москвы в запасную столицу, как отныне именовали Самару, она же Куйбышев, генерал-майор Драчёв возвращался на своей служебной «эмке» в обратном направлении. Смеркалось, и теперь потоки беженцев как будто устали, поредели, машина ехала быстрее, чем утром, когда от Красной площади до Казанского вокзала пришлось добираться три с половиной часа вместо обычных двадцати минут. И если утром бегство двигалось в одну сторону, с запада на восток, то теперь оно таковым и оставалось, только справа шла полоса, по которой можно ехать встречно, лишь время от времени останавливаясь, чтобы тебе уступили путь.

– Чего я только не посмотрелся, пока вас ждал, – сказал водитель.

– Воображаю.

– Одну бабу три такие же, как она, схватили, баул у неё отобрали, и как принялись рвать: «Надвое её, надвое!» Только давай её разорви, по тройке лошадей надо с двух сторон. Что с людьми творится! Будто зря мы двадцать лет воспитывали коммунистическое сознание. А вы как считаете, Павел Иваныч, можно вообще его воспитать?

– Коммунистическое сознание? – задумался генерал. – Думаю, можно. Но не за двадцать лет. Вон, христианское сознание. Веками воспитывали, а так всему человечеству и не привили.

– Притом, что Христос, думаю, был не глупее Ленина.

– Не глупее. И даже в жертву себя принёс.

– А что Давыдов говорит?

– Да я с ним там мельком виделся. Но он полон уверенности, что эвакуация – мера временная.

– Эх, Павел Иванович, нет ничего более вечного, чем временное.

– Это вы правы, Михаил Иванович. Казалось бы, глупость человеческая сколько раз высмеяна, изучена и всё такое, хочется чтобы она кончилась, а она вечна.

– Глупость, конечно, вредная вещь, согласен. Но ведь без дураков скучно!

– Это точно, – усмехнувшись, вздохнул Драчёв. – К тому же, не будь дураков, как бы мы знали, кто умный, а кто дурак?

На Кузнецком Мосту уже оказалось совсем спокойно, люди шли по своим делам, никуда не спешили, останавливались около окон ТАСС – так теперь назывались воссозданные с началом войны известные с двадцатых годов окна РОСТА. Сегодня здесь красовались картинки Кукрыниксов «Что Гитлер хочет – и что он получит».

– Как считаете, товарищи, получит? – спросил он прохожих.

– Не сомневайтесь, товарищ генерал! – бодро ответил какой-то румяный юноша.

– Не сомневайтесь... – проворчала женщина с серым лицом и поспешила прочь.

Вернувшись в «эмку», Драчёв сказал:

– Слушайте, Михаил Иванович, а давайте мимо Старой площади проедем?

– Мне не жалко, – ответил Рогов и от Лубянки поехал не прямо, а свернул налево.

Старая площадь выглядела нехорошо. Окна и двери закрыты, но в воздухе запах гари, дворники поспешно сметают отовсюду листы бумаги и жгут их, а заодно и выброшенные целые папки с бумагами, снуют милиционеры. Один из них тормознул машину, взял под козырёк, произнёс вопросительно:

– Товарищ генерал-майор?

Драчёв с недовольным видом показал ему удостоверение, и тот сухо ещё раз откозырял:

– Проезжайте, товарищ генерал-майор. Просьба: не задерживайтесь, пожалуйста.

Вернувшись в здание бывших Средних торговых рядов, Павел Иванович, закрывая шторы, мельком спросил собор:

– Ну что, Василий Яковлевич, как тут?

И сразу же нырнул в дела. Секретарь Виноградов принёс ему бутерброды и чай, но этот лёгкий ужин так же неторопливо пробирался с тарелок и из чайного стакана в генерал-майора, как сегодня они с Михаилом Ивановичем ехали на вокзал.

А в полночь всех вызвал к себе Хрулёв:

– Ну что, товарищи, денёк нынче выдался на славу. Наелись говна московского под завязку. Сколько же у нас, оказывается, ещё контры недобитой! Пора Берии продолжить дело Ягоды и Ежова. – Он вдруг усмехнулся: – Помните, когда Ежов Ягоду расстрелял, появился анекдот? Что в детском садике поставили спектакль: «Сказка про то, как ёжик ягоду съел».

Никто не засмеялся, только улыбнулись скептически. За день не осталось сил на смех.

– Все доклады я выслушал, – продолжил Андрей Васильевич, видя, что людям не до шуток. Он явно хотел их малость расшевелить, да не удалось. – Обстановка на нынешний час такова. Подготовка к эвакуации идёт полным ходом, все со всем справляются. Предвижу вопрос: когда кончится паника? Паника, товарищи, остановлена. Вспышки мародерства строго пресечены. Самые дерзкие организаторы паники и грабежей быстро приговорены и расстреляны. К сожалению, нашлись некоторые в кавычках товарищи, которые были застигнуты в момент сожжения партбилетов. Не задаю вам вопросов, но сразу сам отвечаю на то, о чём многие из вас хотели бы спросить, но ввиду служебной этики, спрашивать не станете. Во-первых, товарищ Сталин в Москве и никуда эвакуироваться не собирается, заботясь лишь о других, чья эвакуация необходима.

Слава тебе Господи! Драчёв мысленно перекрестился. Выходило, что он не наврал людям.

– Во-вторых, метро взрывать не будут, – продолжил главный по тылу. – Оно будет полностью использоваться и как средство подземного передвижения, и как надёжное бомбо- и газоубежище. Там всё уже подготовлено и в восемнадцать сорок пять по Кировско-Фрунзенской линии прошёл первый поезд. Так что наш метрополитен не работал всего лишь меньше суток.

Слава тебе Господи ещё раз! И про метро не наврал он беженцам.

– С завтрашнего дня, – продолжал Хрулёв, – жизнь войдёт в своё обычное русло. Все магазины откроются. Все заводы и фабрики продолжают работу и будут постепенно эвакуироваться на восток. Разработанный Советом по эвакуации план продолжает успешно осуществляться. Кто из вас слышал выступление Пронина?

Поднялось лишь три руки. В конце июня вышло постановление о запрете домашнего радио, радиоприёмники предписывалось сдать на хранение в ближайшее почтовое отделение, и выдавалась квитанция, по которой потом можно было бы получить имущество обратно. За неисполнение грозило до восьми лет тюрьмы. И чтобы послушать радио, приходилось идти на улицу к ближайшему общедоступному громкоговорителю. Только высшее руководство страны имело привилегию слушать радио у себя дома. Хрулёв к этой категории граждан относился, в отличие от остальных присутствующих в его кабинете.

– Понимаю вашу занятость, товарищи. Я слушал. Наш замечательный председатель Мосгорисполкома выступил по радио уверенно и ярко. Он доказал, что никаких поводов для паники не имеется, и закончил свою речь словами: «Москва была, есть и будет советской!» К тому же и обстановка на линии обороны стабилизировалась. – Хрулёв взял указку и подошёл к карте боевых действий, на которой синими стрелками обозначались вражеские действия, красными – наши. – Немцам удалось сделать рывок в сторону Малоярославца на двадцать километров, но сам город по-прежнему в наших руках, и немцы остановлены.

По залу пробежала лишь лёгкая рябь одобрения. Все уже привыкли, что немцы делают рывки, наши их останавливают, фронт ненадолго стабилизируется, а потом снова неуклонно ползёт, как змея, слева направо по карте СССР, широка страна моя родная.

В этот момент Драчёв подумал, знают ли немцы о том, что творилось сегодня в Москве. Вероятно, не знают. Иначе им хватило бы тысячи десантников-штурмовиков, чтобы сбросить их парашютами на столицу и воспользоваться творившимся хаосом.

Разумеется, мысль свою он никогда бы не высказал вслух, если только когда лет двадцать пройдёт.

Ему, конечно, хотелось бы спросить по поводу здания на Старой площади, что там было, и действительно ли весь наш огромный аппарат ЦК партии бежал, сверкая пятками. Здесь он не стал бы никому рассказывать услышанный в толпе беженцев анекдот про медаль «За бегство из Москвы» на драповой ленте. Ему не хватало человека для откровенного разговора где-нибудь на берегу реки с удочкой или на охотничьем привале вдалеке от чужих ушей.

– Но даже в такие невесёлые дни есть, над чем посмеяться, – всё ещё хотел развеселить подчинённых главный по тылу. – Есть такие вещи, что и уворуешь, а не унесёшь. Знаете, что одновременно самое тяжёлое и самое лёгкое? Захочет – от одной мысли взлетит, не захочет – подъёмным краном не поднимешь. Но сейчас не о нём. На складе эвакуированного двести тридцатого завода Наркомата авиационной промышленности оставались запасы спирта. Бригада грузчиков и шоферов, присланная для вывоза неэвакуированного имущества, взломала замки и воспользовалась спиртом. Но нет бы, дуракам, вывезти его куда-нибудь подальше и там распить. Но нет, эти раздолбаи настолько горели желанием, что принялись разбавлять и глушить спирт на месте, и в итоге их обнаружили скотски пьяными там же, на складе. Причём один намеревался вылезти через подпотолочное окошко, застрял в нём, да так в застрявшей позе и уснул.

– Вот *бегмозлые!* – не сдержался от реплики начальник Управления снабжения горючим. Слово «бегмозлые» прозвучало в его устах именно как «бегмозлые», и все, поглядев на него, увидели, что он пьян.

Этой достаточно новой службе в составе всего интендантского ведомства как-то пока не везло. Созданное в феврале 1936 года Управление снабжения горючим РККА возглавил умница полковник Мовчин, но уже в декабре 1937-го кровавая рука Ежова дотянулась до его горла, и бедного Николая Николаевича ни за что ни про что причислили к врагам народа в составе преступной группы Тухачевского и расстреляли на полигоне в Коммунарке. После Мовчина всем следующим начальникам не везло, и родился афоризм: «У горючего судьба горячая».

Сейчас имелся на примете один толковый кандидат, начальник первого отделения Управления службы горючего майор Никитин, но парню всего двадцать шесть лет, куда? До майора в такие годы дослужился – уже молодец. Хотя Драчёв, например, не посмотрел бы на возраст, потому что и сам в молодости довольно быстро повзрослел, и не в двадцать шесть, а в двадцать вполне, пожалуй, мог бы справляться с обязанностями начальника такой инстанции, как служба горючего и смазочных материалов.

Другим хорошим кандидатом являлся нынешний заместитель начальника Управления снабжения горючим Кормилицын, ему сорок один, перед войной работал в «Главнефтесбыте», непьющий...

Впрочем, служба горючего не подчинялась ГИУ, отдельно входила в состав Наркомата обороны, и в данном случае он мог выступать перед Хрулёвым только как советчик.

– Да он в зюю! – возмутился Давыдов, сидящий рядом с Драчёвым.

– Э, брат! – с усмешкой, но строго произнёс Хрулёв. – Да ты, я вижу, горючее употреблял, а смазочными материалами не закусывал.

Тут уж все засмеялись, потому что в русском народе отчего-то всё связанное с пьянкой непременно кажется смешным. Ну, разве только, если пьяный дурак не сбил кого-то насмерть на машине или не зарубил топором членов своей семьи или соседей.

– Тьжол день, – пробормотал предмет насмешек и ещё больше окосел, как бывает, когда выпившего человека разоблачат, что он наклюкался.

– А у нас всех был лёгкий! – возмутился начальник тыла. – Мы на пляжах отдыхали. Уведите его, будьте любезны, а то запах такой, что мы сейчас все ему завидовать начнём.

Когда проштрафившегося увели под белые руки, Хрулёв сам защитил выпивоху:

– Везёт мужику, что в его ведомстве всё без сучка без задоринки, не то бы разжаловать да в штрафные роты. Пьёт, но службу знает. Мне тут рассказывали про одного лётчика: как напьётся, летит и сбивает фрицев, а как трезвый – ни одной победы. И по какому принципу такого награждать? С него пример брать станут... Вот беда, не правда ли?

Совещание продолжилось. В час ночи Павел Иванович отчитался о своих достижениях, доложил и о том, что ему удалось связаться по телефону с монгольскими товарищами:

– В Монголии чуть ли не с первых дней войны создан фонд помощи РККА, но теперь они обещают более интенсивную помощь и в ближайшие дни прислать двенадцать тысяч комплектов тёплого обмундирования, десять тысяч тонн мяса, три тысячи лошадей, тысячу верблюдов и две-три тысячи индивидуальных подарков для бойцов Красной армии со всем необходимым в быту солдата. Мне лично по телефону обещал товарищ Чойбалсан.

– Оперативно! – похвалил Хрулёв. – Хорошее подспорье.

Совещание завершилось в половине второго ночи, все отправились по кабинетам продолжать работу, которой невпроворот, и, войдя в свой кабинет, Павел Иванович с тоской глянул на диван. За последние трое суток он спал урывками не более пяти часов в общей сложности. Ох, как бы он сейчас с наслаждением рухнул на него и уснул! Но он сжал себя, сел за

письменный стол и принялся строчить всевозможные распоряжения на завтра, не терпящие проволочек, ведь их нужно будет выполнять на рассвете.

Вскоре появился Давыдов и стал советоваться, как лучше сделать то-то и то-то или вообще что нужно сделать в том-то и том-то случае. Драчёв отвечал, но глядя на своего начальника, думал: «Растворись! Исчезни!» И Давыдов послушался мысленных приказов Повелеваныча, свернул круг вопросов и исчез. А его заместитель продолжил работу. Он писал и писал распоряжения, просыпался и понимал, что последнее он написал уже во сне и его надо заново писать. Он страшно хотел уже не на диван, а просто повалиться на бок, на ковёр, да и чёрт с ним, что он такой жёсткий, главное – просто упасть и заснуть. Вот так. Отлично!..

Он очнулся и увидел, что и впрямь лежит на боку на ковре. Испугался, вдруг его обнаружат в столь позорном положении, но в ту же секунду оторвался от ковра и стал медленно взлетать, поплыл по воздуху, будто во сне, и оказался на диване, лишь теперь осознав, что это баба Дора его подняла с напольного ковра и бережно, как ребёнка, перенесла.

– Дорофея Леонидовна, – пробормотал он. – Вы не баба Дора, вы фея. Доро... фея... – И, как был в генеральской форме, Павел Иванович счастливо сдался в плен сильному и властному сну. Без сновидений.

Проспав четыре часа, утром следующего дня генерал-майор Драчёв снова окунулся в дела, предварительно побеседовав с феей:

– Дорофея Леонидовна, вы уж, пожалуйста, никому...

– Да что ж, я не знаю? Голубчик! Я же вижу, как ты на этой работе себя тратишь без остатка. Другие не так. А ты, как заведённый. Не жалеешь себя нисколько. Да ещё аккуратный такой, как, ей-богу, не мужик. У других и окурки по углам валяются, и бумажки скомканные, и чего только ни найдёшь под столами, а у тебя вечно так, будто с Господом Богом готовишься встретиться. Или с самим Сталиным. Хороший ты. Жалко мне тебя.

– Отчего же жалко?

– Бабы хороших не любят. Им нужно, чтоб мужик был зверь. А звери аккуратными не бывают. Надо, чтоб пил, курил, матерился и представлял опасность. Чтоб вольный был, ничему не подчинялся, ни жене, ни работе. А ты у своей работы в подчинении.

– Это точно, – вздохнул Павел Иванович. – А что значит «представлял опасность»?

– Ну, что налево ушастает, бабы другие на него заглядываются, то и дело какая-нибудь ночкой пригреет. Тогда жена чувствует опасность и сильнее мужа любит.

– Это философия какая-то дореволюционная, – усмехнулся Драчёв.

– А она и после революции не меняется, – вздохнула фея баба Дора. – Но ты-то себя не переделаешь, вот мне и жалко тебя, хорошего.

– Да у меня и жена хорошая, – решительно заявил генерал-майор. – И ей эта философия глубоко чужда. Любит меня такого, как есть. Хоть я не зверь и опасности не представляю.

– Ну, коли так, хорошо. – Уборщица продолжила наводить в его кабинете порядок, и без неё идеальный. – А народ-то на Москве как осатанел! Надясь что учудил, какое безобразие в себе обнаружил.

– Да уж, учудил так учудил, – согласился Драчёв. – Но вроде бы опомнился.

– Кажись, да.

По поступающим сообщениям паника в Москве начала стихать. Особенно после выступления первого секретаря Московского обкома партии Щербакова, в котором он говорил, что если враг со всей своей мощью рвётся к Москве, это ещё не значит, что у него получится. В виду угрозы бомбардировок многие самые важные предприятия эвакуированы. «Москвы мы не отдадим! Москва будет советской! – уверял Александр Сергеевич. – Трудовое население города Москвы готово в упорной борьбе отстаивать свою родную столицу. Трудовые отряды районов столицы строят укрепления в непосредственной близости от столицы. Каждый дом, каждую фабрику и завод в Москве строил наш родной, русский, советский человек. Это всё

наше родное, и мы будем защищать до последней капли крови...» В голосе Щербакова слышалась уверенность – капитуляции Москвы не предвидится, Гитлер не дожждётся того, что когда-то получил Наполеон. И люди ему поверили, паника прекратилась. По улицам стали ходить военные и милицейские патрули, метро не прекращало работу, ожил наземный общественный транспорт, по улицам суетливо забибикали такси.

Одно только оставалось непонятным: что же произошло на Старой площади? Что за бардак увидел Павел Иванович, возвращаясь вчера вечером с Казанского вокзала в здание бывших Средних рядов? И лишь спустя несколько дней Давыдов тайком сообщил ему, провозжая в Куйбышев:

– Да, брат, отличились товарищи на Старой площади. Дружными рядами ринулись рано утром бежать из Москвы. Всё бросили без присмотра – телефонный узел, электрооборудование, отопительную систему, всё! В кабинетах оставили хаос. Спешили ребята, очень спешили. Совершенно секретные документы, кипы материалов! – перетащили в котельную, намереваясь уничтожить, но так и не сожгли. Кабы немцы и впрямь взяли столицу, уж они бы поживились. Продовольствия там брошено ими было столько, что всю Москву хватило бы кормить неделю. Тонны мяса, картошки, бочки с солёной рыбой, с селёдкой, да чего там только не осталось! Сотни тулупов, пар валенок, другой обуви. Только ты никому. Это мне по секрету один приятель, старший майор госбезопасности, рассказал. А он лично делал об этом доклад Меркулову. Ну, ты его знаешь.

– Всеволод Николаевич, – кивнул Драчёв.

Меркулов был назначен наркомом госбезопасности в подчинении наркому внутренних дел Берии.

– Рвёт и мечет! Говорит, надо новый тридцать восьмой... Ну ладно, дорогой, езжай с богом. Счастливого пути. Привет Волге-матушке!

Глава девятая

Фигаро здесь, Фигаро там...

«Эх, Самара-городок, беспокойная я...» Эта глуповатая песенка – первое, что приходит на ум русскому человеку, когда он слышит о Самаре. Да вот только городком её давным-давно называть стало нелепо. Уже в начале XX века население Самары перевалило за сто тысяч. Какой же она вам городок?

В то время за высокий промышленный рост Самару стали называть русским Чикаго, но после революции и, как ни странно, в годы индустриализации этот промышленный рост куда-то сбежал в другие города, а русское Чикаго превратилось в большую бакалейную лавку. И всё же любители статистики должны знать, что к началу Великой Отечественной войны население большой бакалейной лавки, которая с 1935 года поменяла пол с женского на мужской и стала Куйбышевом, приблизилось к четырёмстам тысячам! А вся Россия, не дуга в ус, продолжала петь: «Ах, Самара-городок, беспокойная я, успокой ты меня».

Как и по всей России, жилищный вопрос здесь оставлял желать лучшего. Семья из пяти-шести в двухкомнатной квартире? – Ну, вы буржуи! В трёхкомнатной?! – И вовсе империалистические акулы!

А тут ещё началась война, в Куйбышев от западных пределов великой страны хлынули потоки беженцев, и буржуям пришлось отдавать им одну из двух, а олигархам – две из трёх. Называется: уплотнение. Даже роптать стыдно, а не то что возражать и жаловаться.

А в октябре уже весь город стал уплотняться. В том числе и за счёт семьи генерала Драчёва. Через несколько дней после возвращения в Москву Павел Иванович узнал и адрес, и номер телефона, созвонился с женой и дочками. Подошла какая-то чужая женщина:

– Минуточку, сейчас позову.

– Алло? – раздался в трубке взволнованный голос Марии.

– Привет, мать! – почти закричал Павел Иванович. После рождения дочерей как-то само собой незаметно сложилось такое обращение друг к другу: «мать» и «отец». Какие вам Паша и Маша? Солиднее надо быть. Прошло время троек с бубенцами. – Снова на Красной площади работаю. Как вы там?

– Привет, отец! Всё хорошо. Условия стеснённые, но зато соседи хорошие – жена и сын генерал-майора Василевского.

– Как я рад тебя слышать! Приехал в Потаповский, а вас нет, только что эвакуировались. Буквально за день до моего приезда. Представляешь?

– Да, чуть-чуть разминувшись. Жалко. К нам в Куйбышев не собираешься?

– Возможно. Я как раз занимаюсь эвакуацией ведомства к вам на Волгу. Глядишь, загляну.

– Я люблю тебя! Дочки привет передают. И тоже тебя любят.

– И я люблю тебя, родная моя! И доченок. Целую крепко!

Но когда и впрямь выдалась возможность рвануть в запасную столицу, он не стал предупреждать, решил нагрянуть внезапно, сюрпризом. Лишь бы не вышло так же, как когда он в Москву нагрянул, а в квартире тишина.

– Ох, до чего бы мы хотели, чтобы Сталин к нам перебрался! – говорил Павлу Ивановичу попутчик, служащий штаба Приволжского военного округа полковник Щетинин, возвращавшийся из Москвы домой. – А главное дело, что он обязательно переселится. Попомните мои слова.

– С чего бы ему переселяться? – недовольно буркнул Драчёв, помешивая сахар в чае.

– Есть одна примета.

– Какая же?

– Дочка, – мигнул Щетинин. – Она ведь поначалу в Сочи эвакуировалась, а недавно у нас поселилась.

– Светлана?

– А какая же? Других дочек у него нет. Отвели ей особнячок на Пионерской улице с небольшим садиком. Не иначе, и сам в нём же обоснуется. Хотя, я слышал, для него несколько дач на берегу Волги отремонтировали, какую выберет. И будет тогда наш город уже не резервная столица, а действительная. Где Сталин, там и столица. Ста-ли-ца.

– Нет, не ждите, – голосом, не терпящим возражений, произнёс генерал-майор. – Не приедет. Потому что Москву не сдадут.

– Ну, вообще-то, я тоже так думаю, – опечалился полковник. – Иначе это может сильно сказаться на всеобщем моральном состоянии. Москву нельзя сдавать... А зато Большой театр теперь у нас! – хлопнул он весело ладонью по столику. – Раньше мы к вам ездили «Травиату» слушать, «Кармен» всякую, теперь вы, москвичи, извольте к нам ездить. А мы в ближайший год вам их не отдадим.

– Они где разместились?

– На месте бывшего кафедрального собора, во Дворце культуры имени Куйбышева. Здание, хочу уверить, не меньше по размерам, чем сама громадина Большого в Москве. А главное – новое, мышами не пропахло, в тридцать восьмом отгрохали. Козловский и Лемешев останутся довольны. Постойте, вы говорите, Сталин не приедет. А как же его машины? И ЗИС, и «бьюик», и «кадиллак» доставлены к нам. А?

– А «паккард» в Москве остаётся. Покуда «паккард» в Москве, то и Сталин в Москве, – мгновенно возразил Повелеваныч.

– Вас, товарищ генерал-майор, не подковырнёшь.

– Как черепахе.

– А Малый театр, не знаете, куда эвакуировали?

– Знаю. В Челябинск.

В бывшей Самаре его встретила ясная погодка. Огромное семиэтажное здание по адресу улица Куйбышева, дом 145, было отведено для большинства эвакуированных управлений Наркомата обороны, в том числе и для ГИУ, занимавшего почти весь шестой этаж вместе с финансовым управлением и фондовым отделом НКЮ.

Встречавший Драчёва Белоусов вид имел обиженный.

– Долго ли нам тут? – был один из первых его вопросов.

Павел Иванович в ответ лишь вознёс глаза к потолку.

– Понятно, – усмехнулся начальник по продовольствию. – Вот беда. – Он нахмурился. – Вчера Волоколамск...

– Позавчера Руза, – добавил Драчёв. – Можайск и Тверь уже давно под немцами. Ладно. Отвоюем. Монгольское ханство далеко отсюда?

– В смысле, посольство? На Красноармейской. Можем туда не ездить. Я вчера там побывал. Эшелон выехал из Монголии, не обманули. Будем ждать. Дня через три доставят.

– Отлично. У монголов честное слово не сдержать – лучше повеситься. У них поговорка: «Монгольское да звучит как клятва».

– Я так понимаю, вы в своё время хорошее о себе оставили впечатление. Долго там работали?

– Три года. Лично общался не раз с Чойбалсаном.

– И по-монгольски говорите?

– Орос улс урт насларай! – тотчас отозвался генерал-майор.

– Звучит зловеще. Это что?

– Да здравствует Россия!

– Тогда не зловеще.

– Для врагов – зловеще. Не знаете, что сегодня Большой театр даёт?

– Как ни странно, знаю. «Сивильского цирюльника».

– Это хороший знак! – обрадовался Павел Иванович.

Почему он решил, что знак хороший, понятно. Первый спектакль, который они с Марусей смотрели в Омске на второй день знакомства, про Фигаро, и сейчас после долгой разлуки – опять этот весёлый персонаж.

– Ну да, – улыбнулся Белоусов, – Фигаро здесь, Фигаро там, это прямо про вас, Павел Иваныч.

– Сейчас это про всех нас. Всем приходится быть Фигарами.

Тогда в Омске, гуляя с Марусей и её друзьями, они продолжали спорить о том, надо ли оставлять дореволюционное искусство или оно хлам, плесень, мешает развиваться. Роман наизусть цитировал «Пошечину общественному вкусу»:

– Нет, граждане самоделы, всё чётко. Вот послушайте: «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Сбросить Пушкина, Достоевского и Толстого с корабля современности! Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней».

– Я тоже это читал, – сказал Драчёв. – Даже восхищался. И всё-таки, это дерзкий, но детский лепет. Кто забудет первую любовь, не поймёт, чем от неё отличается последняя. И к тому же многие всю жизнь любят один раз, всю жизнь живут с первой любовью и счастливы, что не познали других. Например, мой отец Иван Дмитриевич и мать Мария Павловна, как встретились, так и живут вместе, и любят друг друга.

– Это удивительно... – промолвила Маруся.

– А, по-моему, такое часто случается, ничего удивительного, – возразил бойкий комбат, уверенный, что любовь должна быть одна и навеки.

– Я про другое, – сказала она. – Если у тебя отец Иван, значит ты Павел Иванович, а у меня отец тоже Павел Иванович. Я – Мария Павловна, а у тебя мать Мария Павловна. Надо же, какие совпадения.

– А я считаю, что все эти отчества тоже пережиток прошлого, – рассердился Роман, но становилось очевидно, что его ария ухажёра уже спета. – В передовых странах Европы и в Америке люди не носят отчеств. Только имя и фамилия. Пора и нам перестать загромождать свой обиход. Иной раз и не запомнишь, какое у него имя-отчество – Герасим Емпифидорович или Григорий Емпидиколович.

– Емпидиколович! – рассмеялась Лиза.

– А почему это они передовые? – возразил Драчёв. – Кто сейчас во главе мировой революции? Мы, жители новой России. Стало быть, мы и есть самые передовые.

– Точно! – согласилась Маруся, и Драчёв смекнул, что Роман давно осточертел ей со своими завиральными идеями.

– А по-моему, нам следует избавиться от отчеств, а имена и фамилии сократить до предела, – продолжал тянуть свою спетую арию проигравший ухажёр. – Я хочу быть не Роман Вержбицкий, а Ром Вер. Допустим, не Мария Буранова, а Мара Бур. Коротко, как выстрел.

– Не хочу быть Марабурой, хочу оставаться Марией Павловной Бурановой.

Тут Павла кольнуло: захочет ли она поменять Буранову на Драчёву? Но тотчас Маруся успокоила:

– А выйду замуж, возьму фамилию мужа. Традиция есть традиция.

– Так смысл всей нашей революции в том, чтобы разбивать традиции! – воскликнул Роман.

– И я хочу оставаться Екатериной Гусевой, а не какой-то там Ека Гусь, – заявила Катя.

– Екагусь! – засмеялся Сергей.

– А тебя если сократить, ты вообще будешь Серсер, – усмехнулась Лиза.

– Он что, Серов? – спросил Драчёв.

- Сербовеликов, – ответил Сергей.
- Куда лучше, чем просто Сер, – сказал Павел. – Я тоже не хочу быть Пав Дроч.
- Дроч это что? Дрочушкин? – ехидно спросил Ром Вер.
- Нет, – гордо ответил комбат. – Дроч это Дрочёв. Который не боится идти в драку. – И добавил: – За правое дело.
- А ты и вправду драчун, – сказала Маруся. – А все эти дурацкие сокращения... Получается какой-то дыр бул шир убещур.
- Заскоки поэта Кручёных, – выказал знание Дрочёв.
- Я гляжу, мы знакомы с поэзией, – подбодрила его Маруся.
- Так, болтая о старом и новом, они дошли до особняка купца Батюшкина. Роскошное строение сильно пострадало от взрыва и до сих пор шли работы по его восстановлению.
- Резиденция Колчака, – объявил Виктор. – Видите ремонтные работы? Это на него покушение было. Но повезло гаду, находился в другом помещении.
- Когда мы взяли Омск, мой отряд первым подошёл к этому дому Колчака, – не сдержал хвастовства Дрочёв.
- Ого! Да ты у нас герой Гражданской войны! – восхитился Сергей.
- Я тоже воевал, – обиженно произнёс Роман.
- Воевал он... – фыркнула Маруся.
- Да, воевал, – встал в позу Ром Вер. – Омска не брал. Но пороху, знаете, тоже довелось понюхать.
- Ребята, айда на пляж купаться? – предложила Лиза.
- Там и лодочное депо открыли, – добавил Сергей.
- Конечно айда! – подхватила Катя. – Ведь и собирались же.
- И все весело ускорили шаг в сторону песчаного пляжа на берегу Иртыша, но Маруся вдруг остановилась:
- Стойте, самоделы!
- Что такое?
- Давайте так, вы идите купаться и на лодках, а мы с комбатом Дрочёвым хотим завтра в театр. Пойдём в кассу. Купим билеты и найдём вас там на реке. Вы же на Фигаро не собираетесь? Или, если кто хочет, мы купим билетик.
- Я с вами, – нерешительно произнёс Роман.
- Здрасьте! Это же хлам, плесень! – решительно отрезала его Маруся.
- Ну, вообще-то, хлам, – огорчился самодел Вержбицкий и первым зашагал дальше в сторону Иртыша.
- А Мария Буранова и Павел Дрочёв отправились назад на Базарную площадь. Оставшись наедине со своей иркутяночкой, он малость взгрустнул – не с кем теперь спорить, некого одолевать в дебатах и тем самым проявлять себя. Но, однако, до чего же хорошо вдвоём!
- Хорошо без них, – словно прочла его мысли Маруся. – Честно говоря, поднадоели мои самоделы. Особенно Ромка. Из кожи вон лезет, лишь бы доказать, что он не такой, как все.
- А Павел вдруг онемел. Почему-то не знал, что сказать. Минут пять шли вообще молча. То, что он увидел её впервые, когда в авангарде вступил в Иркутск, приготавливалось на потом, она ещё подумает, что он врёт. Но в любви даже интендант становится нерасчётливым.
- А ты знаешь, это не первая наша встреча, – само собой вырвалось из него.
- В каком смысле? – спросила она.
- Я уже видел тебя однажды.
- Вот только не надо этого: «Мы где-то встречались».
- Я правду говорю. Когда моя тридцатая дивизия в авангарде пятой армии входила в Иркутск.
- И?

– Ты стояла около своей гимназии. И вместе со всеми махала нам. Ты ведь училась в Первой женской Хаминава?

– Училась. И ты что, меня запомнил?

– Запомнил. Ты была в шапочке, и на её опушке снег сверкал, как жемчуга.

– Да, у меня есть шапочка с опушкой из овчинки, – улыбнулась она. – И сейчас мне кажется, что тебя я тоже видела. Твои весёлые глаза. Разве так бывает?

– Как видишь.

На мосту через Омь они остановились и, опершись о перила, смотрели, как течёт река. Потом повернулись лицом друг к другу и замерли.

– Учти, – сказала она, – сегодня мы ещё не будем целоваться.

– А когда?

– Не скоро. Я во многом девушка старых правил.

Она была чуть выше него, но за счёт каблучков.

– У тебя какой рост? – спросил он.

– Метр шестьдесят семь. А у тебя?

– Метр шестьдесят девять.

– Ладно, идём, а то там все билеты раскупят.

Они продолжили путь, спрашивая друг друга о том о сём.

– А ты чего из еды больше всего любишь? – спросила она.

– Пельмени. Сто лет их не ел.

– Ладно, первое, что я тебе приготовлю, будут пельмени. Я их так готовлю, что попробуешь и упадёшь. Только с тебя мука, мясо и всё остальное.

– Обеспечу, – пообещал он, и тотчас до него дошло: она сказала ему про пельмени, а на самом деле – что они и впредь будут вместе! Ему ещё сильнее захотелось обнять её и осыпать лицо поцелуями. Но сдержался. – А ты что больше всего любишь?

– Мороженое. Особенно с викторией.

– В смысле, с клубникой?

– Ну да, у нас в Иркутске клубнику викторией называют. Только где взять в наше время мороженое с викторией? Как думаешь, нехватка долго ещё будет?

– Думаю, мы её скоро одолеем. Скольких врагов победили, уму непостижимо. И нехватку победим. Когда мы взяли Омск, здесь такой тиф свирепствовал. А теперь редкие случаи.

– А ты командир чего? Комбат – это командир батареи? Артиллерист?

– Комбат – это и впрямь командир батареи в артиллерии. Но я в пехоте, командир батальона. Соответствует старому званию майора. А служу в интендантском ведомстве.

– Интендант? – удивилась Маруся.

– Да, а что такого? Между прочим, Суворов тоже три года служил интендантом.

– А я что? Очень даже и хорошо. В таком случае тебе легче раздобыть исходные продукты для пельменей.

– Я раздобуду, но не потому что интендант. Многие ошибочно считают, что все интенданты не чисты на руку. Есть, конечно, и несознательные личности, но в Красной армии большинство – честные люди. Как бы то ни было, всё для пельменей и мороженое с викторией раздобыть обещаю. Дай только срок. Небось в прежние времена много мороженого кушала?

– С чего ты взял?

– Родители, поди, зажиточные?

– Да почему же?

– Раз в Первой женской гимназии обучалась.

– Хочешь, секрет открою? У меня отец дворник, а мать прачка.

– Не может быть! А сама такая холёная.

– Вон, у меня и жемчужина стеклянная, сама покрасила и нацепила на цепочку фальшивого золота. Мать и отец всю жизнь тяжело вкалывают. А за гимназию они только в первый год платили. Потом меня на льготу поставили. Хорошо училась. Лучше всех. Ей-богу, не хвастаюсь.

– Да я верю, верю.

– Попечители мою учёбу со второго до последнего класса оплачивали.

– Небось на французском, как на родном, шпаришь?

– Не то чтобы шпарю, но говорить могу. Спроси что-нибудь.

– Как будет шмель? – спросил Павел, поскольку мимо как раз прогудел мохнатый пчелиный родственник.

– Ох ты... – задумалась Маруся. – Даже не стану врать, что не помню. Просто не знаю. Как-то мы шмелей не изучали.

– А я знаю. Бурдон.

– Ого. Ты тоже гимназию окончил?

– Увы, только церковно-приходскую. Но пять классов. Не три.

– Кстати, ты откуда родом?

– Из Пермской губернии. Город Оса.

– Оса? – засмеялась Маруся. – Так вот почему ты знаешь, как шмель по-французски. Изучил всю осиную родню?

– Не поэтому, – улыбнулся Павел. – Я французский язык учил во Франции.

– Во Фра-а-анции? – удивилась иркутянка. – Как это, как это?

– Вот так это. Воевал там. Послал нас царь Николай помочь французикам. А то без нас немцы бы Париж взяли.

– Да ладно! Париж! – не поверила она.

– Париж, – заверил он. – Нас, русских, кинули затыкать длинную щель в обороне, образовавшуюся между Шампанью и Парижем. Иначе бы Парижу крышка.

– А для меня это нечто сказочное – Шампань, Париж... Они и в самом деле существуют?

– Естественно. Я много могу чего рассказать про них. И хорошего, и плохого. Если будешь со мной дружить, многое узнаешь.

– Буду, буду! – засмеялась она. – Надо же! Красноармейский командир, а защитил Париж! Слушай, комбат Драчёв, а с тобой не скучно.

– Да, товарищ Буранова, со мной не скучно. Фамилия у тебя сильная. Жалко будет менять на Драчёву.

– А что, придётся?

– Придётся.

– Это ты мне уже предложение делаешь?

– Это я намекаю, что рано или поздно сделаю.

– Давай не рано, но и не поздно, хорошо?

– Договорились.

С билетами в театр тоже вышло удивление.

– Берите, молодые люди, – сказала кассирша. – Как раз два последеньких осталось. Только что один мужик вернул. Пришли бы пораньше, не было бы, пришли бы попозже, кто-нибудь уже бы купил.

– C'est incroyable! – наконец-то и Маруся блеснула познаниями во французском, мол, это невероятно.

– Что анкруаябль, то анкруаябль, – со смехом согласился Павел, пряча билеты в карман брюк. – Ну, слава Карлу Марксу, билеты куплены. Куда пойдём? Обрато на берег Иртыша к твоим самоделам?

– Да ну их! Опять Ромка будет всякую чушь молоть. Всё думает мне этим понравиться. Влюблен в меня по уши. С тобой проще. Да и занимательнее. Надо же, во Франции воевал. Хорошо, что Вержбицкий не знает, а то бы сам себе нос откусил от злости.

– Тогда куда?

– Так пойдём на пляж, тут который. Он ничем не хуже тамошнего. Да и течение поспокойнее, чем там.

И они отправились на небольшой пляж, расположенный в десяти минутах ходьбы от драмтеатра. Вечерело, стояла теплынь. Люди купались, загорали в лучах предзакатного солнца. Маруся легко скинула с себя юбку и блузку с воланами, небрежно бросила их на песок, сверху накрыла чайными розами и будёновкой, осталась в купальнике, ведь они же с самоходами заранее намеревались купаться. Решительно направилась к реке:

– За мной, спаситель Парижа!

Павел, раздевшись, явил себя миру в красноармейских трусах по колено и поспешил за той, в кого уже тоже был по уши. Течение здесь и впрямь оказалось спокойнее, чем там, ниже, где в Иртыш впадает быстрая Омь, можно плавать, не опасаясь, что оттащит далеко.

– Вот мы – иркутяне, а жителей Осы как называют? Осы? Осияне? – спросила Маруся, отфыркиваясь.

– Осинцы, – ответил Павел, подплывая к ней саженьками. – Только я уже пять лет не осинец. Мотаюсь по всей Сибири великой. А ты когда в Иркутск намереваешься возвратиться?

– Собиралась там свои двадцать три праздновать, а теперь уже и не знаю даже...

– А скоро?

– Через неделю. Достанешь к этому сроку мороженое и всё для пельменей, останусь.

– Расшибусь, но достану! – поклялся он. – Нам теперь во всём станет везти, как с этими билетами.

И вот спустя восемнадцать лет после того волшебного дня их знакомства, Драчёв, теперь уже не комбат, а генерал-майор, лично отправился во Дворец культуры имени Куйбышева, где купил четыре билета на «Севильского цирюльника», чтобы вечером пойти туда с женой и дочерьми. Если, конечно, получится, потому что дел у него в Самаре-городке по горло. И сейчас нужно спешить. От гигантского Дворца культуры на Куйбышевской площади он рванул на Пионерскую улицу, где временно селились многие генеральские семьи. С замиранием сердца взбежал по лестнице, нажал на дверной звонок, ну же! Ему открыла не Маруся.

– Здравствуйте, Екатерина Васильевна! – поздоровался он с женой генерал-майора Василевского. – Привет, Игорёк! – кинул стоящему у неё за спиной шестилетнему сынку.

– Заходите, Павел Иванович, – впустила Драчёва жена Василевского. – А ваших нету. Сегодня утром уехали.

– Куда?!

– Так их дальше эвакуировали. В Новосибирск.

– Прямо вот так, сегодня утром?!

– Вот так, – улыбнулась Екатерина Васильевна. – А вы разве предупреждали их о своём приезде?

– Хотел сюрприз сделать...

– Зачем же! Так бы они на сутки бы задержались. Ради встречи-то.

– Осёл.

– Уж извините, но выходит так.

Он грустно рассмеялся. Она тоже.

– Да вы проходите, я вас чаем...

– Некогда, Екатерина Васильевна. Я вот, – он достал из кармана билеты, – на «Севильского цирюльника»... Может, вы сходите? Или ещё кому-то отдайте.

– Хорошо, куда деваться, пристрою. – Жена Василевского взяла ставшие ненужными для семьи Драчёвых бумажки. – Жалко, Александра Васильевича нет, он обожает театр.

– Вы представляете, я когда с Марусей в Омске познакомился, мы впервые в театр ходили на «Женитьбу Фигаро», а тут снова Фигаро... Такие вот дела. Ну, до свидания! Спасибо за чай, что предложили.

Он поспешил в здание на улице Куйбышева, где его ждал пакет от Давыдова с пометкой «Совершенно секретно». Вскрыв его и прочитав приказ, Павел Иванович присвистнул:

– Мать честная!

В приказе говорилось, что Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о проведении 7 ноября в Куйбышеве военного парада, и от Драчёва требовалось тщательно проверить оснащение войск для данного важного мероприятия.

– А ты говоришь, Фигаро... – покачал головой Павел Иванович.

Вскоре его вызвал к себе маршал Ворошилов, с недавнего времени занимавший должность представителя Ставки по формированию войск. На фронте Климент Ефремович оказался военачальником устаревшим, совершил немало ошибок, а посему теперь его перевели на эту должность и поселили в Куйбышеве.

– На нас возлагается чрезвычайно важное задание, – сказал он Драчёву. – Мы должны провести образцово-показательный парад. Сейчас здесь, в Самаре, располагаются эвакуированные из Москвы иностранные посольства и дипломатические миссии. А значит, параду придаётся важнейшее политическое значение. Наши союзники разуверились в возможностях Красной армии остановить германца и могут свернуть помощь, и без того скудную. Они должны увидеть, что из Сибири поступают свежие полки, которые пойдут на защиту столицы. Должны увидеть мощь Красной армии. Не менее важно, чтобы эту мощь увидели представители колеблющихся стран. Турки и япошки готовы вступить в войну на стороне Гитлера, но до сих пор не решаются. Ждут, сволочи, когда немец свернёт нам шею, чтобы тогда уже наверняка наброситься.

– Туркам Ататюрк завещал не воевать с Советской Россией в благодарность за то, что Ленин поддержал их в войне против Греции.

– Начхать им на Ататюрка! Он уже три года как в могиле. Если, не дай бог, нашу страну начнут рвать на куски шакалы, думаешь, турки в сторонке останутся?

– Думаю, нет, – вздохнул Драчёв.

– Конечно нет, – сказал Ворошилов. – И мы своим парадом должны показать, что падальщики пускай пока посидят в сторонке. Нам сейчас приходится держать в Закавказье и на Дальнем Востоке значительные контингенты на случай вступления против нас в войну Турции и Японии. Короче, тебе поручается обеспечить полки, участвующие в параде, новым добротным обмундированием. Обеспечить подвоз питания. Чтобы наши воины выглядели сытыми орлами, а не голодными задохликами. Я буду лично отбирать воинские части и сообщать тебе об их особенностях и количестве. О твоих способностях я наслышан. Говорят, ты чудеса вытворяешь, из-под земли можешь достать всё, что надо. Так?

– Из-под земли, товарищ маршал Советского Союза, добывают нефть, уголь, другие полезные ископаемые. Но они не мне подчиняются. Задание я понял. Выполню.

– Смотри! – И маршал строго глянул на генерал-майора. – Если облажаешься, не обесудь. По всей строгости. Слышал такое выражение «облажаться»?

– Слышал. Ещё в прошлом веке торгаши, если плохой товар подсовывали...

Стало обидно, что Ворошилов ему угрожает, но вида не подал, спокойно попрощался и отправился заниматься новыми трудными делами.

Главная задача – шинели. На то количество личного состава, которое выписывал Ворошилов, их не хватало. Двадцать пять тысяч человек. Но просить маршала уменьшить число участников значило расписаться в своём бессилии.

Эх ты, шинель однобортная из сукна серого цвета, принятая ещё в 1926 году, сколько тебя сгорело во время летнего стремительного отступления, когда приходилось со слезами на глазах жечь склады! Сколько тебя ушло осенью в плен к немцам! Если думать об этом, головная боль никогда не пройдёт. А голова у генерал-майора Драчёва всё чаще и чаще болела в последние месяцы. Вместо жены при нём теперь постоянно находилась новая подруга – товарищ Гипертония. Иной раз так заболит, что, кажется, мозг вот-вот лопнет. Хотите расстрелять? Расстреливайте. Прямо сейчас, только, пожалуйста, вот сюда, в голову, где сидит эта боль!

Лет до тридцати он знать не знал, что такое болезни. Голод – да, холод – да, но даже простуда его не брала. Худенький, жилистый, подвижный. Такие редко болеют. Бегал, плавал лучше всех...

Счастливейшее воспоминание – как они с Марусей купались в лучах заката в Иртыше, как потом он провожал её в общежитие работников железнодорожных мастерских, где временно размещалась часть самоделов. У входа она, наконец, вернула ему будёновку:

– Держи, а то тебя начальство заругает.

А на следующий день в здании под Крылатым Гением они смотрели «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Спектакль оказался весьма посредственным, большинство актёров играли слабо, без той живости, которую подразумевал для них Бомарше, но постепенно текст пьесы возобладал над его исполнением, даже актёры ближе к концу ожили, и когда всё кончилось, зал бурно аплодировал, и труппе дали аж целых пять занавесов.

– Занавесы – это сколько раз после спектакля зрители рукоплесканиями вызывают актёров кланяться, – пояснила Маруся.

Они уже шли по ночному Омску под руку.

– Тебе что больше всего понравилось? – спросил Павел.

– То, что Фигаро оказался в такой ситуации за свои прежние грехи. Раньше я как-то не осознавала, что он поставлял графу Альмавива девушек. А тебе что понравилось?

– Когда Сюзанна сказала: «Боже, как глупы бывают умные люди!»

– А что не понравилось?

– Всё.

– То есть как это?

– Актёрам уже за сорок, а играют жениха и невесту. Графине вообще под восемьдесят. И ещё я терпеть не могу, когда мужчина играет женщину или женщина – мужчину.

– Ну да, Керубино играла девушка. А я читала, что раньше все актёры были мужчинами, женщинам категорически запрещалось играть на театре.

– Ага. Даже Офелию и Дездемону играли юноши.

– И всё-таки, хоть труппа и не сильная, но пьеса Бомарше просто прелесть.

– И сейчас даже актуальная. Напоминает о том, как в прежние времена господа могли распоряжаться судьбами своих слуг. Это право первой брачной ночи – просто жуть какая-то.

– Интересно, в России такое существовало?

– Существовало. Во времена крепостного права.

– А ты знаешь, что значит имя Фигаро?

– Это прозвище. Так называлась в Испании короткая курточка, в которой он щеголяет. Кстати, а по имени графа Альмавива во времена Пушкина называли плащ без рукавов. Что ты так смотришь? Я ведь интендант, мне читать про всякие вещи всё интересно.

– А мне с тобой интересно.

Когда они прощались у дверей её общежития, вновь не хотелось расставаться, и договорились завтра опять встретиться. А завтра выяснилось, что комнаты самоделам больше не выделяют, надо съезжать. Ей предстояло возвращение в Иркутск к родителям, и это известие убивало обоих наповал.

– Слушай! – осенило Павла. – А ты пишущей машинкой владеешь?

- Ещё как! – ответила Маруся. – Нас в гимназии хорошо научили.
- Нам в штабе СибВО нужна одна дактилошка.
- Смешное слово, – обрадовалась она. – Так до революции машинисток называли. А где жить?
- У меня комната в коммуналке. Обещаю не приставать. Я на полу, ты – на кровати.
- Точно обещаешь?
- Клянусь мировой революцией!
- Ну, если только мировой...
- Согласна?
- Согласна, ладно.
- Уж очень мне не хочется расставаться с тобой, гимназистка Буранова.
- А мне с тобой, комбат Драчёв.

И он устроил её. И на работу машинисткой, и жить с ним в одной комнате. А уж как у них всё соединилось – это оставим в тайне, как в песне про коробейников:

Знает только рожь высокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани.

И про её день рождения он сдержал слово – где-то раздобыл и муки, и немного мяса, и даже мороженого с викторией, получился 19 июля праздник с пельменями.

А не прошло трёх месяцев, и 8 октября они поставили свои подписи как муж и жена, да не где-нибудь, а в том самом особняке купца Батюшкина, бывшей резиденции Колчака, где теперь размещался главный городской ЗАГС. Подходя к роскошному зданию, невеста сказала:

– Ну, жених, давай, штурмуй это здание во второй раз.

И он, ведя её под руку, пошёл на штурм. В зале бракосочетаний всё прошло просто. Одноногий ветеран зачитал им договор:

– Драчёв Павел Иванович и Буранова Мария Павловна вступают в союз по взаимному согласию и обязуются жить честно, воспитывая детей честными гражданами Союза Советских Социалистических Республик. – При этом он показал на стоящий между ним и брачующимися стол, покрытый красной скатертью, словно этот стол олицетворял собой всё огромное пространство страны, признанной к тому времени лишь шестью государствами в мире – Турцией, Ираном, Афганистаном, Монголией, Польшей и Финляндией. И Павел Иванович действительно видел, что перед ним не стол, а вся великая Россия, ставшая СССР, за которую он сражался, и перед которой сейчас обязуется «честно любить жену и воспитывать честных детей». И ему нравилось, что в предлагаемой официальной формулировке во главе угла ставилась честность, а не идеалы марксизма.

– Ну вот, Фигаро, твоя Сюзанна стала тебе женой, – со смехом сказала Мария, когда они вышли из отдела бракосочетаний и двинулись к берегу Иртыша под шелест падающих листьев.

Сколько-то шинелей для парада в Куйбышеве ему удалось найти, но не хватало полутора тысяч.

– Предлагаю следующее, – докладывал он на третий день Ворошилову, – куртка ватная образца 25 августа 1941 года, приказ наркома обороны СССР за номером 283. В условиях наступивших холодов пользуется успехом бойцов на передовой. Изготавливается из трико-диагонали меланжевой водоупорной пропитки цвета хаки. Удобна в обращении, стояче-отложной воротник легко застёгивается на металлический крючок и петлю. В отличие от образца тридцать пятого года, имеет более плотное наполнение, и если ту носили под шинелью, новая

вполне заменяет шинель. Их так и выдают – либо шинель, либо куртку. И многие бойцы охотнее выбирают ватник. Шутники говорят: «Это не ватник, а воеватник».

– Сам придумал? – усмехнулся Ворошилов, но Драчёв не ответил, продолжил:

– По поясу застёгивается ремнём. Штаны тоже ватные, стёганные параллельными строчками. Застёгиваются на четыре пуговицы. На поясе имеют шлёвки для ремня, внизу штанин пришиты утягивающие штрипки, благодаря чему штанины схватываются и легко окунаются в сапог.

– И ты что, хочешь иностранцев удивить нашими новыми ватниками? – с недоверием отнёсся к докладу маршал.

– А мы сделаем так, – не смутился тоном начальника генерал-майор. – Первые полки у нас пойдут в новых шинелях, чин-чинарём, в касках и с пистолет-пулемётами наперевес, с винтовками. А дальше – два варианта. Первый: чтобы в глубине рядов шли бойцы в ватниках, их и не заметят. Второй: пусть полторы тысячи пройдут в ватниках, и про них объявить, что это отдельные мобильные части. Какой, по-вашему, лучший?

– Оба дрянь, – поморщился Климент Ефремович. – То, что ты мне рассказал про достоинства ватников, я в целом знаю. И если какие-то бойцы выбирают их вместо шинелей, пусть. Кому как удобнее воевать. Но для парада... Несolidно, генерал-майор. А говорили, ты всё можешь. Где хочешь, штрипка, но достань мне недостающее количество новых хороших шинелей!

Драчёв разозлился: ты бы лучше воевал на Северо-Западе и на Ленинградском фронте, тогда и шинелей было бы в достатке. Но никак своей злости не проявил:

– Слушаюсь, товарищ маршал!

Покинув кабинет Ворошилова, с грустью подумал о том, как не хочется пускать себе пулю в лоб лишь из-за того, что этот упрямец не согласился на ватники. Почему танкисты могут выступать в своих комбинезонах, а не в шинелях, а его предложение о спецподразделениях в ватных куртках отвергнуто? Как там в шуточном стишке? – «Всё в порядке, лук на грядке, Ворошилов на лошадке». Ещё штрипкой его обозвал...

Тут Драчёв вспомнил про своего французского сослуживца и решил навестить его, прежде чем сведёт счёты с жизнью. От Куйбышева до Невской десять минут на автомобиле, и вот генерал-майор уже в больничном коридоре с накинутым на плечи больничным халатом.

– Здесь ваш Арбузов, извольте видеть, – провела его медсестра в палату.

В углу у окна скорбно лежал он – повар Василий Арбузов и с полнейшим равнодушием взирал на явившегося гостя.

– Здравствуй, Василий Артамонович, – обратился к нему генерал-майор. – Что, брат, не узнаёшь?

– Лицо вроде знакомое, – вялым голосом отозвался тот.

– Старший унтер-офицер Драчёв. Теперь, как видишь, генерал-майор.

– Драчёв? – немного ожил Арбузов и приподнялся, чтобы внимательнее разглядеть. – Как же, как же... Павел?

– Павел. Неужто изменился?

– Да нет, – наконец, улыбнулся Арбузов. – Такой же. В генеральской форме только неприлично.

– Неприлично?

– Я хотел сказать: непривычно. Прости, товарищ генерал, нога разболелась, сил никаких.

– Вот оно что... А говорили, ты уже почти вылечился.

– Почти да не почти. Опять воспалилась. Оттяпают они мне ногу по самое колено, вот что.

– Не оттяпают. Я прикажу. Ты извини меня, старый товарищ. Времени совсем нет, работой тут загружен. Я теперь заместитель главного интенданта Красной армии. Сам понимаешь.

– Большая шишка.

– Когда ты окончательно вылечишься, хочу тебя в Москву зазвать. В нашем управлении такой повар до зарезу нужен.

– Ежели вылечусь, товарищ генерал-майор, я обратно на фронт проситься буду. Без меня кто там моих ребят вкусно накормит?

– Ну, это мы ещё поглядим. – И Драчёв похлопал Арбузова по плечу. – Давай лечись, дорогой. Главное, что я тебя нашёл, повидались...

В коридоре врач сказал:

– Скорее всего, придётся. Арбузов всегда такой весёлый, такой балагур, на кухне произвёл революцию. В хорошем смысле. А сейчас видали, какой поблёткий. Ничего не можем поделывать, кровоток не восстанавливается, нижнюю конечность придётся ниже колена отнять. Завтра операция.

– Жаль, – огорчился Павел Иванович. Что за день у него сегодня нескладный! Он написал записку: – Вот адрес. Пишите мне о том, как он будет. Мы с ним давние сослуживцы. Я его впервые после семнадцатого года нашёл. Четверть века... Если ампутируете ногу, я его обязательно к себе в Москву возьму.

И Повелеваныч отправился снова на улицу Куйбышева. Печально входил в кабинет, отведённый для руководства интендантского управления.

– Товарищ генерал-майор! «Красный Перекоп»! – радостно встретил его Белоусов.

Не сразу и дошло, в чём причина радости.

– Неужели?

– Тысяча четыреста шестьдесят пять новейших шинелей. Баржа из Ярославля только что отправлена. Вот сообщение.

– Откуда и не ждали... – дрожащей рукой взял телеграмму Драчёв. – И правда.

Счастливчик же ты, Повелеваныч! А сразу надо было навестить Арбузова. И семья оказалась бы на месте, и всех этих мучений не было бы, и о пуле в лоб не пришлось бы помышлять.

Через полчаса он уже докладывал Ворошилову.

– Ну вот, а ты: ватники, ватники... Сам ты ватник! Молодец, генерал-майор, я твоё усердие отмечу перед Верховным. Стало быть, теперь у нас во всём порядок?

– Во всём, товарищ маршал Советского Союза.

– Трибунал может отдыхать?

– Вполне себе может.

А когда он вернулся к Белоусову, тот вручил ему новую телеграмму. И вид у Василия Федотовича оказался не такой радостный.

– Что? Баржа затонула?!

– Нет, это от Давыдова.

Вскрыв телеграмму, генерал-майор прочёл: «Срочно возвращайтесь Москву».

– Что? – спросил Белоусов.

– Фигаро здесь, Фигаро там, – вздохнул в ответ Повелеваныч.

Глава десятая

Совещание на Старой площади

Поезд из Куйбышева прибыл на Казанский вокзал вечером в половине пятого. Генерала Драчёва встречала «эмка» с тем же номером, что и раньше, да вот водитель другой, незнакомый. Лет шестидесяти, с пузиком. Приветливым голосом сказал:

– Садитесь, товарищ генерал-майор, теперь я вас буду возить.

Павел Иванович сел, поехали.

– А что с Роговым?

– Убило его, товарищ генерал-майор. Бомбануло.

– Да вы что!

– Ужас, что творится! Бомбят нас беспощадно. Москвичи на убыль пошли. Хорошо, что не ночь, проскочим без приключений. Хотя сегодня в полдень одну фугаску бросил гад где-то на окраине.

– Чаше по ночам бомбят?

– И днём тоже, но в основном по ночам, суки. С вечера очереди к метро выстраиваются. Не зря товарищ Сталин такое метро для Москвы затеял – наилучшее бомбоубежище. Я раньше думал, на хера такие станции, как императорские дворцы, куда столько деньжищ укладывают? Зачем! А теперь вижу мудрость: людям приходится свои дома покидать, так хоть отсиживаются в богатых *интерьерах*. Всё не так тоскливо. Наилучшие места, конечно, в вагонах, там и теплее, и сиденья удобные для лёжки. Но в них пускают только детей с матерями.

– Ну и правильно.

– Конечно. На платформах тоже в основном дети и женщины. Мужик пришёл – шагай в тоннель. А в тоннелях-то не так удобно, мрачно к тому же. Вот житуха настала!

– А что же зенитчики?

– Не сказать плохого, работают. Но ведь не боги.

Немецкие бомбардировщики впервые стали долетать до Москвы через месяц после начала войны. В ночь на 22 июля прошла первая сильная бомбардировка, продолжавшаяся более пяти часов, немцы осыпали Москву зажигательными бомбами и фугасами, прокатилась волна пожаров. И так время от времени повторялось весь август и сентябрь, чаще до Москвы не долетали, наша ПВО работала успешно, но раз в неделю они прорывались и бомбили. Москвичи признавались, что привыкли к бомбёжкам, которые стали частью их повседневной жизни. Следы разрушений старались как можно скорее ликвидировать, дабы не кололи глаза.

Когда в октябре Драчёв перебрался в Москву, все дни стояла тишина, а в ту неделю, что он провёл в Куйбышеве, опять участились бомбёжки.

– Как вас величать-то? – спросил Павел Иванович нового водителя.

– Гаврилыч, – ответил тот.

– А полностью?

– Кощеев Владимир Гаврилович. Но все зовут просто Гаврилычем или Кошеем, мне так привычнее, можете и вы тоже.

– Гаврилыч, так Гаврилыч, – кивнул Драчёв. – На Кощея вы не похожи.

– Зато он бессмертный, я поэтому только за, чтобы быть Кошеем.

– А почему не по Мясницкой? – удивился Павел Иванович.

– Там сейчас хрен проедешь, лучше мы по Бульварному и там по Горького. Заодно посмотрите, как их облагородили.

Под этим словом Кощей подразумевал мешки с песком, которыми за последние дни украсили фасады зданий во избежание попадания осколков. Впрочем, на улице Горького подобные

украшения появились ещё в начале октября, и Павел Иванович их уже видел. Разве что теперь мешков с песком стало ещё больше.

Время от времени его взгляд цеплялся за покалеченные фасады домов.

– Это что, в последние дни?

– Так точно. До Куйбышева-то не долетают ещё?

– Нет пока. Так что Рогов? Как погиб?

– Ночью полез на крышу тушить зажигалку, да тут его и накрыло. Взрывной волной скинуло с крыши, вниз головой об асфальт.

– Жаль. Хороший был человек.

– Не то слово! Такие водилы, как он, на вес золота. Я тоже хороший, но он был лучше.

Напротив фасада здания Центрального телеграфа вглубь улицы Огарёва выстроилась длинная очередь к продовольственному магазину.

– Видать, что-то выбросили, – кивнул в сторону очереди Кощей, затормозив.

В следующее мгновение всё вокруг разрезал страшный свист, грохнул чудовищной силы взрыв, облако дыма заволокло пространство, а в окно «эмки» кто-то ударил чёрным дамским ботинком.

– Мать моя! – закричал Кощей. – Живы?

– Я жив, а вы?

– И я, кажись.

Гаврилыч пытался завести мотор, но машина замерла, как убитая. Дым стал рассеиваться, и генерал-майору предстало жуткое зрелище – стоячая очередь превратилась в лежащую, людей разметало по сторонам, кто-то ещё шевелился, другие лежали неподвижно. Драчёв открыл дверцу и вышел. Тут он увидел нижнюю часть женской ноги в чёрном ботинке, переступил через неё и направился к убитым и раненым. В основном тут лежали женщины – молодые, пожилые, старухи. Некоторых разорвало в клочья, кому-то оторвало руку или ногу. Он склонился над юношей лет пятнадцати, ещё живым, но кровь хлестала изо рта, и на глазах у генерал-майора парень скончался. Откуда ни возьмись появились санитары, выверенными движениями принялись проворно отыскивать раненых и уносить их в здание Центрального телеграфа, и лишь после этого запоздало завывла сирена.

Какая-то девушка встала из кучи тел и с удивлением посмотрела на Павла Ивановича.

– На мне ни царапинки, – сказала она, улыбнувшись, но тотчас упала на руки подбежавшего к ней санитаря.

– Товарищ генерал, – сказал санитар, – ехали бы вы своей дорогой, мы тут без вас справимся.

– Да, да, голубчик, – пробормотал Драчёв, вдруг почувствовав себя Пьером Безуховым на Бородинском поле, и поспешил к «эмке», где его уже ругал Кощей, но при приближении начальника ругаться перестал:

– Да Павел Иваныч! Поехали же!

Вместо того чтобы двигаться дальше по Горького, водитель резко свернул в проезд Художественного театра и помчался по нему, едва не сбивая мечущихся прохожих. Сквозь противный вой сирены доносились удары других бомб, а когда «эмка» помчалась по Петровке, впереди раздался исполинский взрыв, дымом заволокло улицу, и Гаврилыч в отчаянии закричал:

– Малый театр!

Он затормозил, и тотчас рвануло ещё раз.

– Мать моя! И Большой тоже!

После того кошмара, что они видели у здания Центрального телеграфа, уничтожение двух главных московских театров не казалось чем-то невозможным.

– Проскочим, покуда они обратно сюда же не бомбанули, – рывкнул Кощей и медленно поехал прямо во мглу дыма и пыли. Напротив Малого театра уже можно было различить огром-

ную воронку и несколько поваленных людей, но сам театр не пострадал, а памятник Островскому не сидел перед его входом не потому, что его уничтожила бомба, а поскольку его давно эвакуировали.

– А вот с Большим театром, похоже, дела хуже! – сказал Драчёв, высунувшись из окна автомобиля и глядя назад. Различить меру разрушения главного театра оперы и балета СССР не представлялось возможным, поскольку его облик сильно изменила маскировка, и фанеру этой маскировки теперь лизало ленивое пламя. – Кажется, прямо по фасаду ударило. Вон обломок колонны.

– Мне и ихний язык никогда не нравился, – зло произнёс Кошей, мучая машину по усеявшим дорогу кускам асфальта. – Швайн-квайн! Тьфу на вас!

– Всё-таки, не сработала маскировка, – тяжело вздохнул Павел Иванович.

– Давайте-ка мы в метро, – предложил водитель, выезжая к станции «Площадь Революции», в которую толпами вбегали люди. – Чёрт их не знает, ведь прорвались, черти, кабы не кабы, Красную площадь отутюжат.

– Нет, недалеко осталось, – отказался прятаться генерал-майор. – Едем в ГИУ.

– Как хотите, – проворчал Гаврилыч. – Погибнем, так не по моей вине.

И ещё через несколько минут «эмка» подкатила к зданию Второго дома Реввоенсовета. Венецианское окно встречало Павла Ивановича андреевским флагом – крест-накрест заклеенное бумажными полосками. Во время бомбёжек укрепленное таким образом стекло лучше выдерживает динамические нагрузки, а если и разбивается, то осколки не летят внутрь и не могут поранить находящихся в комнате. Когда-то андреевский флаг развевался на корме военных кораблей, после революции его запретили, и вот теперь он вернулся на окна советских граждан в виде этих бумажных полосок. Ещё с лета, как начали Москву бомбить, московские окна приняли на себя крест, а теперь ещё и здания в Кремле и вокруг Кремля перечеркнули свои стёкла.

Главный интендант РККА генерал-майор Давыдов тоже не желал прятаться в бомбоубежищах, и как только ему доложили о прибытии Драчёва, немедленно вызвал его к себе.

– Видал, что на Москве творится? – спросил он, поздоровавшись.

– Да уж, представился случай, – ответил Павел Иванович. – На моих глазах очередь перед Центральным телеграфом на куски разметало. А потом ещё стал очевидцем, как по Большому и Малому театрам шарахнуло.

– Да ты что! Я ещё не в курсе.

– Прозевало нынче наше ПВО.

– Сильные разрушения?

– Большому театру по фасаду досталось. Малый не пострадал.

– Дожили... Боюсь, Журавлёву не сдобровать.

Даниил Арсентьевич Журавлёв руководил противовоздушной обороной с самого начала войны, и своё дело организовал блестяще. Немцам не удалось совершить ни одного массированного нападения, прорывались лишь единицы.

– Генерал-майор Журавлёв как никто другой держит небо над Москвой, – сказал Драчёв. – Насколько мне известно, из ста вражеских самолётов успех имеют лишь два-три.

– Это да, – согласился Давыдов. – Но сегодня-то что случилось? Такой прорыв! А тут ещё парад... Ты так до сих пор и не куришь? – И он, взяв со стола пачку, закурил. На пачке мелькнуло название: «В атаку».

– И не намерен, – ответил Драчёв.

– Видал, какие новые папиросы стал «Дукат» выпускать?

– Обратил внимание. С парадом в Куйбышеве всё в порядке, товарищ генерал-майор.

– Это я в курсе, товарищ генерал-майор. Ты молодец. Но теперь предстоят новые труднейшие задания. Тут в Москве решили парад провести.

– В Москве-е-е?! – чуть не проглотил язык Павел Иванович.
– Представь себе.
– Возможно ли? Да при таких бомбардировках!
– Вот и я говорю. Так нет же! Сегодня будет принято окончательное решение. Хрулёв и мы с тобой тоже приглашены. Но учти, это строжайше секретная информация. Кстати, – он глянул на часы, – нам уже через пару часов выезжать.

Когда через два часа ехали на Старую площадь, над Москвой гуляли в большом количестве лучи прожекторов, трещали зенитки, но грохота взрывов не доносилось. Видимо, к центру столицы гитлеровские самолёты больше не могли прорваться.

Секретное совещание проходило в главном зале заседаний. За длинным столом, покрытым зелёным бильярдным сукном, сидели члены Политбюро Молотов, Каганович, Андреев, Микоян и Жданов. Отсутствовали находящиеся в Куйбышеве Калинин и Ворошилов, а также Хрущёв, которому поручили представлять руководящий орган партии на параде в Воронеже. Там же за столом сидели первый секретарь Московского обкома партии Щербаков, командующий Западным фронтом генерал армии Жуков, командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант Артемьев, его помощник генерал-лейтенант Громадин, командующий ВВС генерал-лейтенант авиации Жигарев и командующий ВВС Московской зоны ПВО полковник Сбытов. Хрулёв, Давыдов и Драчёв разместились на стульях вдоль стены рядом с начальником первого отдела НКВД Власиком, генеральным комиссаром госбезопасности Берией и тем самым Журавлёвым, о котором недавно Давыдов говорил, что ему не сдобровать. Вид у бедняги и впрямь не светился радостью.

Стул Верховного главнокомандующего стоял во главе стола, но войдя, Сталин так ни разу на него не приземлился, а всё ходил хищной походкой по залу, попыхивая трубкой, и говорил голосом дедушки, чьи внуки очень постарались, чтобы испортить ему настроение:

– Мы собрались с вами обсудить грядущие мероприятия по случаю двадцать четвёртой годовщины Великой Октябрьской революции. В прежние годы это был радостный повод. Ныне, увы, нам его омрачили. Как говорил один персонаж по имени Антон Антонович, я пригласил вас с тем, чтобы сообщить пренеприятное известие...

Павел Иванович заметил, как он постарел за эти военные месяцы, под глазами мешки, лицо серое, морщины чёрные. Бросали бы вы курить, Иосиф Виссарионович! Но как такое скажешь ему?

Сталин направился к Журавлёву, и тот встал, вытянулся в струнку, ни жив ни мёртв. Посмотрев на него, Верховный сказал:

– Высокий, красивый, выправка безукоризненная... Объясните, товарищ Журавлёв, что сегодня произошло?

– Готов ответить по всей строгости, – произнёс Даниил Арсентьевич. – Да, сегодня подвластная мне структура дала сбой. В результате, по первым подсчётам, погибло тридцать пять жителей Москвы, более ста получили ранения различной степени тяжести. Повреждено несколько зданий. Обиднее всего, что пострадал Большой театр.

– Да, – сказал Сталин. – Это обидно. Когда в июле на Арбате немцы бомбой уничтожили театр Вахтангова, было нисколько не жаль эту архитектурную абракадабру в стиле конструктивизма. Мы построим новое здание в хорошем стиле. Так что там с Большим театром?

– Бомба, по всей видимости, весом в полтонны прошла между колоннами под фронтоном портика, пробила фасадную стену и, к счастью, взорвалась в вестибюле.

– К счастью? – зло удивился Сталин.

– Да, товарищ Верховный главнокомандующий, – кивнул Журавлёв. – Попади бомба в середину театра, от него бы ничего не осталось. Потому что на случай отступления в подвалах заложены три тонны взрывчатки.

– Тогда и впрямь, к счастью. Надо эту взрывчатку убрать. Из Москвы мы драпать пока не собираемся. А то до меня тут дошёл анекдот, будто за бегство из Москвы назначена медаль на драповой ленте. Так что же? Восстановлению подлежит?

– Подлежит, товарищ Верховный главнокомандующий. А за то, что произошло сегодня, я готов нести самое суровое наказание.

– Самое суровое? – вскинул брови Сталин и, развернувшись, пошёл в сторону стола. – Наказывать будем после войны. А сейчас работать надо. Мы тут как раз на сегодня наметили товарища Журавлёва повысить в звании до генерал-лейтенанта и наградить орденом Красного Знамени. За его выдающиеся заслуги в деле сдерживания врага в небе над Москвой.

– Готов быть лишённым всех наград, – горестно, но с достоинством произнёс Журавлёв. – И разжалованным в рядовые.

– Что ж, это было бы и впрямь суровое наказание, – усмехнулся Сталин. – Как вы считаете, товарищи?

Сидящие за столом закивали, а Берия хмыкнул:

– Не очень суровое. Если бы не заслуги Журавлёва...

– Вот именно, – повернулся в сторону Берии Верховный. – Если бы не его выдающиеся заслуги. Потому что, к примеру, Лондон пострадал от немецкой авиации в гораздо большей степени, чем наша столица. И именно поэтому разжаловать генерал-лейтенанта Журавлёва в рядовые и лишать его всех наград мы не будем.

– Генерал-майора, – поправил Жуков.

– Нет, с сегодняшнего дня он генерал-лейтенант, и это повышение в звании мы тоже отменять не будем.

Вот это поистине царская милость, хотелось сказать Драчёву, но он лишь молча радовался за Журавлёва.

Далее пошли доклады о том, как движется подготовка к Седьмому ноября. Особенно долго докладывал круглолицый и курносый Щербаков. Обычно толстых и мордастых руководителей в народе не жалуют, но москвичи любили этого миловидного добряка. Сталин и теперь не садился, а ходил вокруг длинного стола. Лишь однажды подошёл к пепельнице, вытряхнул в неё сгоревший табак, снова наполнил курительную чашу табаком из своего кисета и раскурил трубку фирмы «Данхилл» с белой точкой поверх мундштука. Выслушав доклады, он выпустил большой клуб дыма и спросил, делая паузы между составными частями предложений:

– Мы всегда. В день праздника революции. Проводили военный парад. А что, если. И сейчас, в двадцать четвёртую годовщину. Военный парад.

Все за столом стали в недоумении переглядываться. Сейчас? Когда нас так бомбят? – читалось в лицах.

– Что вы думаете, товарищи? – спросил Сталин. Усмехнулся: – Или вы ничего не думаете? – Пошёл вокруг стола. – Понимаю. Это для вас неожиданно. Но. Это политически необходимо. Мы должны показать, что не отдадим Москву. Кажется, в том нет ни у кого сомнений. Так вот. Надо, чтобы сомнений не оставалось ни у кого. Чтобы не сомневались советские граждане. Чтобы поняли люди всего мира. Итак. Я повторяю. Можем ли мы провести парад седьмого ноября? Скажите хоть что-нибудь! Почему молчите?

Первым отозвался Артемьев:

– Товарищ Сталин, я скажу честно: меня одолевает сомнение. Ведь это весьма рискованно.

– Конечно! – сердито ответил Верховный. – Но риск – дело благородное. Как говорится, кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Знаете такую поговорку?

– Знаю, – кивнул Павел Артемьевич. – Но, тем не менее, я выступаю против...

Сталин скривился и почесал скулу.

– А я, товарищ Артемьев, выступаю за. Хотя, ваши опасения, Павел Артемьевич, имеют основание. Они справедливы. Командующий Западным фронтом, доложите обстановку на фронте?

Жуков встал, ответил сердито и кратко:

– Обстановка на фронте в данный момент стабильная. – И сел.

– Вот видите? – сказал Сталин, обращаясь к собранию. – Стало быть, можем мы провести парад седьмого ноября? В состоянии? Повторюсь. Москву мы псам-рыцарям не отдадим. Но дело не в одной Москве. Гитлер рассчитывал на блицкриг. Но его блицкриг уже не получился. Впереди морозы, а к лютой зиме, насколько мне известно, немцы не готовы. Что скажет наше интендантское ведомство?

Тут почему-то и Хрулёв, и Давыдов с двух сторон глянули на Драчёва.

– Я? – спросил он Хрулёва. Тот кивнул, и Павел Иванович встал: – Разрешите мне, товарищ Верховный главнокомандующий?

– Вы, кажется, новый заместитель главного интенданта?

– Да, генерал-майор Драчёв. Занимался подробным изучением немецкого обмундирования, – представил его Хрулёв.

– Докладывайте, – приказал Сталин.

– К условиям суровой зимы немцы не готовы. Этот вопрос мной изучен досконально. Начать со знаменитого немецкого сапога. – Павел Иванович догадался, какой первой главой начинать разговор с сыном сапожника Джугашвили. – Он у них называется «маршштифель», что означает «маршевый сапог». Многие восхищаются, и есть чем. Немцы даже называют их «вундерштифель» – «восхитительный сапог». Он изготавливается из высококачественной коровьей кожи, покрашенной в чёрный цвет. Двойная подошва укрепляется, в зависимости от размера ноги, тридцатью пятью тире сорока пятью гвоздями. Причём это не гвозди, а произведение искусства. Каждый делается поштучно из закалённого металла. Шестигранная выпуклая шляпка – как бриллиант. Плюс – на каблуках металлические подковы идеального качества. Словом, не сапоги, а настоящие шедевры обувной промышленности. У нас многие мечтали о создании таких же, но я всегда выступал против. И вот почему.

– Почему же? – спросил Сталин, и впервые за сегодня его глаза перестали излучать злость.

– В таких сапогах хорошо маршировать по тёплой и уютной Европе, – продолжил Павел Иванович. – Или проводить блицкриг в летних условиях или ранней осенью. Но с наступлением морозов чудо-гвозди становятся для ноги солдата врагами, поскольку они высасывают из них тепло.

– Вот оно что! – обрадовался Верховный. – А ведь я сапожное дело знаю, и тоже думал об этом. А вы полностью доказали правильность моих мыслей.

– Кроме того, – продолжил Драчёв. – Немцы, как известно, народ чрезвычайно педантичный. Это у нас могут выдать обувь на три размера больше. Они своим солдатам и офицерам выдают сапоги в точности по размеру. К чему это приведёт?

– Носки! – догадался Сталин.

– Совершенно верно, товарищ Верховный главнокомандующий. Носки. При точном размере нельзя надеть толстый и тёплый носок. Или обмотку. А ещё голенища.

– Что голенища?

– Для удобства и быстроты надевания немцы сделали их широкими. И напрасно. Зашёл в глубокий сугроб, и – полный сапог снега.

Вместе со Сталиным все присутствующие сделались веселее. На Драчёва взирали так, будто он какой-нибудь Лемешев, и не докладывает, а исполняет арию герцога из «Риголетто».

– Сапоги, шапки, ремни, каски, обмундирование – всё это имеет на войне значение не меньшее, чем вооружение, – продолжал своим приятным баском Павел Иванович. – Немцам

нужно срочно добывать валенки или бурки, что сейчас в краткие сроки сделать невыполнимо. Наши каски лучше немецких. Ненамного, но всё же лучше. Безусловно, у немцев лучшего качества ремни и патронташи, у них замечательные ранцы и перевязочные мешки. Но вот нательное обмундирование...

– Так-так?

– У немецкой армейской одежды есть одна неприятная особенность, вытекающая из специфики их лёгкой промышленности. Если мы способны обеспечить РККА хлопчатобумажными гимнастёрками и кителями из лёгкой шерсти, в Германии с этим возникли проблемы. Это после разгрома в той войне, когда их промышленность фактически была разрушена санкциями стран-победительниц. В итоге они вынуждены изготавливать армейскую одежду из смешанных материалов, шерсть обильно разбавлять вистрой и вискозой. В такой одежде летом жарко, а зимой холодно. Вот почему во время летнего наступления они вынуждены были закатывать рукава. Жарко. Я примерял их обмундирование, оно неудобное и колючее. Наше гораздо удобнее. А главное, и немецкие гимнастёрки, которые называются фельдблузами, и кители опять-таки предназначены для молниеносной войны. Долго в окопах, а особенно в условиях русской зимы, они не выдержат. Впрочем, наивно полагать, будто они олухи. Их Генштаб уже издал необходимые постановления по обеспечению вермахта шерстяными свитерами, тёплыми головными уборами, тёплыми жилетами, варежками, шарфами и даже защитными наушниками. Но поздновато проснулись, всё это поступает пока в малых количествах, и полностью обеспечить вермахт они смогут не раньше весны. К тому времени мы должны сломать им хребет под Москвой.

– А разве наши солдаты снеговики? Не замерзают в морозы? – спросил Сталин.

– Товарищ Верховный главнокомандующий, – вмешался Хрулёв, – разрешите доложить, что тёплыми вещами РККА к концу октября оснащена в достаточной мере. К тому же благодаря стараниям генерал-майора Драчёва налажены значительные поставки верхней тёплой одежды из дружественной нам Монголии. Благодаря личным контактам Драчёва с маршалом Чойбалсаном. Он с ним постоянно на телефонной связи.

В этот момент Павел Иванович посмотрел на Жукова, мол, получи! Но Георгий Константинович хмуро уткнулся в листок бумаги и что-то на нём не то писал, не то рисовал.

Когда-то в Монголии, накануне решительных сражений с японцами, Жуков недооценил и оскорбил Драчёва, написал на него уничижительный рапорт, снял с должности и отправил в Россию.

– Спасибо, товарищи интенданты, – улыбнулся Сталин. – Вы дали обнадеживающие ответы. Как видите, мы лучше подготовлены к зиме, а значит, Москву в подарок к Новому году Гитлер не получит. И очень скоро мы начнём контрнаступление. И разгромим. И погоним прочь от Москвы. Стало быть, я могу вернуться к теме парада. Что нам доложит авиация?

– Авиации, товарищ Сталин, нужны низкая облачность и снег, – отвечал Жигарев. – А лучше – метель. Тогда немцам не удастся поднять в воздух свои самолёты. Что же до наших ВВС, они готовы к отражению атак.

– В таком случае, – нахмурился Сталин, – нам нужно срочно наладить контакт с небесной канцелярией. Пусть хоть раз напрягутся. Организуют нам снег с метелью. Неужели ни у кого нет телефона, чтобы позвонить туда? – Он указал пальцем в потолок. – Ладно, это шутки. Так что скажет наш ГКО?

От Государственного Комитета Обороны присутствовали Молотов, Берия и сам Сталин. Слово взял Молотов:

– Я полностью согласен с Верховным главнокомандующим. Парад необходим для поддержания духа советского народа в сложившейся крайне сложной ситуации. Я – за.

– Я тоже считаю такое решение очень важным, – произнёс Берия, сверкнув стёклами пенсне. – И с внешнеполитической точки зрения, и с государственной.

– К тому же ситуация стабилизировалась, – добавил Сталин. – Я вас правильно понял, товарищ командующий Западным фронтом?

– Правильно, товарищ Верховный главнокомандующий, – встал Жуков. – В последних сражениях вермахт понёс значительные потери. Немцам нужна передышка и перегруппировка. Конечно, они хотели бы взять Москву к годовщине революции, но полагаю, для решительного наступления они сейчас не готовы.

– Разрешите высказаться? – снова встал Жигарев. – Насколько я понимаю, вопрос с парадом фактически решён. За пару дней до Седьмого ноября ВВС нанесёт удары по аэродромам, с которых немцы вылетают бомбить Москву.

– А почему до сих пор не нанесли? – спросил Сталин сердито.

– Исправимся, товарищ Верховный главнокомандующий.

– И вы, товарищ Журавлёв, исправляйтесь, – вновь обратился Сталин к руководителю ПВО. – Для этого мы вас повысили в звании и представили к ордену. Авансом. Так что, отработывайте свой аванс.

– Слушаюсь, товарищ Сталин!

– Политбюро? – обратился Верховный к сидящим за столом.

– Предлагаю поставить вопрос на голосование, – откликнулся Каганович.

– Ставьте.

– Кто за предложенный товарищем Сталиным парад Седьмого ноября?

Все, кроме Артемьева, подняли руки.

– Кто против? Никого. Воздержавшиеся?

Артемьев поднял руку.

– Что ж, ваше упорство похвально, – сказал ему Сталин. – Стало быть, товарищи, вопрос решён. Назначаю военный парад на десять часов утра по московскому времени. Седьмого ноября. И прошу соблюдать секретность. Никто ничего не должен знать до часа икс. Особенно враги. – Сталин снова пошёл вдоль стола. – А кто мне вкратце доложит о подготовке парадов в Куйбышеве и Воронеже?

– Разрешите? – поднял руку Хрулёв.

– Пожалуйста, Андрей Васильевич.

– В общем и целом, там всё подготовлено, товарищ Сталин. Наблюдались некоторые сбои с обмундированием в Куйбышеве, но отправленный туда генерал-майор Драчёв, благодаря своему высокому профессионализму, всё благополучно решил.

– Вот как? – ласково посмотрел на Павла Ивановича Иосиф Виссарионович. – Опять Драчёв? Да он, я смотрю, везде поспел. И фамилия хорошая. Люблю драчунов. Ненавижу всяческую размазню. Что можете добавить, товарищ Драчёв?

– Могу дать совет, товарищ Верховный главнокомандующий, – встал Павел Иванович. – Во время парадов людям приходится подолгу стоять на месте. Ноги коченеют. Хорошо бы выдать всем газеты.

– Когда читают, не мёрзнут, что ли? – усмехнулся Берия. – Воображаю, как они выстроились перед парадом и читают передовицу в «Правде».

– Газеты сохраняют тепло, знать надо, – сердито повернулся к нему Сталин. А к Павлу Ивановичу обратился почти ласково: – Хороший совет, товарищ первый заместитель главного интенданта. Сразу видно человека, воевавшего в зимних условиях. Я под Царицыном зимой девятнадцатого тоже газетами спасался. Причём только нашими. Почему, спросите вы? Да белогвардейские не грели!

На этой шутке совещание и закончилось.

Глава одиннадцатая

Парад на краю пропасти

Интенданты вернулись в ГИУ и среди ночи занялись делами, связанными с предстоящим парадом. За окнами гудела сирена воздушной тревоги, но на неё не обращали внимания, ведь до парада оставалось всего девять дней. Спать Павел Иванович лёг только под утро в своём кабинете. Как обычно в таких случаях, мгновенно провалился в сон, и, как ему всегда в таких случаях казалось, тотчас же и проснулся, хотя пробыл в небытие пять часов. И снова побежал серый октябрьский день, полный бумаг, звонков, телеграмм, писем, рапортов, распоряжений, снова сквозь всё его существо, как нить сквозь игольное ушко, пошли эшелоны, шинели, сапоги, валенки, ремни, шапки, ящики с консервами и концентратами, мешки с крупой и мукой, замороженные говяжьи и свиные туши, оковалки сала, мешки с картофелем и морковью... И многое, многое бесконечное разное.

В отличие от некоторых, Павел Иванович нисколько не сомневался в необходимости парада, и лишь иногда вспыхивало сомнение – немцы в Волоколамске, а это сто двадцать километров от Кремля, подошли к Туле и оттуда их танковая армия готова устремиться на Москву с юга...

Но утешают донесения об ухудшении состояния гитлеровских войск – пленные все сплошь во вшах, чешутся, как макаки в зоопарке, летнее обмундирование истрепалось, а зимнее поступает крайне редко. В бой очень часто идут пьяные, иначе командиры не способны их поднять в атаку. А холодное время года ещё только начинается. Оснащение наших воинов гораздо лучше, к зиме достаточное количество полушубков и новых ватных курток с такими же тёплыми ватными штанами...

В начале восьмого часа вечера 29 октября он сидел в своём кабинете, напряжённо работал.

И вдруг – ба-бах! – страшнейший грохот!

Павел Иванович подбежал к венецианскому окну и сквозь андреевские кресты увидел над Кремлём огромное зарево.

– Да что ж это такое! Опять Журавлёв прошляпил!

Доселе Кремль трижды подвергся бомбардировкам. В первый раз ночью с 22 на 23 июля. Одна из фугасных бомб весом в 250 килограммов, начинённая аммоналом, пробила крышу и потолочное перекрытие Большого Кремлёвского дворца, упала на пол в Георгиевском зале, но по какой-то причине не взорвалась, а развалилась на части, оставив на полу зловещую воронку.

– Чудо святого Георгия, – пошутил тогда Сталин, который в ту ночь находился на Ближней даче.

Всего в первую бомбёжку немцы сбросили более семидесяти термитно-зажигательных бомб на Соборную площадь, в Большой сквер, на крышу Большого Кремлёвского дворца и на чердак четырнадцатого корпуса, но все они были благополучно потушены, никто не пострадал. На Красной площади между Мавзолеем и зданием ГУМа взорвались три фугасные бомбы, но лишь повредили брусчатку, а вся Красная площадь и Кремль оказались завалены желтой листвой немецких агиток.

Во второй раз Кремль подвергся попаданию около семидесяти термитно-зажигательных бомб в ночь на 7 августа, все они оказались обезврежены и снова никто не пострадал. Сталин летом и осенью почти постоянно находился в Кремле, но и в эту августовскую ночь пребывал на Ближней даче.

Удивительно, что и в ночь на 12 августа в десять часов пополудни Иосиф Виссарионович уехал в Кунцево, а Кремль подвергся бомбёжке, и на сей раз весьма сильной. В час ночи стокилограммовая бомба упала у подъезда президиума Большого Кремлёвского дворца,

другая весом в тонну попала в здание Арсенала, сильно повредила его, ещё три взорвались у Боровицких ворот и в Александровском саду. Во дворе Арсенала оказались разрушены гараж, общежития подразделений гарнизона, склады, столовая и кухня, уничтожена зенитно-пулемётная огневая точка. Погибло пятнадцать человек, тринадцать вообще пропали без вести, более сорока получили ранения.

И вот снова шибануло! Павел Иванович стоял у окна своего кабинета и смотрел на языки пламени и клубы дыма, поднявшиеся над Кремлём. Боже, что творится, горит русская святыня! Как горела в сентябре 1812-го, когда из неё бежали французы, как горела в ноябре 1917-го, когда большевики выкуривали юнкеров, а потом просто бомбили спьяну.

На сей раз потери оказались тяжелее, чем в августе. Полутонная бомба снова попала во двор Арсенала. Погибли сорок один человек, не найдены четверо, ранено более ста.

Целесообразно ли проводить в таких условиях парад? Многих одолевало сомнение. Журавлёв, Громадин и Сбытов поклялись, что больше к центру Москвы немецких небесных хищников не пустят, и все первые дни ноября в центре столицы стояла тишина, лишь третьего числа гитлеровцы сумели сбросить фугаски в районе Красносельской.

Всю неделю Драчёв напряжённо работал, спал лишь два-три часа в сутки, ел на ходу, всецело направленный на то, чтобы со стороны интендантской службы парад прошёл без сучка без задоринки. Сильно взбодрил его звонок из Новосибирска – добрались, обосновались, квартира хорошая, та же самая, в которой они всей семьёй жили двенадцать лет – с мая 1924 по май 1936-го, продуктов хватает, девочки пошли в школу, Ната – в десятый класс, Геля – в восьмой. Слава тебе, Господи! Уж дотуда крылья чёрные не долетят.

А накануне парада и письмо пришло с родным адресом на конверте: Новосибирск, Красный проспект, д. 78, кв. 18. Он поцеловал конверт, неторопливо вскрыл его, к глазам бросились тёплые слова «отец», «скучаем», «хорошо», «всего в достатке», «в квартире не холодно», «без тебя плохо»... Прислонил лист бумаги к лицу и пронзительно ощутил запах пельменей. Таких, которые умела готовить единственная женщина во всём мире – его Муся-Маруся, и за тарелку которых он бы сейчас отдал многое. О, это была еда так еда! Он мог месяц питаться только ими, окунать в сметану, чтобы на пельмене появлялась белая шапочка, откусывать крохотный кусочек чёрного хлебца и отправлять чудо кулинарии в рот, где пельмень открывал свою сущность – сок, лучок, чесночок и мясную начинку из говядины и свинины. Есть ли что-либо вкуснее? Хотя нет, в их семье с пельменями воинственно соперничал «Танец живота». Ната и Геля постоянно спорили, кто из них первой придумал такое название для маминого потрясающего пирога с мясом или рыбой. Как его готовила Маруся, одному только Богу известно! В середине она большим пальцем проделывала отверстие, чтобы пирог дышал, сверху смазывала сливочным маслом и яйцом так, что выпекалось некое подобие смуглого живота восточной красавицы, отверстие в середине становилось изящным пупком, вот и родилось столь меткое наименование. Попробовав сей шедевр кулинарного искусства, всем хотелось танцевать от восторга.

Маруся готовила под сильным вдохновением, но оно часто накатывало на неё, и, забыв про все дела, она бросалась месить тесто, крушить начинку, лепить пироги, пирожки и пельмени самой разнообразной, порой причудливой, внешности. В первые годы совместной жизни Павла Ивановича раздражало, что она могла ринуться к стирке, забыв снять красивое парадное платье, испачкать его в муке, заляпать тестом или хуже того, каким-нибудь соусом.

Да, Драчёв был дотошный аккуратист, при постоянном множестве дел его письменный стол никогда не бывал завален бумагами, как у некоторых, типа, так занят, что не могу навести на столе порядок. Снимая с себя одежду, он всегда вешал её в шкаф, следя, чтобы ни единой морщинки и складочки, брюки ложились штаниной на штанину в точном попадании одна поверх другой.

В отличие от мужа, Маруся могла раздеться и бросить платье и чулки на спинку стула, а они ещё и свалятся на пол. И долгое время его эта безалаберность раздражала:

– Чёрт знает что такое! Ведь ты же выпускница гимназии, отличница, и на службе всегда ответственный работник.

– Пожалуйста, без занудства, – решительно, но не злобно, отмахивалась жена.

И однажды он понял, что любит её в том числе и за те случайные недостатки, которые порой бесили его. И если бы она вдруг исправилась, ему тоже пришлось бы перестраиваться под неё новую. Нет, сказал он себе, настоящая любовь, это когда ты любишь в человеке всё, даже то, что должно вызывать недовольство. Ну, конечно, не когда тебе изменяют или тебя не ценят, не любят. Или в магазине тайком приворовывают. Стоп! А если бы Маша тайком приворовывала? Вот тут задумаешься. Но она, слава богу, не приворовывала, не расхищала социалистическую собственность, не шпионила в пользу Японии и вообще являлась образцовой гражданкой СССР, женой и матерью. А небрежность и домашняя безалаберность – такой пустяк по сравнению с настоящими грехами.

Запах Марусиных пельменей продолжал преследовать его, томил обоняние, сидя в носу, как лазутчик из счастливого довоенного мира, вызывал слюну. И глядя из окна своего кабинета на марширующие по Красной площади полки, он видел в них ряды сибирских пельменей, добротных, вылепленных умелой рукой жены. Снежок белил сметанкой будёновки, фуражки, шапки и края касок, воротники и плечи. Бойцы шли в новеньких с иголки шинелях, коими в полном достатке обеспечило их его ведомство, и ему есть, чем гордиться.

Он предложил идею бросить клич в газетах и по радио, чтобы помимо фабричного организовать индивидуальный пошив на дому – москвичи и москвички приходили по обозначенным адресам, брали лекалы, материал, пошивочный инструмент, шили обмундирование, приносили его и получали заработанные деньги. Поначалу ручеек слабенький, но быстро набирал силу, превращаясь в ручей, а там, глядишь, и в реку.

Накануне праздника Красную площадь освободили от оков маскировки, взору Павла Ивановича открылся во всей красе и Василий Блаженный, и засияли надраенные Минин с Пожарским, изгнавшие из Москвы поляков и украинцев. О поляках в учебниках и научных статьях говорилось много, в позапрошлом году фильм сняли «Минин и Пожарский», где тоже враги – только ляхи. Про то, что украинцев в польских рядах было больше, чем поляков, не упоминалось, поскольку Ленин после революции создал отдельную украинскую республику, отдав богатейшие природными ископаемыми восточные области Новороссии. Да и Сталин с умилением слушал украинские песни, коих, как говорят, в его личной фонотеке насчитывалось чуть ли не треть. Ну да ладно, теперь украинцы, особенно из восточных областей, доблестно сражались против гитлеровцев.

Распакованные пятиконечные звёзды кремлёвских башен снова зажглись в небе над Москвой. Мавзолей из фальшивого дома вновь стал усыпальницей Ленина с трибуной для руководителей страны. На брусчатке ещё не стёрлись нарисованные зелёные крыши домов, которые с воздуха создавали иллюзию сплошной застройки.

Командующие ПВО и ВВС обещали не допустить немецкие самолёты в небо над Москвой, а метеослужба пророчествовала о снежной буре, которая не даст им даже взлететь.

Когда стемнело, Давыдов вошёл в кабинет Драчёва и приказал:

– Одевайтесь, Павел Иванович, едем. Награды!

Куда, зачем, он в таких случаях давно привык не спрашивать у начальства. Надел китель с наградами и проследовал за своим начальником. Выйдя из ГИУ, над Красной площадью он увидел удивительную луну в ореоле светлого круга. Подобное ему уже доводилось наблюдать в Сибири накануне взятия Красноярска. И перед взятием Иркутска тоже, только не вокруг луны, а вокруг солнца.

– Это гало, – сказал он теперь. – Доброе знамение.

На машине Давыдова поехали по улице Горького.

– Гало? – спросил Пётр Данилович.

– Да, – кивнул Павел Иванович. – Редкое оптическое атмосферное явление. Для меня всегда было предвестником победы.

– Это хорошо, – сказал Давыдов. Подумал и добавил: – Только немцы его тоже видят. Что скажете, для них это тоже предвестник победы?

– Нет, – решительно возразил Драчёв. – Для них это знак беды.

– Ну, коли так, то пусть, – засмеялся главный интендант.

Доехали до Белорусского вокзала, вышли, направились к входу в метро. Днём стояла теплынь, а сейчас начало подмораживать. Павел Иванович давно догадался, куда они направляются, слух о торжественном заседании в канун Великого Октября через какую-то трещинку да просочился. У входа в метро милиционер проверил документы, а Давыдов ещё показал ему два билета, после чего тот вежливо козырнул. В вестибюле метро повторилось то же самое с другим милиционером. Спустились по эскалатору вниз, где встретились с третьим милиционером. Внимательно рассмотрев билеты, он проводил двух генерал-майоров в вагон, где уже изрядно толпились разные военные чины, в основном полковники и генералы, но мало знакомые. Все в орденах и медалях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.